

Научно-информационный журнал
**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

№ 4 (ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ) 2018

Издается с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Горлова И. И., Коваленко Т. В., Зорин А. Л.** О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох 3
- Фесенкова Л. В.** Утопизм в современных представлениях о мире: концепция ноосферы 9

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Катасонов В. Н.** Глубины и мели сборника «Из глубины (1918)»: размышления над страницами книги, не вышедшей в свет 99 лет назад 15
- Крюков Д. В.** Скульптуры апостолов на фасаде храма Рождества Богородицы в селе Подмоклово в контексте культуры Петровской эпохи 26
- Мионов А. С.** Картина мира русского эпического сознания: цивилизационные особенности 36

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Исаченко Т. А.** Памятные записки как мегатекст: опыт многоуровневого прочтения альбома-календаря великой княжны Анастасии 43

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Баниже О. Н.** Неклассический дискурс телесности в свете идеи постчеловека 60
- Кортович А. В.** Художественные особенности многофигурных сюжетных композиций в декоративном оформлении русских народных тканей XVIII века 63

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- Ипполитов С. С.** «Шато рюсс»: повседневный быт русских эмигрантов (1920–1930-е гг.) 75
- Павлов А. В.** Взгляды современников на войну и дух российских вооруженных сил конца XIX — начала XX веков 82

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

- Прядуха Н. А.** Музыкальность скульптуры как компонент культурного ландшафта города (на примере городской круглой скульптуры Барнаула) 89

Мнения авторов статей не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

В оформлении обложки использован фрагмент репродукции картины художника Афанасия Осипова «В долине Амги. 1997 г.». О художнике см.: Тимофеева В. В. Традиционная культура северных коневодов в современном искусстве Якутии (на примере живописных произведений А. Н. Осипова) // Культурное наследие России. 2018. № 2. С. 74–81.

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. К. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филол. наук, профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер — **М. С. Волохов**, член Творческого союза художников России, Международной федерации художников ЮНЕСКО (IFA);

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

А. Л. Доброхотов — д-р филос. наук, профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Ю. А. Лукин — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окорочков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — д-р исторический наук, кандидат географический наук, заведующий отделом социокультурных и туристских программ Института Наследия;

В. В. Патоков — канд. экономических наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

В. Н. Расторгуев — д-р филос. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

Т. Д. Соловей — д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии МГУ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Е. П. Чельшев — Академик Российской академии наук, доктор филологических наук, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований в сфере культуры Института Наследия, Заслуженный деятель науки РФ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия); Межрегиональная общественная организация (МОО) «Русский культурный центр».

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 008
ББК 63.3

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» И «ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ» В КОНТЕКСТЕ РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Горлова Ирина Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Коваленко Тимофей Викторович,
кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российско-
го научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени
Д. С. Лихачева,
ул. Красная, 28, Краснодар, 350063,
e-mail: timofey.kovalenko@gmail.com

Зорин Александр Львович,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изуче-
ния культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского на-
учно-исследовательского института культурного и природного наследия имени
Д. С. Лихачева,
ул. Красная, 28, Краснодар, 350063,
e-mail: azor115@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается взаимоотношение понятий «культурное наследие» и «памятник культуры», а также их трактовки в разные исторические эпохи. В ходе исследова-

ния устанавливается, что в современную эпоху культурное наследие начинает пониматься как важный экономический ресурс, а реликты прошлого воспринимаются как продукты потребления, в результате чего создается «индустрия наследия», в центре внимания которой оказываются сегодняшние интересы людей, что влечет за собой инструментализацию прошлого и отказ от его аутентичного восприятия, выдвигание на первый план развлекательных элементов и преднамеренное искажение исторической правды.

Ключевые слова

Культурное наследие, памятник культуры, культурный ресурс, культурное наследие как «процесс создания значений», культурное наследие как продукт потребления.

История не просто череда следующих друг за другом событий: здесь прошлое определенным образом связано с настоящим. Прошедшее в сознании народов не абсолютно проходит и исчезает: зачастую оно еще как-то продолжает жить в настоящем. «Современность прошедшего, — пишет в данной связи Н. Гартман, — это не повторение и даже не аналогия, скорее ее можно назвать своеобразным сохранением, актуальностью прошлого в настоящем, несмотря на уход того, что было» [Гартман Н. С. 639]. Образно говоря, этот процесс допустимо назвать «вторжением» прошлого в настоящее, которое осуществляется двумя способами, в результате чего выделяются два типа вторжения. Первый тип, который можно было бы обозначить термином «молчаливое вторжение», включает в себя то, что в нас еще живо из прошлого, что до сих пор владеет нами и в определенных пределах не ощущается как прошедшее. Сюда можно причислить всё, что продолжает жить в традиции, что связано с нравами, манерами, обычаями, предрассудками и суевериями, а также с политическими, моральными и правовыми идеалами и оценками. Всё это не осознается как прошедшее, но продолжает жить в ныне здравствующем, однако, незаметно и молчаливо.

Второй тип вторжения во многом является противоположностью первого, поскольку живущий четко осознает, что прошедшее прошло. Но оно как будто разговаривает голосом из прошлого и в этом смысле внятно вторгается в настоящее как нечто сохранившееся в воспоминании. Так дело обстоит со всем, что «получают из рассказов, что продолжает жить в семейных и местных преданиях, в легендах и анекдотах, а также с тем, о чем напоминают памятники, постройки, руины, скульптуры» [Гартман Н. С. 640]. Этот тип соответственно можно назвать «внятным вторжением». Свое историческое прошлое каждый народ, как правило, сохраняет в обеих

формах, которые в реальности взаимно перекрывают друг друга.

Но, как известно, в настоящее вторгается не всё прошедшее, а лишь то, которое является актуальным для современности. «... Легче всего сохраняется то, что согласуется с какой-либо постоянной потребностью, с непреходящей проблемной ситуацией, с общечеловеческой склонностью» [Гартман Н. С. 643]. При этом также надо учитывать, что в человеческой истории существовали, с одной стороны, эпохи, верные традициям, сохраняющие старое ради него самого, а с другой, — эпохи, крайне негативно относящиеся к укоренившимся издавна нравам и обычаям и стремящиеся в силу этого подвергнуть их резкой критике. Стало быть, для первых прошлое оказывалось благонадежным и священным, для вторых же, напротив, — чем-то полностью отжившим и отягощающим. Наиболее явными антиподами в этом смысле являются эпоха Средневековья, безгранично почитающая традиции, и эпоха Просвещения, подвергающая всё безжалостной критике Разума и жаждущая существенных новаций во всех сферах жизни. Что касается нашего времени, то здесь человек не является ни увязшим в традициях и ищущим в них социальную стабильность и безопасность, как это было в домодернистский период; ни отрицающим и отбрасывающим традиции, представляющие для него всего лишь отживший свой век и безнадежно устаревший хлам, как это было в эпоху модерна. «Наши отношения с прошлым, традициями, наследием сегодня амбивалентны, неощутимы и нестабильны. Прошлое опять манит, завлекает, но в то же время отталкивает, отвращает, вызывает сомнения» [Чепайтене Р. С. 267].

Такая экзистенциальная неуверенность людей эпохи постмодерна вновь проблематизирует, казалось бы, известные и устоявшиеся в своем значении понятия, такие как «памятники», «на-

следие», «наследство», «ценности». Уточнение смысла данных понятий оказывается важным не только в теоретическом плане, но и с практической точки зрения, поскольку позволяет установить критерии, коими следует руководствоваться при отборе из всех реликтов прошлого того, что может выступать в качестве культурного наследия, требующего охраны и защиты.

В современной науке в этой связи было сформулировано довольно четкое понимание смысла данных понятий. «Наследство — то, что нам оставляет прошлое; наследие — то, что мы берем из прошлого и используем как собственность, а ценность культурного наследия — то, что мы сами выбираем из культурного наследия для использования и хранения на будущее» [Чепайтене Р. С.19–20].

С учетом вышеизложенного следует особо остановиться на соотношении понятий «памятник» и «наследие». Латинское слово *monumentum*, производное от глагола «*monere*» (помнить), первоначально означало вещь, предназначенную что-либо напоминать, или предупреждало не забывать. Стало быть, памятник — это не что иное, как сигнал для памяти, пробуждающий какое-то воспоминание. Со временем бытовой смысл этого слова отходит на второй план, а на первое место выдвигается значение, которое вполне правомерно назвать археологическим, т. е. памятник трактуется как след культуры прошлого. Неслучайно одним из фундаментальных критериев «памятниковости» стал рассматриваться возраст объекта: причем чем древнее считался памятник, тем больше он ценился. В XX в. наряду с археологической ценностью (исторической информативностью) начинают учитываться зрелость его формы (художественная ценность), уникальность или индивидуальность (неповторимость).

В отличие от термина «памятник», который уже значительное время назад был введен в научный оборот, понятие «наследие» стало применяться относительно недавно. Оно получило широкое распространение в научной литературе только в 80-е гг. прошлого века. Если слово «памятник» в смысловом плане указывает на прошлое, то слово «наследие» служит для выражения преемственности, подразумевая, прежде всего, акт приема-передачи чего-то от одного поколения к другому, т. е. обозначает преемственность поколений в историческом процессе.

В настоящее время всё еще бытует мнение, будто культурное наследие не что иное, как материальные реликты, которые дошли до нас из более или менее отдаленного прошлого. Наиболее часто это наследие отождествляется с уникальными памятниками истории или культуры, ценность которых определяется их редкостью и красотой. Подобный взгляд можно назвать элитным. Он берет свои истоки во второй половине XIX в., когда культурное наследие по большей части отождествлялось с уникальными произведениями искусства (живописи, архитектуры и т. д.), а также с материальными следами наиболее значимых исторических событий — например, местами крупных сражений. Аристократии прошлых веков, как правило, был свойственен повышенный интерес к истории собственного рода, ибо социальный статус аристократа напрямую зависел от древности его титула. Неудивительно, что представители аристократических кругов наиболее активно участвовали в исследованиях, касающихся культурного наследия и тем самым «заразили» любовью к древностям широкие общественные слои. Исключительный статус памятника как уникальной культурной ценности определял высокий социальный или даже политический престиж его владельца, способствовал легитимации и возвеличиванию его власти. Превознесение культурного наследия того или иного народа всегда использовалось для формирования его национального сознания и собственной идентичности. Большую роль здесь играла (и продолжает играть) мифология со своими героями и легендами, выдающимися историческими событиями, с помощью которых конструируются символы, становящиеся средствами государственной репрезентации.

В настоящее время концепция культурного наследия как некой совокупности выдающихся памятников прошлого претерпевает существенную модификацию. Широкое распространение получает точка зрения, согласно которой наследие, хотя и является отражением культурных ценностей того или иного общества, но сами эти ценности не имманентны объектам или событиям наследия. По утверждению Д. Муньери, «культурное наследие обращается к нам через ценности, которые ему присваивают люди, поэтому нет иного способа, как понять и интерпретировать материальное только через нематериальное» [Munjeri D. P. 332.]. Подобное признание

нематериального характера любого наследия закономерно приводит к мысли о том, что последнее (наследие) есть «процесс создания значений», в силу чего ценности утрачивают свою незыблемость, становясь, как следствие, спорными, т. е. зависящими от того, принимают их или отклоняют современные индивиды или социальные общности.

Становится понятным, почему проблема культурного наследия обостряется именно в периоды социальных кризисов или в так называемые переходные эпохи. Дело в том, что именно в это время наиболее существенно подвергаются коррозии привычные ценности и общественные нормы. Это ведет к пересмотру традиционных способов жизни и ломке устоявшихся связей. Одной из разновидностей такого пересмотра может оказаться как физическое уничтожение реликтов прошлого (например, разрушение Бастилии во времена французской революции), так и признание важнейшей частью наследия того, что таковым ранее не считалось (дом Ульяновых в Симбирске в годы советской власти).

В одной из своих работ французский социолог П. Бурдьё сделал утверждение о том, что, помимо экономического и политического, имеется еще культурный капитал [Бурдьё П. С. 245], в качестве которого могут выступать не только материальные объекты или произведения искусства, но и свойственные тому или иному обществу стандарты эстетического вкуса и т. д. В русле этих размышлений в настоящее время наследие всё больше начинает пониматься как своего рода экономический ресурс, который представляется особенно важным для развития регионов. При ориентации на рынок реликты прошлого воспринимаются как продукт потребления, направленный прежде всего на удовлетворение спроса потребителя и отобранный посредством использования критериев утилитарности и рентабельности.

По убеждению некоторых специалистов, в качестве ресурсов наследия, потенциально пригодных для создания продуктов «индустрии наследия», могут стать, наряду с сохранившимися реликтами прошлого, пестрая амальгама исторических событий и лиц, а также калейдоскоп мифологических, фольклорных и литературно-художественных ассоциаций. При этом прошлое предстает как своеобразная кладовая, обладающая неисчерпаемыми возможностями.

Примечательно, что различные элементы этого потенциально неисчерпаемого наследия получают возможность использования в разное время и в любых местах, самыми разными людьми и в разных целях. Одним словом, в центре внимания теперь «оказываются сегодняшние интересы людей, а не материя исторических реликтов» [Чепайтене Р. С. 171]. Ориентация на потребителя при определении культурного наследия в корне меняет понятие его аутентичности. Теперь уже не историческая правда сама по себе, а обладающий определенными вкусами и пристрастиями потребитель делает продукт для себя аутентичным. Если ранее собирание и использование культурного наследия считалось в основном делом аристократии и узкого круга специалистов, то в эпоху постмодерна всё больше возрастает число потребителей культурной продукции, вышедших из более низких слоев общества, что порождает, с одной стороны, демократизацию культуры и, в частности, культурного наследия, а с другой — его несомненную вульгаризацию.

Инструментализация прошлого и использование его реликтов в коммерческих целях в последние десятилетия однозначно возрастает. Постоянно находящимся в состоянии стресса людям рынок предлагает временно забыть, погружившись в своеобразное «псевдопрошлое», представляющее собой некую смесь суррогатов далекого «золотого века», «ностальгии по старине», а также естественности, экологичности и психологической устойчивости.

Современные технологи от культуры в угоду вкусам потребителя готовы игнорировать не только историческую правду, но и «этическое измерение» наследия, которое прежде было призвано учить людей на жизненном опыте прошлых времен. Вместо этого на первое место выходят развлекательные элементы, уже не только материально, но и морально «стерилизованного» наследия, которое не требует от потребителя «культурного продукта» ни самостоятельности мышления, ни какой-либо ответственности. По существу, в настоящее время утрачивает свое значение оппозиция понятий «культурное наследие» и «природное наследие». Если в 70-е гг. прошлого века по вопросу об отношении между людьми и окружающей средой существовали две принципиально разные позиции — биоцентрическая и антропоцентрическая, первая из кото-

рых перевозносила изначальную ценность дикой или первозданной природы, а вторая — важность культурных достижений человечества, то с введением в оборот понятия «культурный ландшафт», олицетворяющего собой общее творение природы и человека, начинает доминировать утверждение, что природа и культура существуют в неразрывной связи друг с другом, а значит, природа и ее ценности могут рассчитывать на выживание только при активном содействии общества и культуры.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что понятия «памятник культуры» и «культурное наследие» являются взаимопересекающимися и в повседневном словоупотреблении зачастую взаимозаменяемыми. И всё же вкладываемые в них смыслы не являются тождественными. Если слово «памятник» мы употребляем для того, чтобы подчеркнуть уникальность и элитарный характер того или иного объекта, то понятие «наследие» сопрягается в нашем сознании с такими свойствами, как доступность, демократичность и универсальность, в силу чего оно предстает как индикатор реликтов, доставшихся людям из прошлого. Данный термин применяется не только к любым объектам или артефактам прошлых эпох, но и одновременно указывает на их связь с современностью. Слово «памятник» вызывает прежде всего ассоциативные связи с прошлым, ибо по определению ему присуще о чем-то напоминать; понятие «наследие» как акт приема-передачи от прошлых поколений к нынешнему и последующим больше обращено в настоящее и будущее.

Если вплоть до конца 80-х гг. минувшего столетия большинство специалистов довольствовались использованием термина «памятник», то на рубеже XX–XXI веков они всё чаще употребляют словосочетание «культурное наследие». И это не случайно, потому что данное понятие способно охватить гораздо больше аспектов и объектов современной культуры, к которым в прежние времена было совершенно не приложимо название культурные ценности. Достаточно упомянуть такие следы ушедшей уже в прошлое индустриальной эпохи, как шахты, заводы, доходные дома, ангары и т. д. Всё это вряд ли можно считать памятниками культуры в традиционном понимании, однако, вполне можно использовать как доставшееся из прошлого наследие в развлекательных и коммерческих целях.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл/Пер. с франц. и общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
2. Гартман Н. Проблема духовного бытия/Пер. с нем. Н. А. Малинкина // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 608–647.
3. Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2010. 296 с.
4. Munjeri D. Tangible and intangible Heritage: from Difference to Convergence // Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies. Vol. 4. London: Routledge, 2007. P. 324–336.

ABOUT CORRELATION OF THE CONCEPTS «CULTURAL HERITAGE» AND «MONUMENTS OF CULTURE» IN THE CONTEXT OF DIFFERENT HISTORICAL EPOCHES

Gorlova Irina Ivanovna,

DSc, Prof., Director, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage,
Krasnay st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Kovalenko Timofey Victorovich,

PhD, Deputy Director, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage,
Krasnay st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
e-mail: timofey.kovalenko@gmail.com

Zorin Alexander Lvovich,

DSc, Prof., Leading Researcher, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage,
Krasnay st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
e-mail: azor115@rambler.ru

Abstract

The article discusses the correlation of the concepts «cultural heritage» and «monument of culture» and also their treatments in different historical époques. In the process of research is defined that in postmodern époque the cultural heritage is understood as an important economical resource and relicts of the past are considered as products of consumption. As a result is created «the industry of heritage», where in the centre of attention are contemporary interests of people that causes instrumentalization of the past and rejection of its authentic comprehension, promotion to the fore entertainment elements and deliberate falsification of the historical truth.

Keywords

Cultural heritage, monument of culture, cultural resource, cultural heritage as a process of the creation of meaning, cultural heritage as a product of consumption.

УТОПИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О МИРЕ: КОНЦЕПЦИЯ НООСФЕРЫ

Фесенкова Лидия Васильевна,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д.12, г. Москва, Россия, 109240,
e-mail: lvfes@mail.ru

Аннотация

Концепция ноосферы составляет часть наших представлений о мире. Сформированное в первой половине XX века оно вошло в мировоззрение современного общества. Многочисленные научные труды по ноосферологии, рассматривают будущее сознательно-управления человеком природными и социальными процессами. В статье рассматривается учение В. Вернадского о ноосфере в мировоззренческом аспекте. Исследуется роль утопизма в построении общих представлений о мире и роль ноосферных гипотез в представлениях о будущем человечества.

Ключевые слова

Ключевые слова: ноосфера, утопическое сознание, гуманизм, человеческий разум, автотрофность, изменение биосферы, живое вещество, биогенная миграция атомов.

Убеждение в скором наступлении ноосферного периода в развитии человечества стало очевидным для широкого круга образованных людей. Ноосферная концепция опирается на многовековую идею построения идеального общества, как конечную цель общественного прогресса. Она дает научное обоснование этой желанной цели и позволяет разрешить главную проблему нашего времени — преодолеть наступление экологического кризиса силами науки и технологии.

Что такое ноосфера? Ф. Т. Яншина дает следующее определение: «это такая стадия эволюции биосферы Земли, на которой в результате победы коллективного человеческого разума начнет согласованно развиваться и человек как личность, и объединенное человеческое общество, и целесообразно построенная людьми окружающая природная среда»¹. Но что такое победа человеческого разума, да еще коллектив-

ного? Что такое преобразованный человек, объединенное человеческое общество?

Что такое целесообразно преобразованная окружающая среда? Чтобы разобраться, стоит восстановить историю возникновения самого термина «ноосфера». Впервые он стал использоваться французским ученым Э. Леруа (1927 г.), ссылавшимся при этом на совпадение своих взглядов со взглядами П. Тейяра де Шардена. Идея состояла в том, что ноосфера — это некий этап эволюции Земли, этап возникновения «человека разумного».

В России концепция ноосферы связана с именем академика В. И. Вернадского, исследующего закономерности эволюции природы. По его мнению «ноосфера» является итогом целенаправленной эволюции. Все существование биосферы, ее направленное и циклическое движение определяется у него жизнью и живым веществом. В ходе эволюции биосферы неизбежно возникает человек с его разумом. Случайности в этой эволюции нет — это категорическое убеждение Вернадского: развитие биосферы про-

1 Яншина Ф. Т. Эволюция взглядов В. И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М., 1996. С. 210.

исходит закономерно. Человек — неизбежный итог эволюции. Сам смысл названия «ноосфера» отражает именно этот итог целенаправленной эволюции природы. Но научно понять этот процесс мы пока не в состоянии. Вернадский пишет: «Совершенно очевидно, что существует определенное направление в палеонтологической эволюции организованных существ и появление в биосфере разума, сознания, направляющей воли — этих основных проявлений человека — не может быть случайным. Но для нас еще невозможно дать какое-нибудь объяснение этому явлению, т. е. нельзя логически связать его с современным научным построением мира»².

Итак, Леруа формулирует термин «ноосфера» в 1927 г., Вернадский в 1930-е гг., но в массовое употребление он входит значительно позже, лишь в 1970-х гг. В посмертном издании трудов Вернадского в пяти томах под редакцией академика А. П. Виноградова вообще нет каких-либо упоминаний о ноосфере. Издавались научные труды Вернадского, а идею ноосферы составители не считали возможным отнести к научным концепциям.

Возрождение идеи произошло в 70-е гг. в связи с активным общественным обсуждением грядущего экологического кризиса. Важную роль в этом плане сыграла первая международная конференция по окружающей среде и развитию (1972 г.), а в 1992 г. появилась концепция «устойчивого развития», во многом повторяющая мысли Вернадского. Так произошло и возвращение к идее ноосферы. Под ноосферой стали понимать такое состояние природы и общества, в котором в результате деятельности человека устанавливается «устойчивое развитие».

Каково научное содержание этих представлений? Аргументация дается Вернадским в его учении о биогеохимических принципах. Их изложением завершается его «книга жизни». Эти фундаментальные принципы создаются Вернадским как итог всего его учения о живом и как обоснование идеи ноосферы.

Суть хода мысли великого натуралиста сводится к следующему: первый биогеохимический принцип гласит: «Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению».

Второй гласит: «Эволюция видов в ходе геологического времени, приводящая к созданию форм жизни, устойчивых в биосфере, идет в направлении, увеличивающем биогенную миграцию атомов биосферы»³.

Первый принцип надо понимать так: каждому виду свойственна определенная предельная (максимальная) количественная характеристика его размножения, стремление к достижению которой является законом природы. Эта характеристика размножения есть показатель биогеохимической энергии, измеренный в форме биогенной миграции атомов. Сущность этого принципа состоит в том, что живое вещество стремится к максимальному наступлению на косное, на среду. Его можно трактовать как принцип агрессии жизни, живого по отношению к биосфере.

Второй биогеохимический принцип утверждает направленность эволюции. Критерий направленности состоит в следующем: эволюция протекает в сторону возникновения вида, который обладает наибольшей способностью к биогенной миграции, т. е. в сторону наиболее агрессивного вида. Таким видом является человек с его «человеческим разумом и трудом».

Итак, в системе природы существует «организованность», созданная живым веществом, и в этом же живом веществе, создающем организованность, содержится гибель всякой организованности. Как выйти из этого противоречия? Оно разрешается возникновением человека — носителя разума. Однако что такое разум? В соответствии с мировоззрением ученого — это синоним спасения, сохранения, защиты, благоустройства, в общем всего благого. Таким образом, идея ноосферы выдвигается как средство спасения, направленное против законов агрессии жизни. Для этого необходимо объединение человечества силой научной мысли, в которой наиболее полно проявляется роль разума.

Вернадский пишет: «Философская мысль оказалась бессильной создать связующее человечество духовное единство. Религиозная вера хотела создать его физическим насильем — не отступая от убийств, организованных в форме кровопролитных войн и массовых казней... Бессильной оказалась и государственная

2 Вернадский В. И. Автотрофность человечества/Русский космизм. М., 1993.

3 Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М., 1977.

мысль... И как раз в это время, к началу XX в., появилась в ясной реальной форме возможная для создания единства человечества сила — научная мысль... Это — сила геологического характера, подготовленная миллиардами лет истории жизни в биосфере. Она выявилась впервые в истории человечества в новой форме, с одной стороны, в форме логической обязательности и логической непререкаемости ее основных достижений и, во-вторых, в форме вселенскости, — охвате ею всей биосферы, всего человечества, — в создании новой стадии ее организованности — ноосферы. Научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу, с характером стихийного процесса⁴. И еще: «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу... Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом; с законами природы, отвечают ноосфере»⁵.

Особенно четко понимание Вернадским сущности идеи ноосферы предстает в его мыслях об автотрофности человека. Само по себе сочетание «автотрофность» и «человек» невозможно: человек, как известно, существо от природы гетеротрофное. Но ноосферный человек, по мысли Вернадского, станет автотрофным. Это означает, что человек сам будет синтезировать себе пищу, пользуясь непосредственно энергией солнца, — как зеленые растения. В этом смысле он достигнет автотрофности и освободит растительный мир от уничтожения. Произойдет невиданная революция природы, мир преобразится. Существующий порядок бытия, когда автотрофы и гетеротрофы связаны воедино естественным миропорядком, изменится: «поставлен вопрос... о синтезе пищи для человека вне зависимости от окружающей живой природы. И когда человек эту задачу разрешит умственным процессом, в чем едва ли можно сомневаться, он превратится в автотрофный организм с социальным трудом»⁶. «Синтезируя пищу непосредственно от солнечной энергии, без посредников, человечество уподобится зеленым растениям. Появятся первые автотрофные животные в истории Земли, что приведет

к неслыханному геологическому перевороту. К новой геологической эре в истории планеты»⁷. Последствия... геологического переворота, связанного с автотрофностью, будут огромны, считает Вернадский.

Подведем итоги: закон природы состоит в стремлении видов к увеличению биогенного обмена, или, биогеохимической энергии. Но это ведет к нестабильности природы. Эволюция видов направлена в сторону усиления давления живого на окружающую среду. Получается, что наш мир обречен на экологическую катастрофу. Но нестабильность и кризисность мироздания противоречат его организованности. По Вернадскому, эти губительные следствия действия природных сил преодолеваются действием самих же природных сил. В природе заложен очень тонкий двойной механизм: ей присуща нестабильность и кризисность, но ей же присуща и способность преодолеть эту нестабильность и кризисность. Эта способность природы состоит, по Вернадскому, в направленности эволюции на возникновение разума и науки. Разум заведомо благ, созидателен и охранителен, но не разрушителен. Сама природа без человека не в состоянии сохранить свою организованность, и поэтому для своего сохранения она создает человека с его разумом и наукой.

Так, в представлениях Вернадского, человеческий разум оказывается элементом организованности природы. Он способен преобразовать не только природу, но и объединить человечество и создать идеальное общество — ноосферу, где осуществится гармония социальной деятельности человека и природы и исчезнет опасность экологического кризиса.

Здесь Вернадский незаметно для самого себя отходит от заявленной им

позиции натуралиста и в фундамент своей концепции кладет представления отнюдь не научного, а, мировоззренческого характера. Его трактовка роли человека в создании ноосферы вырастает не на естественнонаучном понимании исследуемых объектов, а на совершенно определенной общеполитической позиции — онтологических представлениях об устройстве мироздания, вершиной которого оказывается идеальное общество.

4 Вернадский В. И. Размышления натуралиста. С. 51.

5 Там же. С. 288.

6 Там же. С. 249.

7 Вернадский В. И. Размышления натуралиста. С. 249

Известны многочисленные утопические проекты рационального преобразования общества силами самого человека, его разума, его науки. Мечта о достижении человеческими усилиями царства справедливости на земле выливается в форму то «Острова Утопии» Т. Мора, то «Города Солнца» Кампанеллы, то в представления об обществе, живущем во дворцах с алюминиевыми колоннами у Н. Чернышевского. Утопические проекты разнообразны, и каждый из них несет отпечаток своего времени; общим для них является то, что построение идеального общества достигается действиями самого человека. Он выступает как Творец Истории, как ее Вершитель. По сравнению с религиозным сознанием, где исторические процессы не могут мыслиться вне Божественного Промысла, сознание утопическое изменяет онтологический статус человека в сторону гигантского преувеличения его роли в истории и во Вселенной. Оно творит кумира из суверенного человеческого разума (которому приписывает возможность самостоятельного построения земного рая) «... Мы увидим все небо в алмазах, мы увидим как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собой весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою как ласка...» — говорит чеховская Соня, отражая убеждения передовой общественности своего времени.

Но имеется и другая сторона утопического сознания. Если в религиозном сознании недовольство бытием вызывает борьбу с собственным грехом и связано со служением Богу, то в утопическом представлении о мире отрицание настоящего выражается в стремлении к разрушению представлений о действительном бытии для замены их идеальной конструкцией. Достижение идеала возможно лишь через глобальную ломку реальной, эмпирической действительности. Разрушению подлежит государство, семья, религия, мораль. В своих крайних формах утопизм, как мы видим, захватывается не только на социальное устройство общества, но и на мировые законы. Выдвигаются проекты переделки природы в планетарном и даже во вселенском масштабе. Иначе говоря, утопизм в своей глубинной основе содержит идею не только социального, но и онтологического переворота.

Так в учениях русского космизма идеи разрушения старого мира доведены до крайних

пределов и приобретают космические масштабы. К. Э. Циолковский, например, развивал представления о необходимости глобального уничтожения низших форм жизни на всех планетах Вселенной силами высшей, разумной и справедливой жизни, уже достигшей совершенства. Сомнения в этической правомерности таких действий он отмечает. По его мнению, уничтожение слабых форм жизни представляет собой высокогуманную акцию по отношению к ним самим, так как прекращает их мучительное самоистребление, которое продолжалось бы миллионы лет, как оно и сейчас продолжается на Земле. Вмешательство совершенных форм жизни «в немногие годы и даже дни уничтожает все страдания и ставит вместо них разумную, могущественную и счастливую жизнь. Ясно, что последнее в миллионы раз лучше первого»⁸. Убийство, таким образом, рассматривается как высший акт гуманизма. Мечта о счастье для всех людей оборачивается реальной смертью миллионов. Добро и зло меняются местами. И эта трансформация добра в зло выступает как закономерность утопического сознания, а благородство становится злом и насилием.

Так утопическое сознание переворачивало этические представления интеллигентных, гуманистически настроенных людей. Весь исторический опыт человечества показывает, что служение утопии начинается со служения Добру, а его реализация в проектах революционного преобразования мира

Об этой эволюции утопической мысли от Добра к Злу писал А. Франс: «Безумие революции заключалось в том, что она хотела утвердить на земле добродетель. А когда людей хотят сделать добрыми, умными, свободными, умеренными, великодушными, то неизбежно приходят к тому, что жаждут перебить их всех до одного».

Сегодня, как и в прошедшие времена, человеческая мысль работает над проблемой усовершенствования человека и вновь порождает новые утопические проекты. И если мы долгое время жили под знаком утопии коммунизма, то в настоящее время в среде научной общности наибольшей популярностью пользуется модель ноосферы. Расцветают и разнообразные оккультные течения, и учения русского космизма. За каждой разновидностью

8 Циолковский К. Э. Космическая философия/Гиренок Ф. И. Русские космисты. М., 1990. С. 57.

окультурной теории и русского космизма стоит утопия идеального общества. Что же обещают эти новые утопии?.. Они по-прежнему обещают грядущее торжество справедливости. И никого не останавливает крах всех предыдущих иллюзий о прекрасном будущем.

Как же идея ноосферы соотносится с действительной экологической ситуацией?

Ученые фиксируют нарастающую деградацию окружающей среды: истощение озонового слоя, изменение климата, потерю биоразнообразия, активизацию процессов опустынивания и антропогенные воздействия на окружающую среду, которые не должны превышать определенного предела — хозяйственной емкости биосферы. Но они были превышены уже на рубеже XIX — XX вв., и с тех пор наша планета находится в состоянии непрерывно углубляющегося экологического кризиса. Грозные признаки надвигающейся катастрофы становятся все более очевидными.

Где же вожденная гармония человека и природы? Существуют ли хотя бы признаки ее возникновения? Нет, признаков возникновения ноосферы не наблюдается. Вектор развития цивилизации (ее промышленности, культуры, бизнеса и образования) имеет направление отнюдь не на гармонизацию отношений человека и природы, не на остановку кризисных явлений, сотрясающих планету, а, напротив, на их всемерное развитие. Стоит только прислушаться к СМИ, раздувающим потребительские инстинкты масс и в конечном счете провоцирующим разрушение среды в интересах промышленных гигантов разных стран. Активная деятельность по использованию природы для сиюминутных нужд техногенной цивилизации, а фактически по дальнейшему ее истреблению не уменьшается. Призывы беречь природный мир остаются лишь на бумаге. Научные разработки, доказывающие губительность революционного самоуправления по отношению к природе, не принимаются во внимание руководством большинства стран мира.

Реальность свидетельствует о том, что идея создания ноосферы, в которой «диалектически» сочетаются интересы природы и человека, оказалась несостоятельной. Стало очевидно, что деятельность человечества приводит не к ноосфере, а к техносфере и эта построенная разумом оболочка Земли с ее техногенными продуктами

влечет не только человечество, но и все живое к неминуемой гибели.

Однако эти трагические прогнозы не влияют на умонастроение сторонников ноосферогенеза. Явные признаки надвигающейся экологической катастрофы отнюдь не препятствуют пропаганде идеи ноосферы и нисколько не мешают строить иллюзорные концепции ноосферного будущего. Чем объясняется этот странный феномен? На мой взгляд, ответ нужно искать в самом человеке. По-видимому, идея построения идеального общества связана с глубинами человеческой психики. В человека вложено стремление к совершенству, способность надеяться на лучшее — на конечное торжество справедливости и добра. «Если бы не было бы Утопии, то природа человека была бы иная», — писал известный исследователь утопизма К. Мангейм.

Не случайно идея ноосферы получила широкое распространение в нашей стране. Чем печальнее общественное бытие, тем грандиознее мечты о будущем идеальном обществе. Чем сложнее становится мир, тем прекраснее и светлее он представляется в грезах о ноосфере. Чем злее и агрессивнее люди вокруг, тем ярче сияют в наших душах совершенные люди будущей ноосферной эпохи. И даже сейчас, в преддверии экологической катастрофы и агрессивно наступающего зла, мы мечтаем о Царстве Разума, Справедливости и Добра.

Итак, утопия сегодня противостоит реальности. Утопические иллюзии о будущем ноосферном человечестве порождают фантастические же способы решения глобальных проблем, уводят от поиска действительных путей преодоления кризисной ситуации. Картинами будущего ноосферного человечества они успокаивают общественное сознание, в то время как реальная катастрофа неотвратимо приближается.

Мы полагаем, что путь к преодолению экологической опасности лежит через борьбу с установками утопического сознания. Преодолеть стремление видеть в человеке хозяина и распорядителя мира — необходимый шаг в утверждении новых ценностных ориентиров. Критика учения о ноосфере — это один из этапов в деле организации концептуальной защиты человечества и создания условий для возникновения

9 Мангейм К. Идеология и Утопия/Утопия и утопическое мышление. М., 1991.

экофильного мировоззрения, ограждающего природу от уничтожения. Без этого действительно сознательный выход из экологического кризиса невозможен.

Список литературы

1. Яншина Ф. Т. Эволюция взглядов В. И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М., 1996.
2. В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 2001.
3. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М., 1977.
4. Вернадский В. И. Автотрофность человечества/Русский космизм. М., 1993.
5. Циолковский К. Э. Космическая философия/Гиренок Ф. И. Русские космисты. М., 1990.
6. Мангейм К. Идеология и Утопия/Утопия и утопическое мышление. М., 1991.

UTOPIZM MODERN IDEAS ABOUT THE WORLD: THE CONCEPT OF THE NOOSPHERE

Fesenkova Lidia Vasilievna,

PhD, Senior scientific employe,

The Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Goncharnaya Str. 12, Moscow, Russia, 109240.

e-mail: lvfes@mail.ru

Abstract

The concept of the Noosphere is part of our perceptions of the world. Formed in the first half of the 20th century it blending into the worldview of modern society. Numerous scientific works on noosferologii, view future conscious control man»s natural and social processes. The article discusses the doctrine of v. vernandsky about noosphere in its philosophical aspect. Explores the role of utopianism in building a common vision about the world and the role of the noosphere hypothesis in views about the future of humanity.

Keywords

Keywords: noosphere, utopian consciousness, humanism, the human mind, avtotrofnost, change of the biosphere, living substance, biogenic migration of atoms.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR
УДК 85
ББК 71.0

ГЛУБИНЫ И МЕЛИ СБОРНИКА «ИЗ ГЛУБИНЫ (1918)»: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ КНИГИ, НЕ ВЫШЕДШЕЙ В СВЕТ 99 ЛЕТ НАЗАД

Катасонов Владимир Николаевич,
доктор философских наук, доктор богословия, профессор,
профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
ул. Пятницкая, 4/2 с.1, Москва, 115035
e-mail: vladimir15k@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждаются принципиальные вопросы, затронутые в статьях сборника «Из глубины» (1918). Сборник состоит из статей, написанных лучшими научно-философскими авторами своего времени: Н. А. Бердяевым, С. А. Аскольдовым, С. Н. Булгаковым, С. Л. Франком, и др. Главными темами сборника были: религиозный смысл русской революции, особенности психологии русского народа, вина русской интеллигенции.

Ключевые слова

Русская революция 1917, религиозный смысл русской революции, русская интеллигенция, психология русского народа.

99 лет назад с марта по апрель 1918 года по инициативе П. Б. Струве был собран и напечатан сборник статей о русской революции 1917 года «Из глубины». В нем приняли участие представители лучших научных сил тогдашней России: правоведы П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский, И. А. Покровский, профессора политэкономии С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, философы С. Л. Франк, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, Вяч.Иванов, публицисты А. С. Изгоев и В. Н. Му-

равьев. Однако представить этот сборник публике этим летом после убийства Урицкого и покушения на Ленина, в атмосфере начавшегося большевистского террора не было никакой возможности. В 1921 году весь тираж сборника был арестован большевистской властью, только один экземпляр книги был вывезен Бердяевым за границу, где и был опубликован в 60-х годах. Тем не менее, одна книга хранилась в Спецхране Ленинской (государственной) библиотеки,

и в 70–80 годах многие интересующиеся русской философией и историей московские интеллигенты имели самиздатовскую ксерокопию этого сборника. В России книга была издана в 1991 году в приложении к журналу «Вопросы философии» (вместе со сборником «Веги»).

В 1909 году примерно тот же состав авторов издал книгу «Веги». Книга «Веги» носила подзаголовок «Сборник статей о русской интеллигенции», в нем авторы анализировали причины и смысл революции 1905 года, указывая на особую вину русской интеллигенции в подготовке трагических событий первой русской революции. Тема русской интеллигенции также одна из главных и в сборники «Из глубины». Однако, неслучайно сборник носит подзаголовок «Сборник статей о русской революции»: подход авторов книги шире и глубже, анализу подвергаются роль всех слоев русского общества. Общим знаменателем всех статей сборника является убеждение, что революция 17 года была не просто социальной и политической революцией. Главный смысл революции лежит глубже, она имела религиозный смысл, она была *восстанием против Бога*. Само название книги, предложенное Франком, апеллирует к 129 псалму: «Из глубины воззвах к Тебе, Господи!»

Неслучайно уже первая статья сборника носит название «Религиозный смысл русской революции». Ее автор С. А. Аскольдов дает глубокий социокультурный анализ как революции вообще, так и русской революции 1917 года. Революции представляют собой своеобразную социальную болезнь общества. В них, как и в любой болезни органического существа, происходит ослабление сил единения, происходит «атомизация» этого единства, преобладание сил разъединения над центростремительными силами, обеспечивающими единство. В обществе силой, обеспечивающей единство, служит государство, и революция есть именно ослабление, разложение государственного образования, грозящее вообще смертью народного организма. Это разложение, распад общественной жизни всегда имеет и определенный религиозный смысл. «Религиозная и революционная настроенность представляют два психологических образования, весьма трудно друг с другом совместимых; всегда одно возрастает за счет другого. Революции готовятся и наступают обыкновенно на почве ослабления религиозного сознания. Это

характерно как для древних, так и для новых исторических эпох. Религия всегда являлась силой, связующей государство со стороны его органического единства, в какой бы политической форме оно ни выражалось. И потому-то всякое революционное движение обыкновенно имеет перед собою в качестве подготовительной фазы тот или иной процесс увядания религии, иногда своего рода «век просвещения»¹. В России таким веком было XIX столетие, когда русская интеллигенция, отвернувшись от фундаментальных христианских начал жизни своего народа, уверовала в построение справедливой жизни на основе чисто рациональных представлений. Казалось бы, так просто, умные люди проанализируют ошибки существующей власти, устранят их и построят справедливую и счастливую жизнь для большинства народа!.. Однако, история показала, что всем этим утопиям не суждено было сбыться. Оказалось, что общество, народ обладают своей социальной упругостью, сопротивляемостью, что народ это не безвольная инертная масса, пассивно соглашающаяся с любыми социальными экспериментами. А так это, именно потому, что народ состоит из людей, а человеку дана свобода, у него есть свои стремления, идеалы, верования. Эти идеалы и верования как раз и были тем основанием, на которых держался предыдущий социальный строй, и своевольный отказ от этого духовного фундамента социальной и государственной жизни, — для России — отказ от православной веры, — превращал человека в зверя, и развязывал братоубийственную войну. В статье сделан принципиальный вывод: становление и само существование государственной власти невозможно без опоры на нравственное самосознание народа. Это нравственное самосознание укоренено в религиозном мировоззрении народа, в его представлениях об истине, правде, справедливости имеющих не просто человеческое, а онтологическое значение. Для России это мировоззрение утвердилось со времен святого равноапостольного князя Владимира. Именно с этим христианским мировоззрением, тесно сплетенным с русской религиозно — политической идеологией монархизма, настойчиво боролась русская революционная интеллигенция. И революция, как своевольное опроки-

1 Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции. С. 213 // Веги. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991.

дывание существующего социального порядка была, в своем корне, ударом именно по этому мировоззрению, была борьбой с русским Богом. Русский социализм был не просто социальной революцией, а бунтом против Бога. Именно поэтому революция обернулась не только материальной разрухой, голодом, поражением в войне, но и грандиозной культурной и нравственной катастрофой, озверением, одичанием народа в братоубийственной войне.

Эти общие принципы революции накладываются Аскольдовым на его представления об особом характере «души русского народа». Согласно философу, всякая душа трехсоставна, в ней есть *святое* начало, специфически *человеческое*, и *звериное*. Конституция души каждого народа имеет свои акценты. «Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, — пишет Аскольдов, — в том, что среднее специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке, как типе, наиболее сильными являются начала святое и звериное. Этот своеобразный душевный симбиоз может показаться странным. Однако, на наш взгляд, именно такое сочетание является наиболее естественным. Ангельская природа, поскольку она мыслится прошедшей мимо познания добра и зла и сохранившей в себе первобытную невинность, во многом гораздо ближе и родственнее природе зверя, чем человека. Правда, святость есть нечто иное, чем ангелоподобность. Но и она ей все же близка и возникает в преодолении специфически человеческой духовной культурности. Конечно, это сближение имеет силу, если в звериной природе иметь в виду кроме начал ярости и лютой также и начала мягкости, кротости и добродушия. Русская душа в этом отношении включает в себя все богатства этой природы»². Эти представления, не раз, впрочем, высказывавшиеся в русской литературе³, требуют пояс-

нения. Под *специфически человеческим, гуманистическим* началом философ понимает способность к культурному строительству, к построению индустрии, науки, образования, к политике (sic!), к самоуправлению и т. д. Нам, после опыта XX столетия, давшего такое цветение советской науки и образования, индустриализации страны, странно и даже обидно слышать подобные оценки. Но и XIX век, с его наукой и промышленной революцией второй половины, с его «золотым веком» русской литературы, с «серебряным веком» рубежа XIX–XX веков, также трудно согласовать с подобной точкой зрения. И, тем не менее, по сравнению с западноевропейской индустриализацией, развитием там цивилизации, образования и науки Россия явно запаздывала. Неслучайно, большевики поставили индустриализацию одной из главных, если не самой главной задачей своего хозяйственного строительства. Но дело не только, и даже не столько в этом. Говоря о слабости гуманитарного начала в русском народе, Аскольдов имеет в виду построение именно *секулярной культуры*, без какой бы то ни было апелляции к религиозному мировоззрению. На Западе это разъединение культуры и веры произошло довольно рано, еще с Возрождения, и подошло к своей кульминации в так называемой Великой французской революции. В России же и индустриализация, проводившаяся во многом старообрядцами имела своеобразный религиозный привкус, да и многие ученые естественники не мыслили своих научных занятий без религиозного контекста (начиная с М. В. Ломоносова, Д. С. Аничкова, Н. И. Пирогова, А. А. Шахматова, В. И. Даля, академика И. П. Павлова, академик Н. Н. Лузина и т. д.). Именно пафоса построения гуманистической культуры, этого «Царства человека» на Земле, как призывал один главных идеологов Нового времени и новоевропейской науки Френсис Бэкон, культуры человеческого комфорта и гуманистического общества и не было в России.

Даже и революция-то, по мнению, Аскольдова, также есть дело именно этого срединного гуманистического начала в психологии наро-

2 Цит.соч. С. 225.

3 Бердяев пишет в своей книге «Судьба России»(1914-1917): «В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве,

сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина» (Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 12).

да. Именно поэтому революции долгое время и не удавались в России. Восстания Разина, Пугачева, Болотникова были русским бунтом, а не революцией в гуманистическом смысле. Восстание декабристов было утопической попыткой путем переворота ввести республиканские начала в стране. Идея революции была непонятна русскому народу в целом, ею бредила лишь русская революционная интеллигенция, оторвавшаяся от духовных корней своей нации и уверовавшая в социологические схемы, созревшие на Западе⁴.

Особую роль в нейтрализации влияния революционной идеологии играла Русская православная церковь, подчеркивает Аскольдов. Социальное неравенство в форме крепостного права, существовавшее в России вплоть до реформы 1861 года, оправдывалось и особым пониманием христианства, существовавшим в России. «Специфическим грехом эмпирического тела Церкви ее государственной организации было то, что своеобразный религиозный талант православия и его своеобразный подвиг был слишком извращен и обращен на пользу злого начала. Тот талант, о котором мы говорим, состоял в преобладании религиозного чувства над религиозной волей, в особой интимности и непосредственности чувствования Христа. Именно специфический способ взаимодействия с Христом через чувство, а не через волю, как это более характерно для западного религиозного сознания, давал православию большую внутреннюю свободу. Жертвы воли восполнялись в православном сознании пламенем веры и религиозным терпением, сораспятием Христу в своих страданиях. Это таинство заместительной силы одной религиозной стихии в сфере другой было особым благодатным даром русского народа. Этим даром и оправдывалось некоторое пренебрежение к моральному закону, объяснялась возможность быть «полнотою мерзости» и в то же время всегда проясняться религиозным светом»⁵. Культивирование смирения, как одной из главных добродетелей христианства, как подражания Христу, воспитывало русских святых, но и служило оправданием во-

пиющего социального неравенства. «Русь была до отмены крепостного права, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, и это не мешало ей быть «Святой Русью», поскольку крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем, и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те, и другие с верою подходили к одной и той же Святой Чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех, часто ясно не сознаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной»⁶. И существовавший социальный порядок существенно опирался на этот столп православного терпения и смирения. ««Слово «рабская» не было позорной кличкой для России былых времен, поскольку это рабство как-то отождествлялось с «рабским видом» Христа. И эту тайну слияния если не понимало, то, несомненно, чувствовало народное сознание. И тогда не было места в России гуманистическому сомнению, нравственно ли это, допустимо ли это»⁷. Но как только гуманистическое сознание стало развиваться в среде интеллигенции, так сразу отношение к крепостному праву стало резко отрицательным, это было уже «нарушением элементарных человеческих и гражданских прав». Лишь Александр II устранил этот соблазн, столь долго существовавший в истории России.

П. Б. Струве в своей статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» подчеркивает социологические и исторические особенности вопроса об освобождения крестьянства. «Освобождение крестьян было уже в XVIII веке поставлено как проблема личного освобождения крестьян-рабов, создания мелкой крестьянской собственности и землеустройства как условия рационального землепользования. Личное освобождение крестьян назрело уже во второй половине XVIII в., когда было отменено прикрепление дворянства к государству в форме обязательной дворянской службы, и потому оно запоздало на целое столетие, а это запоздание отсрочило и затянуло до нашего времени постановку и решение двух других сторон крестьянского вопроса — утверждение земельной собственности и упорядочение землепользова-

4 Вообще, политическая жизнь, как создание политических партий, их открытое публичное соревнование за власть была незнакома России, лишь в очень малой степени проявилась в период между двух революций, и во многом осталась непривычной и для современной, после 1991 года России.

5 Цит. соч. С. 232–233.

6 Цит. соч. С. 233–234.

7 Цит. соч. С. 234.

ния. Запоздание личного освобождения крестьян на столетие, и во всяком случае на полустолетие, было лишь выражением и следствием, в области социальной, той победы самодержавия над конституционализмом, которую русская монархия одержала в 1730 г. Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы... Теперь для нас должно быть совершенно ясно, что русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства. Из политического бесправия дворянства и других культурных классов родилось государственное отщепенство интеллигенции. А это государственное отщепенство выработало те духовные яды, которые, проникнув в крестьянство, до 1861 г. жившее без права и прав, не развившее в себе ни сознания, ни инстинкта собственности, подвинули крестьянскую массу, одетую в серые шинели, на ниспровержение государства и экономической культуры»⁸.

Критика русской монархии, тесно связанной с Православной церковью не только идеологическими предпосылками, но и организационной структурой, всегда оставалась и критикой Православной церкви. Особым соблазном здесь являлась фигура Григория Распутина. Аскольдов признает в своей статье религиозный талант Распутина, но подчеркивает зловещую роль, сыгранную им в русской революции. «Распутин был несомненно религиозный человек и человек, несомненно, понявший специфический талант русского религиозного сознания жить внутренне праведно в оболочке греха. Но он не понял, что талант этот сохраняется лишь в непрестанном подвиге страдания, терпения и сознания своей греховности. Вина этого человека перед Россией заключалась, конечно, не в его личных грехах, сущности и тяжести которых мы не знаем, а в том, что его циническое перешагивание через пределы религиозно, морально и общественно дозволенного получило общегосударственное и общецерковное значение и стало фокусом всей внутренней политики»⁹. Соблазн Распутина подрывал русское доверие к религи-

озным основам государственной власти, открывал дорогу к ниспровержению монархии.

В свою очередь, русская революционная интеллигенция, осуществившая февральскую революцию, показала всю свою беспомощность в плане государственного управления. Добившись отречения царя, выведя на улицу солдатские толпы, Временное правительство не смогло справиться с этой стихией, выиграть войну, удержать страну от большевистской диктатуры. Рассчитывая на политическую зрелость народа, на его гуманистическое культурное творчество, на Учредительное собрание, на свои силы убеждения, февральская интеллигенция просчиталась и в отношении народа, и в отношении самих себя. У народа не было политического опыта самоорганизации, власть в России всегда имела религиозную санкцию, и, разорвав связь веры и государства, интеллигенция подорвала основы народного правосознания, разбудила в народе зверя, подожгла русский бунт. Велеречивые заклинания ораторов не помогали, солдаты дезертировали с фронта, грабили своих же русских братьев, верх брали самые эгоистические животные начала. Власть была бессильна, и ее с помощью западных денег и интернациональных наемников «подхватили» откровенно антирусские большевистские авантюристы. Обуздать разнузданную стихию народного бунта смогла уже только кровавая баня, устроенная большевистской диктатурой, да и то не сразу, а лишь в результате изнуряющей гражданской войны.

Подводя итог, Аскольдов следующим образом формулирует религиозный смысл русской революции 1917 года: «Резюмируя его итог, мы сможем сказать, что смысл этот заключается, прежде всего, в обнаружении, а с тем и в обличении перед всечеловеческим сознанием трех видов зла, заключающихся в нарушении каждым из основных трех начал русской души своей нормальной функции в связи с остальными. Так, первым злом, хотя и скрытым в формах старого дореволюционного режима, и, однако, бывшим *primus movens* революции, явилась обособленность святого начала от человеческого — злоупотребление дарованной ему в виде особого таланта свободой от требований гуманистической этики и общественности. В этом случае религиозное начало причудливо сплелось с греховным и недостойным и в преломлении своем в низинах человеческого сознания отразилось загадочной

8 Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991. С. 464–466.

9 Цит. соч. С. 235.

фигурой достаточно молодежавого «старца», чуть не святого и в то же время слишком прельщенного плотью, простеца и в то же время хитреца и лукавца. Второе зло обнаружилось в изолированном выступлении гуманистического начала в качестве самодовлеющей инстанции с негодными средствами адвокатской риторики, приведшем к победе зверя и над святым и над человеком. Третье зло злоба природного зверя, натравленного и на святое, и на человеческое во имя будущего царства зверя апокалиптического»¹⁰.

А. С. Изгоев в своей статье «Социализм, культура, большевизм» подробно останавливается на роковых ошибках русской интеллигенции, приведших к революции 17 года. Все главные устремления интеллигенции, представления о государстве, политические, социально — экономические теории оказались ложными. Причем критиком этих теорий оказалась уже сама жизнь: беспомощность деятелей февральской революции в плане государственного управления, ведения войны, наведения внутреннего порядка. Русская революционная интеллигенция, проповедуя западную идею социализма, настойчиво боролась с любым проявлением «буржуазности», не понимая того что эта буржуазность неотделима от того доброго, чего достиг социализм на Западе. «Все положительное, в создании чего прямо или косвенно принимали участие социалисты [имеются в виду западные социалисты — В. К.], носит на себе неизгладимую печать «буржуазности»: социальное законодательство, рабочее профессиональное движение, кооперация, строение политической партии, тактика политической борьбы».¹¹ Большевики были совершенно правы, иронизирует Изгоев, осуждая западных социал-демократов в оппортунизме и буржуазности. И в то же время, последовательное, по книгам, по прописям проведение в жизнь социалистических идей явило миру то, чем он является сам по себе. «И весь мир, в том числе раньше других социалисты, ужаснулись, когда раскрылись эти кошмарные картины одичания, возвращения к временам черной смерти, тридцатилетней войны, великой московской смуты, неслыханного деспотизма, чудовищных на-

силий и полного разрыва всех социальных связей. Таковым оказался социализм действительно осуществленный, испробованный в жизни»¹². Все получалось так, как утверждал герой «Бесов» Достоевского теоретик Шигалев: «выходя из безграничной свободы», он логически приходил к «безграничному деспотизму».

Достоевский и его пророческие прозрения вообще чрезвычайно значимы для всех авторов сборника. Бердяев в своей статье «Духи русской революции» подробно обсуждает, как в творчестве Достоевского были осознаны соблазны русского сознания, угаданы «бесы» революционного кружения, предсказана трагедия русской революции. Бердяев объясняет тот недостаток внимания в русском сознании к срединному, гуманистическому уровню существования, о котором говорит Аскольдов, особым духовным устройством русской души. Русский человек, по Бердяеву, ««апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе»¹³. Поэтому русскому человеку так трудно строить культуру, ибо культура требует уважения к срединному, историческому существованию, а русский человек, как апокалиптик, устремлен к концу истории, и любой вопрос сводит на вопрос о последнем смысле жизни, смысле истории. Русское искание правды жизни приводит или к апокалиптике, или к нигилизму. Но узел драмы состоит в том, что эти противоположности апокалиптики и нигилизма легко переходят друг в друга. «Нелегко бывает решить, почему русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство, почему требует он абсолютного обнищания: из апокалиптичности своей или нигилистичности своей. Русский человек может произвести нигилистический погром, как погром апокалиптический; он может обнажиться, сорвать все покровы и явиться нагишом, как потому, что он нигилист и все отрицает, так и потому, что он полон апокалиптических предчувствий и ждет конца мира. У русских сектантов апокалипсис переплетается и смешивается с нигилизмом»¹⁴. Эта же черта характеризует и русскую интеллигенцию. Здесь также нигилизм

12 Цит. соч., С.365.

13 Бердяев Н. А. Духи русской революции. С.260 // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991.

14 Цит. соч. С. 261.

10 Цит. соч. С. 246.

11 Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991. С. 366

и апокалипсис странным образом связаны один с другим, так что нигилизм может выступать в качестве своеобразной религии. Достоевский как раз и понял эту двойственность русского народа, подчеркивает Бердяев. Он осознал, что революция в России будет иметь совсем не тот характер, какой она имела на Западе, что русская революция феномен религиозного характера, в русской революции решается вопрос о Боге.

Философом русского нигилизма выступает у Достоевского Иван Карамазов. Он не желает принять Божий мир, поскольку в нем существует страдание. Даже одна слезинка замученного ребенка не стоит всей последующей мировой гармонии. Иван не атеист, он признает существование Бога, но он не принимает мира, созданного Богом, его пусть и неизвестных до конца, «неевклидовых» законов. Моральная позиция Ивана вызывает сочувствие, но ее духовный смысл показывает ее слабость. Он не желает принять божественный смысл жизни, желает смотреть на нее только с чисто человеческой точки зрения. Иван демонстрирует бунт против Бога, бунт на основе моральных представлений. Бердяев считает, что в основе позиции Ивана лежит ложная чувствительность и сентиментальность, ложное сострадание к человеку. «Русские сплошь и рядом бывают нигилистами-бунтарями из ложного морализма. Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он же ничего не сделает реально, чтобы слез было меньше, он увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях. В нигилистическом морализме русского человека нет нравственного закала характера, нет нравственной суровости перед лицом ужасов жизни, нет жертвостойкости и отречения от произвола. Русский нигилист-моралист думает, что он любит человека и страдает человеку более, чем Бог, что он исправит замысел Божий о человеке и мире»¹⁵. Во многом русская революция произошла именно из этого ложного сострадания, сострадания к страдающему народу. Проповедью этого сострадания постоянно прикрывались самые жестокие акции и преступления революционеров.

Достоевский, подчеркивает Бердяев, раскрыл эту ложь революционного сознания.

Достоевский показал, что проповедь социализма у русских революционеров есть не пропаганда чисто экономического и политического учения, а претензия создать новую религию, противоположную вере христианской. «Достоевский — религиозный враг социализма, он избалован религиозной лжи и религиозной опасности социализма. Он один из первых почувствовал в социализме дух антихриста. Он понял, что в социализме антихристов дух прельщает человека обличьем добра и человеколюбия. И он же понял, что русский человек легче, чем человек западный, идет за этим соблазном, прельщается двоящимся образом антихриста по апокалиптичности своей природы»¹⁶. Революционная социалистическая мечтательность представляла, что русская революция построит справедливый и счастливый мир на Земле, мир достатка и равенства, мир без страданий и без Бога. Достоевский ярко показал в своих пророческих образах, чем обернется этот мир. «Петр Верховенский так формулирует сущность шигалевщины Ставрогину: «Горы сравнять — хорошая мысль, не смешная. Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию... Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство... Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание; полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое»¹⁷. В Легенде о Великом Инквизиторе Достоевский представил целостный образ того социализма, к которому вели русские мечтатели-революционеры. И начавшийся в 1918 году большевистский террор показал как эти мечтания будут проводить

15 Цит. соч. С. 265.

16 Цит. соч. С. 268.

17 Цит. соч., С. 273.

ся в жизнь... «Шигалевщина и есть испуганная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия. Безбрежная социальная мечтательность ведет к истреблению бытия со всеми его богатствами, она у фанатиков перерождается в зло. Социальная мечтательность совсем не невинная вещь. Это понимал Достоевский. Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и том абсолютном уравнивании, которыми увенчалось «развитие и углубление» русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности»¹⁸.

Достоевский предсказал не только явление *шигалевщины* в русской революции, но и торжество *смердяковщины*, подчеркивает Бердяев. Проповедь пораженчества в войне, преклонение перед «заповедями» европейского социализма и было такой смердяковщиной русской революционной интеллигенции. У Достоевского Иван Карамазов совершает грех отцеубийства в душе, в духе, а Смердяков, вдохновляясь словами Ивана, что «все дозволено», реализует убийство на деле. Атеистическая революция также совершает отцеубийство, отрицает отечество, на основе того, что власть была «плохой». И это убийственное отношение к отцу есть в революции смердяковщина. Но на это убийство «народ» был подвинут «интеллигенцией», и ненависть народа к интеллигенции в революции также была предсказана Достоевским в своем последнем романе.

Изгоев в своей статье пишет о Достоевском: «Десятки лет картины Достоевского считались карикатурой на русский социализм. Но для «имеющих очи» уже в 1905–1906 годах видно было, что Достоевский пророчески прозревал в глубь событий. В 1917–1918 гг. об этом не может уже быть и спору. Что же дало возможность Достоевскому так зорко всмотреться в мрак грядущего? То, что он метко и точно схватил глубочайшую суть русского социализма, стремление немедленно, «на всех парах», как сказал Верховенский и повторили Ленин и Троцкий, создать на земле земной рай без Бога, без религиозной

идеи. Для Достоевского было ясно, что вся нравственная культура, которой достиг современный человек, покоится на религии, на чувстве Бога. Можно спорить, во что верил Достоевский и какова была его вера, но нельзя забыть удивительных слов, вложенных им в уста Ивана Карамазова: «Не то странно, не то было бы дивно, что Бог в самом деле существует; но то дивно, что такая мысль — мысль о необходимости Бога — могла залезть в голову такому дикому и злему животному, каков человек, до того она свята, до того трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку». Века христианства облагородили человеческую натуру. Православие воспитало душу русского человека. И когда теперь большевики сделали свой опыт, показали нам человека без Бога, без религии, без православия, показали его в том состоянии, о котором Достоевский говорил: «если нет Бога, то все позволено», то весь мир ужаснулся этой, кровавадной, садически-злой обезьяны»¹⁹.

Можно бы было еще долго говорить о статьях сборника «Из глубины», приводить длинные цитаты, вызывающие восхищение глубиной мысли и совершенством формулировок. Но лучше будет, конечно, пригласить читателя самому прочесть эту великолепную книгу, памятник русской философской мысли и яркое свидетельство своего времени.

Чего нет в статьях сборника «Из глубины»

Книга «Из глубины» является ярким свидетельством своего времени, в частности и потому, что читая ее, мы остро чувствуем *чего в ней нет*, чем она отличается от нашего сегодняшнего понимания. В книге полностью отсутствует какое-либо сочувствие к арестованной царской семье. Некоторые статьи дописывались уже тогда, когда царская семья была расстреляна в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Конечно, авторы могли этого и не знать. Но они были прекрасно осведомлены об аресте Николая Второго и его семьи 8 (21) марта 1917 года. С начала 1918 года большевистская власть уже достаточно показала свой террористический характер, чтобы можно было не сомневаться в трагической судьбе арестованных. И тем не менее, в сборнике нет никакого даже упоминания об этой святой семье. Так велико было отталкивание от монархии и раз-

18 Там же.

19 Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм. С.367–368 // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991.

дражение против нее. И в то же время, как много сочувствия февральской революции. С. Л. Франк в своей статье «De profundis» (Из глубины) пишет о феврале: «Впервые родина стала истинно свободной для воплощения заветных своих идеалов, лучшие русские люди стали у власти, еще лучшие, более энергичные и пылки подгоняли их в осуществлении желанных целей, — и внезапно все это куда-то провалилось, и мы очнулись у разбитого корыта, хуже того, без всякого корыта и даже без старой, покосившейся, но все же родной избы [курсив мой — В. К.]»²⁰. Конечно, Франк, как и все авторы сборника, настроен резко против власти большевиков, против революционной интеллигенции, но, тем не менее, симпатии его на стороне основных принципиальных противников исторической русской власти: «Тот семинарист, который, как передают, при похоронах Некрасова провозгласил, что Некрасов выше Пушкина, предсказал и символически предуготовил роковой факт, что через сорок лет Ленин был признан выше Гучкова и Милюкова... И не рукоплескала ли вся интеллигентная Россия цинически-хамскому бунтарству тех босяков и «бывших людей» Горького, которые через двадцать лет после своего столь шумного успеха в литературе успели захватить власть и разрушить русское государство?»²¹ Противоречие между суждениями о разрушении русского государства и симпатиями к Гучкову и Милюкову, долгие годы сознательно расшатывавшими основы этого государства, просто вопиет. Неужели же авторы сборника не чувствовали этого противоречия?.. Многие из них отдали в молодости дань увлечению социализмом, и даже, пострадали за это. Со временем их философская позиция претерпела значительную эволюцию, они пришли к осознанию значения философского идеализма, стали сознательными противниками социалистических утопий, и большинство из них пришло к религиозному мировоззрению²². Но парадоксальным фактом остается то, что уйдя от веры в утопические перспективы построения «счастливой жизни» согласно социалистическим канонам, и придя к позитивному отношению к религии, они,

тем не менее, так и не смогли усвоить русское представление о религиозной природе власти, воплощенное в русской истории и в отечественных трудах по теории монархии²³.

В этом плане, также и тезис о слабости чисто человеческого, гуманистического начала в русском народе, при всей своей остроте и претенциозности, оказывается на поверку довольно поверхностным. Да, возникновение университетов, науки, современной индустрии, правовой культуры, соответствующей системе капиталистического хозяйства, в России по сравнению с Западной Европой запоздали. Но разве бурное развитие цивилизации, науки, образования, правовые реформы XIX столетия не говорят об удивительной талантливости русского народа и в этой области? Да, политические реформы демократического характера в царской России шли с трудом. Но разве можно делать из этого однозначный вывод, что в этом, де, проявилась слабость гуманистического начала в русском народе? *Прежде чем говорить о слабости этого начала, нужно чтобы народ хотел развития этих демократических, республиканских начал.* Прежде чем говорить о *не могу*, нужно сначала сказать *хочу*... Но русский народ в рамках религиозного мировоззрения понимающий власть монарха, как установленную самим Богом, подчинялся и поддерживал эту власть, и недоверие к ней понимал как религиозное маловерие, крайне предосудительного характера. Разве можно судить подобную позицию с точки зрения развития чисто земных человеческих государственно — правовых начал? Конечно, можно делать и это, но только при условии, когда демократические формы правления априори признаются более совершенными, более прогрессивными, чем авторитарные и монархические. Но именно это представление и было чуждо народному пониманию природы Верховной власти в России. И именно тем, что это представление так или иначе, в той или иной степени разделяли авторы сборника «Из глубины», объясняется факт, что они упрекали русский народ в недостатке «гуманистического начала». Неслучайно многие из авторов сборника были членами и входили в руководство кадетской партии (С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, А. С. Изгоев (Ланде А. С.), П. Б. Струве — члены ЦК кадетской

20 Франк С. Л. De profundis. С.480 // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991.

21 Цит. соч. С.494.

22 См. сборники: «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909).

23 См. например, книгу: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность» (1905, репринт 1992).

партии, С. Л. Франк — член партии кадетов). И их позицию в этом вопросе почти не изменяло то, что они уже нашли путь к религиозному мировоззрению (хотя и в разной степени).

Несмотря на это мировоззренческий горизонт их позиции уставлен божками либерализма: конституция, демократия, прогресс... И стало быть, при всем внимании к особенностям русского народа, — неизбежный вывод: что народ этот «еще не». Еще не имеет навыка к политической жизни, еще не имеет навыка к самоорганизации, еще не способен к культурной европейской жизни, и вообще, еще «зверь», поскольку «или зверь, или святой», а святых, ведь, естественно немного... И здесь, с удивлением обнаруживаешь, что-то удивительно знакомое, эту навязчивую идею XVIII столетия о *прогрессе человеческого разума*²⁴, эту неискоренимую идею об улучшении человеческой природы, об образовании как универсальном средстве облагораживания этой природы, о желании включить все народы, всех людей в одну бесконечно прогрессирующую цивилизацию (глобализм!)... Зачем?.. Захотят ли они этого?.. «Не захотят, — заставим...» И конечно, власть, построенную на началах разума, где мудрые «доценты с кандидатами» будут управлять и толковать законы... Короче, феверализм и кадетизм. И уж, конечно, не власть самодержца «милостью Божией»...

Нет в сборнике и обсуждения роли в генезисе русской революции внешних России сил. Русская революция была действительно всемирно-историческим событием, в ее подготовке и проведении сыграли свою политическую, финансовую, идеологическую, национальную и военную роль не только внутренние силы, но и многие мировые агенты. Без преувеличения можно сказать, что с этого времени, собственно, и началась эпоха глобального мира. Чем больше мы сегодня изучаем русскую революцию 1917 года, тем этот всемирно-исторический масштаб становится все яснее. В книге об этом очень мало. Но книгу, конечно, нет смысла осуждать за последнее. Сегодня мы знаем много больше того, что было возможным узнать авторам сборника в условиях революционного хаоса, в которое превратилась Россия в 1918 году. Многое тайное стало сегодня явным...

24 См., например, Кондорсе Н., маркиз де. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Либроком. 2011.

В заключении, еще раз призовем читателя всерьез познакомиться со сборником «Из глубины»: прочитать, кто еще не читал, перечитать, тому, кому книга уже была знакома. Она интересна и важна с обеих точек зрения: и с той, что некоторые высказанные в ней положения представляют собой глубокие прозрения в историческую природу революции вообще, и русской революции, в частности; и с той точки зрения, что даже и ее авторы, истинные мэтры русской научно-философской мысли своего времени, оказались также, по своему инфицированы идейными ядами, приведшими к русской катастрофе 1917 года. Книга также дает прекрасную возможность посмотреть на сегодняшнюю общественно-политическую ситуацию в России через призму событий 1917–1918 годов, увидеть опасную близость с предреволюционной эпохой начала XX века, увидеть все те же неизжитые грехи интеллигенции, все те же тупики общественного развития... Книга может помочь не повторить трагические ошибки прошлого.

«Имеющий уши слышать, да слышит».

Список литературы

1. Вехи. Из глубины. Прилож. к журн. «Вопросы философии». М., 1991.
2. Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции. С.213 // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
4. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991. С. 464–466.
5. Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм. С. 366 // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991.
6. Бердяев Н. А. Духи русской революции. // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991. С. 260.
7. Франк С. Л. De profundis. // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1991. С. 480.
8. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. (1905, репринт 1992).
9. Кондорсе Н., маркиз де. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Либроком, 2011.

DEPTH AND SHALLOW DEPTH OF THE COLLECTION «FROM THE DEPTHS (1918)»: REFLECTIONS ON THE PAGES OF THE BOOK, NOT IN LIGHT OF 99 YEARS AGO

Katasonov Vladimir Nikolaevich,

DSc in Philosophy, DSc in Theology; Professor of Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies in Moscow
e-mail: vladimir15k@mail.ru

Abstract

The paper deals with the questions of principle discussed in articles of the collection «Iz glubin» (De Profundis) (1918). The collection consists of articles written by the best thinkers and philosophers of the time: Nikolay Berdiaev, Sergey Askoldov, Sergey Bulgakov, Semen Frank etc. The main themes of the collection were: religious sense of Russian revolution, psychology of Russian people, fault of Russian intelligentsia.

Keywords

Russian revolution 1917, religious sense of Russian revolution, Russian intelligentsia, psychology of Russian people.

СКУЛЬПТУРЫ АПОСТОЛОВ НА ФАСАДЕ ХРАМА РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ ПОДМОКЛОВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ¹

Крюков Денис Витальевич,
протоиерей, настоятель храма Рождества Богородицы с. Подмоклово,
научный сотрудник Института Наследия им. Д. С. Лихачева,
Берсеневская набережная, д. 20, г. Москва, Россия, 119072,
e-mail: ml-arhangel@yandex.ru

Аннотация

В статье представлена интерпретация скульптурного убранства Подмокловской церкви исходя из знаковой системы аристократической культуры времени правления Петра I, раскрывающая петровские преобразования не столько как разрыв с традицией, сколько как её трансформация, развитие тенденций, явившихся еще в середине XVII века. Ключевым фактором для понимания этого явления следует признать религиозный характер преобразовательной деятельности сподвижников царя, что выразилось в смысловой связке «апостол — просветитель».

Ключевые слова

Церковь в Подмоклове, Г. Ф. Долгоруков, религиозная скульптура, просвещение, апостольство, петровские преобразования.

Небезынтересно, что ἀπόστολος с греческого переводится как «посол». Семейство Долгоруковых прославились именно на дипломатическом поприще: Григорий Федорович был одним из самых талантливых дипломатов своего времени, его брат Яков — послом во Франции и Испании в 1687 году, племянник Василий Лукич — резидентом в Копенгагене и Париже, которого Петр весьма ценил, а сын Сергей сменил Григория Федоровича в Польше.

Все Долгоруковы владели иностранными языками, что в их время было редкостью. Помимо латыни кн. Г. Ф. Долгоруков знал польский, а вероятно, еще итальянский и французский². Далеко не все послы Петра при европей-

ских дворах говорили на иностранных языках, резиденты, владевшие ими, имели несомненное преимущество. Так, произошла замена в Копенгагене А. Измаилова кн. В. Л. Долгоруковым, который «мог без толмача сам говорить с королем и министры для секрету» [ПиБ, т. VI, с. 329]. Назначение состоялось при непосредственном участии его дяди — кн. Григория Федоровича. Нам видится, что дипломатическая аллюзия также присутствует в скульптурном убранстве церкви в Подмоклове.

Посланничество в более широком смысле было важной частью культурной политики Петра I, достаточно вспомнить грандиозную акцию «Великое посольство». В это время метафора «апостол» могла приобрести оттенок «культуртрегера». Это хорошо видно на следующем примере. Феофан Прокопович в проповеди, сказанной после возвращения Петра из заграничного путешествия 1717 г., сравнивает царя с человеком, чита-

1 Продолжение. Начало: Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 15–27.

2 Сведения разных источников несколько разнятся, см.: Русская старина 1879, кн.5, С.103; Устрялов, т. IV, ч.2, с. 173.

ющим книгу. А книга эта — весь мир, который он видит в своем путешествии, со всеми странами, их социальным устройством, наукой и культурой. В этом же слове проповедник использовал пространственный тогда панегирический прием — сравнение царя Петра с первоверховным апостолом Петром: «Обаче сверх всего того еще и толикими путешествиями явил нам еси известно, яко не туне имя Петрово на тебе. Иное апостольское, иное твое звание, а по званию и дело иное. Но путь в обоих подобный. И что повеле Господь тезоименитому твоему апостолу о церкви своей, то ты исполняеши в цветущем сем в церкви царствии Российском» [Феофан Прокопович, с. 64]. Апостолу Петру, закидывающему сети на глубине Генисаретского озера и вытаскивающему множество рыб, уподобляется в своей деятельности царь Петр, переносащий на русскую почву плоды европейской культуры. То, что сказано в адрес царя Петра, применимо и к другим культуртрегерам, среди которых и Долгоруковы, ведь и ап. Петр — лишь один из двенадцати апостолов, хотя и первоверховный.

Образ царского патрона — апостола Петра (а вместе с ним и апостола Павла) стал очевидной доминантой в религиозной и культурной жизни. При этом их почитание приобрело барочный характер — зеркальность отражающихся смыслов: новая столица — и «город святого Петра» (апостола), и «святой город Петра» (царя). Петропавловские соборы и церкви во множестве появлялись в стране. Иконы и картины с изображением первоверховных апостолов украшали новые дворцы знати. Свв. Петр и Павел, наряду с аллегорическими и мифологическими образами, присутствовали на триумфальных арках, которые возводили по случаю важных военных «викторий»³. Размещение над главным входом в Подмокловскую ротонду скульптур апп. Пе-

3 Образ ап. Петра как победителя является центральным в украшении Петровских ворот Петропавловской крепости (1717–1718, арх. Д. Трезини). Над пролетом арки установлено резное панно, изображающее низвержение ап. Петром вознесшегося на небо Симона волхва. Данный сюжет воспринимался как метафора победы Петра I над Карлом XII. Первоначально, помимо ныне существующих статуй Афины Паллады и Афины Полиады, верхний ярус составляли пять фигур: ап. Петр по центру, на углах фронтона сидящие ангелы с трубами, на волютах фигуры Веры и Надежды. Эта стилистическая мешанина несколько не смущала создателей [Рязанцев, с. 131].



Рис. 11. Апостол Павел. Новый Завет. 1715 г.

тра и Павла — характерный пример. Прославляя апостола, прославляли царя.

Изображение апостола в облике просвещенного современника можно встретить и на гравюрах религиозных изданий начала XVIII века. Так, апостол Павел в книге Нового Завета 1715 года, изданной на Московском печатном дворе, изображен в интерьере, соответствующем частному жилищу образованного человека петровского времени (рис. 11).

Простая ордерная декорация комнаты, большие окна с мелкой расстекловкой переносят традиционный образ новозаветного писателя в современный антураж. Примечательно, что художник отказался от привычного для западноевропейских изданий решения в виде барочных форм храмового пространства, а изобразил приватную атмосферу кабинета в европейском вкусе.

Апостольская тема присутствовала и в государственной идеологии петровского времени, что проявилось в почитании апостола Андрея Первозванного — просветителя России. Еще с середины XVII в. ап. Андрею отводилась роль покровителя ученого монашества, участвовавшего

в церковно-государственных просветительских проектах. Очевидно, в русле этой тенденции следует воспринимать факты посвящения престолов в монастырях, где жило образованное духовенство, апостолу Андрею Первозванному⁴. Эта тема получила особое развитие при царе Петре. Так, появился Андреевский флаг у флота и Андреевский орден. Считается, что Петр I учредил последний, ориентируясь на старейший английский рыцарский орден Подвязки. Первоначально он был задуман не только как знак отличия, но и как орден-корпорация и должен был объединять фиксированное число членов — 24, но этот принцип впоследствии не соблюдался [Вилинбахов, с. 9–23]. Определенным признаком корпоративности был обычай в день празднования памяти св. Андрея всем кавалерам ордена посещать по очереди друг друга [Берхгольц, ч. II, с. 329–335]. Девиз ордена гласил: «За веру и верность». Таким образом, им награждался кавалер, отличившийся добродетелью, которую можно было понимать и в гражданском, и в религиозном аспекте. Ближайший круг сподвижников Петра состоял в основном из Андреевских кавалеров. Г. Ф. Долгоруков был награжден этим орденом в 1709 г. за участие в Полтавском сражении. С известной долей условности можно сказать, что награжденный получал статус «равноапостольного».

Тем не менее данную условность в среде ее бытования воспринимали весьма серьезно. Благодарственная служба за победу под Полтавой, написанная вскоре после нее ректором московской Славяно-греко-латинской академии Феофилактом Лопатинским, является красноречивым примером того, как в петровское время религиозное сознание людей новой формации могло сочетать реальности, относящиеся и к библейской истории, и к современности [см.: «Служба благодарственная»]. В ней использовано множество популярных тогда сравнений, в том числе царя Петра с Самсоном, победившим льва — Карла XII (лев изображен на гербе Швеции). Здесь же обыгрывалось буквальное значе-

ние древнегреческого слова Χριστός — помазанный. В богослужебном тексте (!) оно достаточно рискованно применялось к русскому царю Петру, который, как и всякий другой христианский монарх, был помазан на царство [там же, Седален по полиелее, л. 8–8 об.]. Для нашей темы важен один из текстов службы, в котором сравниваются Мазепа с отпавшим апостолом Иудой, а верные сподвижники Петра I — с учениками Спасителя: «да почтутся якоже апостоли, не согласившиися со вторым Иудою Мазепой, но души предавшии за своего владыку: възграйте, стеньщим и рыдающим супостатом: достойни за верность и послушание чести, и венцев небесных» [там же, Стихира по 50-м псалме на Утрени, гл. 6, л. 8 об. — 9]. Этот текст фиксирует, по всей видимости, устойчивую метафору того времени, связывающую ближайшее окружение царя и апостольскую общину. «Равноапостольная» тема вышла за рамки барочной придворной игры и настойчиво предлагалась всей пастве Российской церкви: служба неоднократно переиздавалась и была обязательна для проведения [Мартынов, с. 141, 147–148]. Царь в таком обществе приобретал еще более высокий сакральный статус. Данный текст развивал тенденции, которые уже реализовались к тому моменту в виде структурных и образных изменений деисусного чина русского иконостаса.

Впрочем, зыбкий язык аллюзий и метафор не предполагал строго закрепления таких сравнений. Исторические деятели сопоставлялись со святыми, но не приравнивались к ним. В планы даже самых преданных сторонников Петра и его реформ, разумеется, не входило обожествление монарха, они понимали, что назвать царя богом в прямом значении этого слова будет кощунственно, хоть это и вменяли им в вину традиционалисты [см.: Живов, Успенский]. Уподобление реальных деятелей апостолам было также скорее культурным этикетом, одним из знаков барочной культуры и ее языка. Скульптурный ансамбль Подмокловской ротонды — характерное явление этого порядка.

Возникает предположение, что скульптуры апостолов могут иметь портретное сходство с историческими деятелями петровской эпохи, в том числе с самим царем и с заказчиком. Доказать это — весьма непростая задача, т. к. неизбежна субъективность оценки в ситуации достаточно приближительной индивидуализации

4 Так, Андреевский монастырь, основанный ок. 1647 г. на месте церкви в честь мч. Андрея Стратилата и усвоивший ее название, был в 1652 г. перепосвящен апостолу Андрею [Румянцева, Даниленко]. В московском Чудовом монастыре один из приделов, предназначавшихся для монахов, в храме, построенном по проекту царя Федора Алексеевича в 1680 г., был так же посвящен этому апостолу [Бусева-Давыдова 2008, с. 211].

скульптур и их плохой сохранности. Тем не менее практика криптопортретов в церковном искусстве в это время уже стала заметным явлением. Очевидно, она была заимствована из западно-русских земель. Так, в 1620-х гг. на полях одного из экземпляров Острожской библии, бытовавшего на Волыни, анонимный автор, которого в научной литературе принято называть «вольнодумцем», в числе прочих обличений в адрес современных ему нравов, выступает против обычая строить храм в честь своего небесного патрона и писать в нем иконы, имеющие портретное сходство со строителем и его женой [Немировский, с. 234]. Историкам русской культуры петровского времени известны примеры, когда в изображениях святых или мифологических персонажей угадываются черты исторических лиц. Ровинский предполагал такое сходство на гравюрах: мч. Феодора Стратилата — с Федором Шакловитым [Ровинский 1886–1889, т. III, стлб. 2129], апокалиптической крылатой Девы — с царевной Софьей и Афины Паллады — с Петром I. [Ровинский 1884, с. 2, № 3; с. 4, № 22]. Черты царя Петра приданы изображению Марса в росписи плафона Ореховой комнаты дворца Меншикова [Мещеряков и др., с. 25]. Аналогичную аллюзию находим в иконостасе Филевской церкви, где архидиакону Стефану придали черты молодого Петра, а архидиакону Лаврентию — его брата, царя Иоанна [Комашко, Мерзлютина, с. 62]. Н. Никитенко в росписи «Первый Вселенский собор» из Софийского собора в Киеве и на аналогичной композиции в Троицкой церкви Киево-Печерской лавры в изображениях 10 святителей предполагает портреты 10 патриархов Русской церкви первого периода патриаршества. Она же вместе с О. Ковалевской усматривает в этих композициях изображения гетманов И. Мазепы (в обоих случаях), И. Скоропадского (в Троицкой церкви), князя Д. М. Голицына (в Софийском соборе) [Никитенко, с. 128–139]. Есть пример иного порядка, в котором проявилось желание заказчика открыто поместить портреты своей семьи в пространстве своего вотчинного храма: интерьер Дубровицкой церкви украшен барельефами с изображениями князя Бориса Голицына, его супруги и сына [Филипович, с. 19]. Уникально изображение Петра I в виде всадника на белом коне, поражающего льва, на иконе «Христос в чаше» из Никольского собора в Ревеле. Надпись рядом с всадником: «царь Петр» — не допускает раз-

ночтений⁵. Два последних примера с очевидностью свидетельствуют, что пространство храма или иконы уже не противопоставлялось реальности в рамках оппозиций «временное — вечное», а также «профанное — сакральное». Реальность стала рассматриваться как проекция вечности. Криптопортреты являются более завуалированными проявлениями этой же тенденции.

Но и в этом случае мы не можем не отметить, что данная тенденция имеет достаточно глубокие корни. Вопрос о допустимости изображений на иконах живых (на момент написания) людей был поставлен царем Иоанном Грозным на Стоглавом соборе (1551)⁶. Поводом послужила знаменитая четырехчастная икона из Благовещенского собора Московского кремля, где в сюжете «Приидите, людие, трисоставному Божеству поклонимся» были изображены «ц (а) ри и кн (я) зи, и с (вя) т (ите) ли, и народи, которые живы суще». Другим смущающим произведением был образ Божией матери в деянии «иже есть на Тихвине» [см.: Емченко, с. 306]. Ответ иерархов под началом митрополита Макария гласил, что изображения царей, цариц, святителей и множества народа встречаются на иконах «Воздвижение Креста», «Покров Божией Матери», «Происхождение честного Креста», что является свидетельством древней традиции — это «от древних с (вя) тых о (те) ц предание и от пресловущих живописцев греческих и русских» [там же]. А на иконе «Страшный суд» «воображают и пишут не только с (вя) тых, но и неверных, многие и различные лики ото всех язык». Предмет дискуссий в XVI в., после легитимизации в переходное время трансформировался и приобрел достаточно экстравагантное проявление в практике криптопортретов. Стимулом для этого послужила смена условного изобразительного языка на «живоподобное» письмо икон, а также использование близких к иконописным художественных средств в портретах-парсунах.

Разумеется, разгадывание физиогномических загадок не может претендовать на абсолютную достоверность, на что, вероятно, рассчитывали заказчики и художники. Все же предложим наше видение сходства с современниками заказчика у двух подмокловских скульптур

5 Икона была написана по заказу А. Меншикова к посещению царем Ревеля в 1711 г. [Погосян, Сморгжевских-Смирнова].

6 Стоглав, гл. 41, вопрос 7.

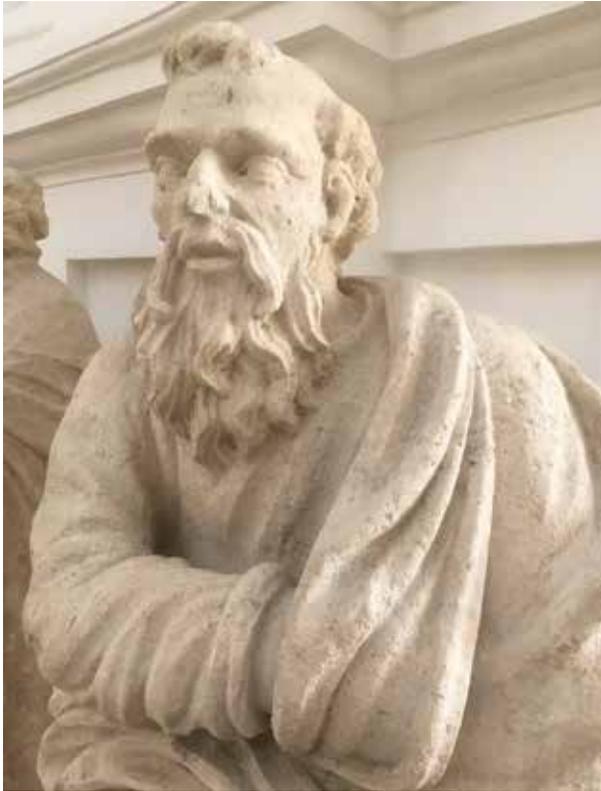


Рис. 12. Апостол Симон Кананит



Рис. 13. Симеон Полоцкий

из-за их характерных особенностей. Первый случай — апостол Симон Кананит (рис. 12).

Мы предполагаем, что в данном образе князь Долгоруков запечатлел Симеона Полоцкого. Основанием для этого предположения может служить, во-первых, их общее имя (Симон и Симеон — две транскрипции одного имени), а во-вторых, гравированный портрет из собрания Платона Бекетова (рис. 13), который, как это следует из предисловия, пользовался старыми оригиналами [Бекетов, с. 77, № 17]. Скульптура, как и гравюра, изображает человека с фактурными чертами лица: в обоих случаях обращают на себя внимание выступающие надбровные дуги и скулы, впалые щеки, большие пухлые губы и характерный горбатый крупный нос. Близка форма бороды и усов. Два портрета объединяет и характерная сутулость фигуры. Так князь, вероятно, отдал долг памяти своему учителю богословских и светских наук. В этом случае нельзя не отметить принципиальность позиции князя, который изобразил под видом святого духовного писателя, чьи сочинения были объявлены неправославными на Соборе 1690 г. в рамках борьбы «греко-

филов» и «латинствующих». Впрочем, ко времени строительства Подмокловской церкви, в ситуации общей вестернизации, эти споры были уже неактуальны. Есть и еще один аспект у данного факта: культура, появившаяся еще при Алексее Михайловиче «Тишайшем», не была забыта в конце царствования Петра Великого. Из этого можно заключить, что аристократы того поколения и культурного типа, к которому относился князь Григорий, воспринимали петровские преобразования как один из этапов единого процесса, начавшегося в годы их юности.

Второй случай — скрытый портрет Петра I в облике ап. Иоанна (рис. 14).

В Подмоклове молодой апостол изображен без бороды, у него характерное круглое лицо и несколько припухшие веки больших глаз навыкате (левый глаз утрачен), открытый лоб, волнистые волосы спускаются на плечи. Все это соответствует портретным чертам царя Петра. Другой вопрос: почему был выбран именно ап. Иоанн, а не Петр или Андрей, которых царь считал своими покровителями? Наша версия такова. Петр и Андрей, подобно другим апостолам, изо-



Рис. 14. Апостол Иоанн

бражались с бородой. Единственным исключением был юный Иоанн, который в качестве апостола изображался безбородым (как евангелист — уже с бородой). Царь Петр бороды не носил⁷, и хорошо известно, как он боролся с этим старым обычаем. В данной ситуации криптопортрет Петра в облике любого другого апостола был бы и неузнаваем, и весьма неуместен.

В отношении других современников князя Григория Федоровича стоит отметить, что, хотя к 1720 году ни у кого из царского окружения уже не было бород, в конце XVII в. почти все их еще носили, о чем свидетельствуют сохранившиеся портреты. Напомним, что детали одежды у фигур апостолов соответствуют времени перед петровскими реформами. Таким образом, корреляция других фигур с петровскими деятелями (в частности, ап. Иакова Алфеева с кн. Яковом Долгоруковым) принципиально возможна.

Характерная деталь иконографии ап. Иоанна — змея, выползающая из чаши на грудь, мо-

жет являться метафорой обстоятельств жизни царя: как Иоанн, по преданию, остался невредим под действием змеиного яда, данного ему врагами христианства, так и Петр победил все козни врагов. Аллегория имела традицию: в 1709 году архимандрит Иосиф Туробойский в своем сочинении «Политиколепная апофеосис достохвальныя храбрости всероссийскаго Геркулеса... Толкование или изъяснение врат триумфальных», повторяя иносказательный образ, ранее уже использованный на вратах 1704 г., сравнивал Петра с Геркулесом, в детстве победившим двух змей. Панегирист имел в виду усмирение царем в юности стрелецкого восстания и победу над сестрой. В этом же сочинении со змеем сравнивается И. Мазепа [см.: Панегирическая литература, с. 65]. Западная иконография ап. Иоанна в виде юноши со змеей в Подмоклове может являться христианским аналогом античного иносказания, а также обозначать предательство гетмана, обласканного царем, но оказавшемся «пригретой на груди змеей». Предположение о корреляции скульптуры ап. Иоанна с царем косвенно подтверждается и вниманием царя к этому святому: для собственных домашних скульптурных экзерсисов Петр, наряду с образами апп. Петра и Андрея, выбирает и его образ [см.: Евангулова, с. 49], очевидно считая ап. Иоанна также своим покровителем.

Тема апостольской общины при выделении особой роли св. ап. Иоанна Богослова имеет продолжение в иконостасе Петропавловского собора. Этот выдающийся памятник петровской эпохи был выполнен в соответствии с богословской программой, по-видимому, составленной Петром при участии митрополита Феофана Прокоповича [Бусева-Давыдова, 1999]. Она построена на чрезвычайно развитой символической и аллегорической на исторические реалии того времени, связанные с деятельностью царя. В иконостасе, схожем с триумфальной аркой, отсутствует Деисус, а вместо него смысловым центром становятся Царские врата, куда перенесены образы Спасителя, Богородицы, архангелов и апостолов в изображении «Тайной Вечери». Этим подчеркивается идея ядра Христианской Церкви, состоящего из ближайшего окружения Спасителя, ранее только намечавшаяся в иконостасах храмов «нарышкинского стиля». Изображение выполнено в скульптурной технике горельефа (архангелы Михаил и Гавриил — в жанре круглой скульптуры), а сами фигуры помещены в пространство

7 Д. Гузевич сообщил нам о портрете Петра времени Великого Посольства, где царь изображен в виде рабочего верфи со щетиной на лице.



Рис. 16. Видение 24-х старцев. Лицевая Библия Пискаatora

Сионской горницы, имеющей вид ордерного круглого сооружения. Тема ротонды с апостолами, помимо использования скульптурной пластики на фасаде, также роднит Подмокловскую церковь и Петропавловский собор (напомним, на соборе скульптурное убранство не сохранилось).



Рис. 15. Видение 24-х старцев. Икона-квадрофолий иконостаса Петропавловского собора, СПб.

Но самое примечательное, что на традиционном месте иконы «Тайной Вечери» над Царскими воротами помещено уникальное для русской иконописи «Видение св. Иоанну Богослову двадцати четырех старцев», т. е. икона, переносящая тему святого ядра Церкви из исторической в эсхатологическую плоскость (рис.15).

Ее композиция была заимствована из Библии Пискаatora (рис. 16).

Это изображение небесной литургии, на которой присутствует не 12, а 24 участника (Откр. 4:1–5:14). На иконе-квадрофолии святые старцы стоят на коленях пред престолом Спасителя, образуя ровный круг. Тайновидец ап. Иоанн, выделенный на первом плане, здесь соотносится с Петром, прозревавшим историческое будущее новой России, а 24 старца тогда должны иметь отношение к членам Андреевского ордена, задуманного с таким же количественным ограничением участников. Примечательно и то, что в интерьере Подмокловской ротонды восемь пучков строенных пилястр также образуют 24 столпа (рис. 17), подобно старцам, расположенным по кругу на иконе собора.



Рис. 17. Интерьер храма в Подмоклове, вид на купол

Так тема фасада «апостолы — столпы Церкви» преломляется в интерьере как идея строительства новой России, опоры которой должны были составлять Андреевские кавалеры — соратники царя-преобразователя.

Итак, мы рассмотрели обстоятельства появления скульптур на Подмокловской церкви. Подведем итоги.

1. Скульптура на фасаде церкви в петровское время стала знаком высокого положения строителя. Моде на церковную скульптуру следовал сам Петр I. Князь Григорий Долгоруков таким образом заявил о своем социальном статусе.

2. Церковная скульптура, выполненная в западноевропейской манере, противопоставлялась народной «иконе на рези», в которой видели соблазн идолопоклонства. Это проявилось в законодательных актах Сената и Синода. Скульптура разрешалась только в том случае, если являла собой пример просвещенности ее инициатора, что воспринималось не только как культурный, но и как религиозный критерий. Князь Григорий был участником этого регламентирующего процесса. Подмокловские скульптуры должны

были быть образцовыми «кунштами», которые воспринимались бы не как моленные образы, а как часть архитектуры.

3. Выбор апостольской тематики для скульптур в Подмоклове был обусловлен ассоциативной связью между апостолами и просвещенными людьми. Эта тенденция зародилась в середине XVII в. в среде ученого монашества, но к петровскому времени стала устойчивой метафорой не только церковной и культурной, но и социально-политической жизни, что проявилось в государственной идеологии.

4. В подмокловских скульптурах можно предположить скрытые портреты деятелей времени заказчика. При этом временной диапазон их жизни может быть достаточно широким и включать персоналии как дореформенной истории России, так и петровской эпохи.

5. Апостольская тематика хорошо согласуется с идеей Подмокловской ротонды как «дома Премудрости» и позволяет трактовать стоечные элементы ордера как метафору деятелей петровского времени — опоры нового просвещенного государства.

Список литературы

1. Бекетов П. П. Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена по чему другому сделались известными свету, в хронологическом порядке, по годам кончины, с приложением их кратких жизнеописаний. М., 1821–1824.
2. Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца 1721–1725/перевод с немецкого И. Ф. Аммона. М., 1858–1860.
3. Бусева-Давыдова И. Л. Иконостас Петропавловского собора в Петербурге // Искусствознание. 1999. № 2. С. 510–529.
4. Он же. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008.
5. Вилинбахов Г. В. Награды России. Ордена. СПб., 2006.
6. Евангулова О. С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в. М., 1987.
7. Емченко Е. Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
8. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды: в 3 т. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 110–218.
9. Комашко Н. И., Мерзлютина Н. А. Церковь Покрова в Филях. М., 2003.
10. Мартынов И. Ф. Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 139–148.
11. Мещеряков В., Саверкина И., Игнатьева Е. Дворец Меншикова. Государственный Эрмитаж. СПб., 2004.
12. Немировский Е. Л. Иван Федоров и его эпоха: энциклопедия. М., 2007.
13. Нікітенко Н. М. Бароко Софії Київської. К., 2015.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. СПб., М., 1887–2003.
15. Панегирическая литература петровского времени/издание подготовил В. П. Гребнюк, под ред. О. А. Державиной. М., 1979.
16. Погосян Е., Смержевских-Смирнова М. «Яко аз на раны готов»: Петр I на иконе Таллинского Никольского храма // Humaniora: Litterae Russicae. Тарту, 2009. С. 11–37.
17. Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии: в 12 вып. Вып. 1. СПб., 1884.
18. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов: в 4 т. СПб., 1886–1889.
19. Румянцева В. С., Даниленко Борис, прот. Андреевский монастырь в Пленницах // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 350.
20. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при великом посольстве русском, к владетелям разных стран Европы/сообщ. с прим. И. Ф. Горбунова // Русская старина. Т. XXV. 1879. С. 101–132.
21. Рязанцев И. В. Скульптура в России: XVIII — начало XIX века: очерки. М., 2003.
22. Служба благодарственная, Богу в Троице славимому, о великой Богом дарованной победе над Свейским королем Каролом вторым наддесять, и воинством его, содеянной под Полтавою. В лето от воплощения Господня 1709, месяца иуния в 27 день // Минея месячная. Июнь. Московский печатный двор, 1741. Л. 1–16 второй пагинации.
23. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: в 6 т. СПб., 1858–1863.
24. Феофан Прокопович. Сочинения/под ред. И. П. Еремина. М., Л., 1961.
25. Филипович Э. Г. Дубровицкая церковь: Каменная и живая: путеводитель. М., 2009.

THE SCULPTURES OF APOSTLES ON THE FACADE OF THE TEMPLE OF THE NATIVITY OF THE HOLY VIRGIN IN PODMOKLOVO

Krjukov Denis Vitaljevich, Protopriest,
Archpriest of the temple of the Nativity of the Holy Virgin in Podmoklovo,
research fellow of Dmitry Likhachyov Legacy Institute,
Bersenevskaya naberezhnaya, 20, Moscow, Russia, 119072,
e-mail: ml-arhangel@yandex.ru

Abstract

The present study is an attempt to interpret the sculpture decoration of the Church in Podmoklovo according to the sign system of aristocratic culture during the reign of Peter the First. In this particular example one can see that his reformation not so much broke the tradition, as transformed it, developing the tendencies, that had already appeared in the middle of the 17th century. The religious character of the transformative actions made by the tzar's companions should be acknowledged the key factor for understanding of this phenomenon.

Keywords

The Church in Podmoklovo, Prince Grigory Dolgorukov, religious sculpture, enlightenment, apostolate, Peter's reformations.

КАРТИНА МИРА РУССКОГО ЭПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Миронов Арсений Станиславович,
кандидат филологических наук,
ректор Московского государственного института культуры,
Библиотечная ул. 7, Химки
email: arsenymir@yandex.ru

Аннотация

В статье предлагается описание картины мира, свойственной русскому эпическому сознанию, её базовые ценностные концепты выявляются посредством анализа структуры и соотношения «ценностных центров» эпического героя и сказителя/аудитории.

Ключевые слова

Былины, картина мира, русское эпическое сознание, цивилизационные особенности.

Под русским эпическим сознанием предлагается понимать совокупность отразившихся в русском эпосе общих убеждений, идей, нравственных норм традиционной аудитории эпических певцов (преимущественно крестьянства), а также самих исполнителей былин, в регионах живого бытования русских эпических песен в период их активной научной фиксации с конца 1850-х и приблизительно до 1930-х годов (когда многие очаги былинной традиции угасли, и в репертуаре народных исполнителей существенной сделалась доля сюжетов, воспринятых из книг).

Атрибутом любого сознания является соответствующая картина мира. Для описания картины мира, свойственной русскому эпическому сознанию, необходимо выявить её базовые ценностные концепты — это можно сделать, изучив структуру и соотношение «ценностных центров» эпического героя и сказителя/аудитории. Мы будем пользоваться сформулированным М. М. Бахтиным определением «ценностного центра» автора и героя как «смысловой и оценивающей позиции человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей его дей-

ствительности»¹. Субъектом эпического сознания русских является ценностный центр слушателя/сказителя (и его аудитории), включающий главные аксиологические концепты: сила («работа богатырская», «стояние», миссия свыше, бремя призвания), любовь-сострадание («жалость», «сердце неутерпчивое», «обида»), смелость («смелость-ухватка»), честь («честь-хвала богатырская»), слава, молитва, стойкость («неупадчивость») и др.

Объектом эпического сознания в былинах является ценностный центр героя. Важно отметить, что этот ценностный центр — в отличие от ценностного центра слушателя/сказителя — весьма динамичен, изменчива его структура, в частности, иерархия концептов. Например, для одного и того же эпического героя в различные периоды его богатырской «биографии» разной ценностью обладает собственное призвание (Добрыня) и принятые на себя заповеди (Илья) или обеты (Садко), институт княжеской власти (Илья), пленные соотечественники (До-

1 Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. Соч. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 56.

брыня), институт христианского брака и «любовь телесная» (Алеша, Потык), воспитание ребенка (Илья), «золота казна» (Садко), вино (Потык).

Почти в каждой былине можно отметить случаи несовпадения ценностных центров эпического героя и сказителя/аудитории ни по содержанию, ни по структуре. Например, герой песен о Садке и традиционная аудитория этих песен по-разному воспринимают: а) ценность богатства в начале былины, 2) ценность взятого на себя обета в середине былины и 3) ценности выживания, покаяния и самопожертвования, выявляемые через сопоставление в сюжете о бросании жребиев на море. Ярким примером несовпадения ценностных центров героя и аудитории может служить негативное отношение сказителя и слушателей к мирному договору, заключенному Добрыней со Змеей (за что певец называет Добрыню «глупешеньким»): заключая этот мир, Добрыня слишком мало ценит жизни русских пленников, которые остаются томиться в «пещерах» или «норах» Змеи.

Примеров несоответствия ценностных центров былинного героя и аудитории можно привести множество. Это несовпадение объясняется изменчивостью структуры ценностного центра героя — а это значит, что необходимо отказаться от привычного для школьных и вузовских учебников представления о том, что образы богатырей статичны, что русский эпос не замечает недостатков своих героев, якобы воплощающих нравственный идеал доброты, мужества, стойкости, выдержки.

Е. А. Костюхин, например, называет богатырей «идеальными героями с нравственной точки зрения»². Авторы другого учебника пишут об «идеальном типе русского былинного героя, воплотившем представления народа о личном достоинстве, гуманизме, любви к родной земле, свободолюбию, социальной активности и бесстрашии в борьбе за свои цели»³. Подобные утверждения сложно подтвердить результатами исследования ценностных центров героя и сказителя/слушателя. Былина показывает не статичный («конечный») идеал героя, но — историю

личной внутренней борьбы, которая не всегда завершается победой богатыря над самим собой.

Соглашаясь с формулой В. Я. Проппа, определявшего эпос в содержательном плане как «песни о борьбе и победе»⁴, надо распространить это определение на область духовной борьбы героя с собственными грехами, страстями и слабостями. Ключом к пониманию поступков былинных героев является не идейно-политическая борьба, в том числе с иноземными захватчиками, но — внутренняя духовная борьба. Суть этой борьбы и ее законы понятны сказителю и его слушателям, знакомы из личного духовного опыта либо воспринимаются (детьми) как опыт предков, содержащий актуальные ценностные ориентиры и модели поведения.

Динамика соотношения ценностных центров героя и сказителя/слушателя обеспечивает, на наш взгляд, притягательность и актуальность эпоса для аудитории. В отличие от героя мифов, былинный герой не несет на себе каких-либо черт божественной природы и не представляется аудитории эпического певца неподсудным с точки зрения человеческой морали. В русском эпосе есть поэтическая гиперболизация силы богатырей, но вовсе нет их идеализации. Илья Муромец трусит, опасаясь гнева Святогора и совершает блуд с его женой; он же зачинает в блуде сына и забывает о нем, в результате сын вырастает и становится мощнейшим анти-богатырем, воспитанным в «вере поганой». Добрыня Никитич заключает мирный договор со Змеей, за что сказитель называет его «глупешеньким», по сути, он избегает богатырской миссии, отказываясь от избавления русских пленников, которые томятся в пещерах Змеи. Садко — этот русский Фауст — из любви к золоту заключает договор с морским дьяволом. Михайло Потык не в силах противиться блудной страсти и пьянству. Дюк Степанович трусит перед шатром, в котором спят Илья и Добрыня. Ставр Годенович, Сухман, даже Илья Муромец — хвастают прежде совершения подвига. Былинные герои не воплощают ценности русской цивилизации в идеальном состоянии. Скорее, былина показывает слушателю основные трудности на пути к русскому идеалу человека — и делится опытом духовных побед на этом пути.

2 Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору. М.: Дрофа, 2004. С. 163.

3 Народная художественная культура: Учебник/Под ред. Баклановой Т. И., Стрельцовой Е. Ю. М.: МГУКИ, 2000. С. 166.

4 Пропп В. Я. Русский героический эпос (Собр. трудов В. Я. Проппа). М.: Лабиринт, 1997. С. 6.

Главный психологический конфликт русского эпоса есть конфликт между частными интересами героя — и его призванием, его миссией. Причем эта миссия трактуется не в духе вассальной верности сюзеру или преклонения перед прекрасной дамой, но преимущественно — на путях служения ближнему.

Многие исследователи были отмечали: русский эпический герой действует не в личных интересах, но исходя из остро переживаемого чувства духовной необходимости. В своих лекциях С. П. Шевырев говорил: русские богатыри «не заняты оскорблениями личной чести и страстями сердца, как рыцари Запада», но «над всеми личными чертами возвышается в них и господствует одна великая черта, принадлежащая тому народу, который они олицетворяют: самоотвержение»⁵. С. К. Аксаков замечал, что сила для русского богатыря — «полезное орудие для доброго дела только»⁶. Орест Миллер развил эту мысль: «Илья Муромец ... ничего не ищет для себя самого»: «в западноевропейском богатырском эпосе... богатырская сила представлялась исключительно доставляющею права, прямо противоположно тому значению ея у нашего Ильи Муромца, по которому она налагает обязанности»⁷.

Для русского эпического героя сила — не бонус, не конкурентное преимущество и не средство достижения корыстных целей, но — бремя служения. Результаты аксиологического анализа русского эпоса подтверждают одно из ключевых наблюдений Н. Я. Данилевского: отличительной чертой славянской цивилизации является то, что в важнейшие моменты жизни русским человеком движет не личный интерес, но «внутреннее нравственное сознание, медленно готовящееся в его духовном организме» и «всецело обхватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления»⁸. Русский эпический герой получает от Бога чудесную силу и право на побе-

ду лишь тогда, когда производит определенную духовную работу в своем сердце и оказывается подготовлен к пассионарному акту любви — жалости, сострадания.

Данилевский уделяет огромное значение этому «психологическому процессу», он описывает его как «внутреннее перерождение», происходящее в душе отдельного человека, переходящего из одного нравственного состояния в другое, высшее. В свете этого открытия Данилевского очевидно, что этот психологический процесс, происходящий в душе героя, есть характерная черта русского эпоса. Именно духовное перерождение обычного человека в особое «богатырское» состояние является цивилизационной особенностью былины, в отличие от общечеловеческих смыслов — борьбы с чудовищами, символизирующими силы дикой природы, защиты родной земли и разнообразных задач, определяемых историческими обстоятельствами.

«Богатырское» состояние души (эпический певец называет его «неустремчивостью» сердца, способностью откликаться на чужую «обиду») соответствует состоянию особой «пассионарности», о котором писал А. С. Панарин. Он полагал, что «от падения в хаос Россию всегда спасал не закон — он сделать этого не в состоянии, — а вера, обеспечивающая спонтанность дарения на всех уровнях и во всех слоях общества»⁹. По мнению А. С. Панарина, пассионарность человека православной цивилизации состоит в ощущении необходимости дарить свою силу, свой талант, не ожидая ничего взамен, просто по зову сердца, потому что так должно поступать.

Когда жена Соловья или разбойники-«станичники» предлагают Илье Муромцу «золоту казну», богатырь отвечает: «Кабы мне брать вашу золоту казну, // За мной бы рыли ямы глубокия! // Кабы брать мне ваше платье цветное, // За мной бы были горы высокия! // Кабы мне брать ваших добрых коней, // За мной бы гоняли табуны великие!»¹⁰.

Любовь-жалость направлена на ближнего, то есть на человека, который нуждается в приложении нашей энергии здесь и сейчас. Это христианский концепт, фундаментальный для русско-

5 Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. Ч. 1. Лекция IV. М., 1840. С. 190.

6 Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира / «Русская беседа». Т. 4 за 1856 г.

7 Миллер О. Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 817.

8 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 17.

9 Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Ин-т русск. цивилизации, 2014. С. 184.

10 Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1–4. М., 1860–1862. С. 17–18.

го эпоса. Он определяет мотивацию богатырей в абсолютном большинстве случаев. Заметим, что открытие этой фундаментальной основы картины мира русского эпического сознания, в частности, обрекает на бессмысленность поиски «глубинных» смысловых слоев, связанных с язычеством, которые якобы таятся под внешними христианскими формами.

Жалость не является концептом языческого этоса. Идеал милующего сердце «вполне чужд античной культуре», отмечал С. С. Аверинцев. Он утверждал, что «в пределах языческого мировоззрения такая жалость явно бессмысленна»¹¹. Между тем, именно ценность любви-жалости составляет основу картины мира русского эпического сознания. Свою чудесную силу русский эпический герой получает не от божественной природы и не по волшебству, как Ахилл или Зигфрид; он получает ее свыше как ответ Бога на акт жалости, акт духовной работы, производимой в «неутерпчивом» сердце богатыря.

Принципиально важно, что былинные богатыри нередко утрачивают свою чудесную силу (Добрыня и Сухман, Василий Буслаев и даже Илья Муромец в битве с Сокольником). Условием сохранения силы в понимании эпического певца является «неупадчивость» — стойкость к греху.

Важнейшей чертой русского эпического сознания является ясное представление о причинно-следственных связях духовного характера. А. Н. Ужанков полагает, что на определенном этапе развития восточных славян «возникло понимание некоторых законов миропорядка», они обнаружили «прямую взаимосвязь между поступками человека, нарушавшими христианские заповеди, и историческими событиями»¹². В своей работе «Историческая поэтика древнерусской словесности» А. Н. Ужанков показывает, что с начала XIII века древнерусская культура отражает особый метод познания, который исследователь называет «религиозно-прагматическим». Множество примеров религиозного

прагматизма, демонстрации скрытых духовных причин событий содержат и былины.

В частности, эпический певец знает, что победа героя выковывается задолго до сражения с врагом. И напротив, если совершить грех накануне сражения, битву не выиграть. Простой пример — поединок Ильи с Сокольником, который имеет две фазы: духовную (эта схватка происходит на расстоянии, прежде чем богатыри увидели друг друга — через посредника, посыльного) и физическую (собственно сшибка в чистом поле). Сокольник — наделен не только физической силой, он — тонкий психолог и умелый провокатор. Прежде чем сразиться с Ильей в чистом поле, он на расстоянии наносит Илье психологический удар, он задирает, искушает его, вынуждая впасть в гнев и похвальбу. И что же происходит? Илья Муромец поддается этому искушению. Он не может проявить «неупадчивость», впадает в гнев и хвастовство («Не успеете вы горшка сварить/Привезу вам голову татарина поганого»). Это — духовное поражение Ильи, поэтому, когда доходит до второй фазы поединка, аудитория эпического певца уже догадывается, что «по грехам с Ильешенкой случится» и его ноженька подвернется, так что русский герой окажется на краю гибели.

Русский эпос — результат многовекового коллективного опыта духовного созерцания, собрание жизненных уроков, актуальных для слушателя. Знание духовных законов позволяет аудитории эпического певца предсказывать исход событий. Добрыня не послушался матери — и потому становится уязвим для соблазна со стороны Маринки. Добрыня удержался от блудной связи с Маринкой — и потому колдунья не может его погубить. Садко не построил обетную церковь — и потому попадает во власть морского царя, водяного дьявола. Однако Садко сумел проявить сострадание к гибнущим корабельщикам — и Никола дает ему шанс вырваться из рабства Морского царя. Сможет Садко удержаться от блудной связи с дочерью морского царя — значит, он сможет обрести свободу и вырваться обратно в мир людей.

Эпический певец и его аудитория обладают духовным опытом поколений — информацией о причинно-следственных связях, которые соединяют события внутреннего мира человека и их последствия, проявляющиеся в поступках. Это позволяет героям былин «программировать» будущее, а слушателям эпического певца — его

11 Аверинцев С. С. На перекрестке литературных традиций. Византийская литература: истоки и творческие принципы/Религия и литература. Апп Агбор: Эрмитаж. 1981. С. 47.

12 Ужанков А. Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. Монография. М.: Изд. Лит. института им. А. М. Горького. 2011. С. 104.

предсказывать. Не случайно перед боем с Сокольником Илья Муромец спешит в монастырь исповедовать свои грехи. Задумаемся: именно Сокольник так страшен для Муромца потому только, что у Сокольника есть духовное «право» на победу, которое вынуждены признать и сказитель, и аудитория. Ведь Сокольник — незаконнорожденный сын Ильи, забытый им и воспитанный в поганой вере. Исповедание этого греха и раскаяние — увеличивает шансы Ильи выжить в борьбе со страшным противником и примириться с ним.

Демонстрацию действия «духовных законов» — описанных выше причинно-следственных связей — мы видим в каждой былине. Если в детстве Волху Всеславичу «похотелось много мудрости» настолько, что он начинает увлекаться магией, оборотничеством, — то непременно этот богатырь закончит тем, что превратится в изверга и узурпатора, приказавшего вырезать население целого города (кроме «душечек красных девушек»). Захватив чужой трон и чужую жену, Волх перестает быть русским богатырем — он уже не возвращается на Русь, превращается в очередного «индейского царя» или, в других вариантах, — в нового «турец-санталя».

Сила придается богатырю тоже не случайно, но как результат действия духовных законов. Добрыня бессилен перед Змеей — до тех пор, пока Змея не начинает глумиться над пророчеством «святых отцов». Услышав это глумление, Добрыня вступает за поруганную честь «святых отцов» и вмиг делается богатырем. С этого момента единственный шанс Змеи — это повредить духовную защиту Добрыни, раскатать его «неупадчивость». Поэтому Змея не сдаётся, она продолжает духовный поединок и предлагает богатырю золото, коня и саму себя в образе прекрасной девицы. Только духовная стойкость Добрыни обеспечивает ему победу в физическом противоборстве.

Духовный закон былины строго запрещает хвалиться до совершения подвига — потому что еще не известно, в каком духовном состоянии герой подойдет к моменту физической схватки. Похвальба до подвига «перепрограммирует» будущее, обрекая героя на поражение.

Знание духовных законов проявляет даже юный Алеша Попович — вместе с парубком Екимом они решают, по какой дороге поехать, и Алеша отказывается ехать в Чернигов об-

щаться «с девушками хорошими». Алеша говорит о возможном ущербе для своей репутации, но аудитория эпического певца осознает также риск утраты героем духовной защиты — «неупадчивости».

Заметим, что духовная победа, одержанная над самим собой, позволяет Алеше впоследствии вызывать дождь при помощи молитвы. В былинной вселенной молитва есть действенное оружие, однако, она действует не автоматически, как магическое заклинание, но при условии совершения предварительной духовной работы.

Ключевой концепт русского эпоса есть концепт любви-жалости, но его продолжением является концепт бодрствования. Сон есть отрицание пассионарности, он исключает дарение — так же, как исключает дарение плен. Русский эпический герой боится плена больше всего на свете потому, что плен не позволяет применить, использовать богатырский талант — силу. И это — самобытный концепт свободы, характерный для русского эпического сознания. Свобода, воля обладает высшей ценностью потому, что дает возможность применить данный от Бога талант, силу.

Еще один важный концепт русского эпического сознания — это специфический концепт чести. Любой объект, который достоин того, чтобы его защищать, является «честным». В картине мира былины особое место занимают честные монастыри и честные вдовицы, честью обладают даже пиршественные столы. И чудесная сила дается богатырю от Бога именно на восстановление чести тех, у кого она была поругана.

Здесь не применимо ни языческое понимание чести как ритуала, который должен быть соблюден, ни западно-европейское понимание рыцарской чести как платы за вассальную службу. Ю. М. Лотман описывает концепт чести в западно-европейском эпосе следующим образом: «Показательно, что честь всегда дают, берут, воздают, оказывают. Честь неизменно связывается с актом обмена, требующим материального знака, с некоторой взаимностью социальных отношений, дающих право на уважение и общественную ценность»¹³.

Русский эпический концепт чести связан не с принципом обмена, о котором пишет Лотман, но с принципом дарения. Богатырь обязан передаривать талант (физическую силу, творче-

13 Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. II. Таллин, 1992. С. 123.

ский талант, вежество, богатство и др), дарованную ему от Бога, направлять их на соблюдение и восстановление чести других людей и прочих «честных» объектов (монастырей, честных икон, Непры-реки и т. д.). Иначе русский эпический герой рискует утратить чудесную силу, как это происходит в определенные моменты с Добрыней (битва со «змеенышами», первая битва со Змеей, битва с Настасьей), Ильей (битва с Сокольников), Потыком (каждая встреча его с Лебедью Белой, кроме последней), Сухманом (смертельное ранение героя в конце битвы), наконец, со всеми русскими богатырями (битва с «силой неизвестной»).

Как можно видеть, картина мира русского эпического сознания обладает выраженными особенностями, которые соответствуют уникальным атрибутам славянского культурно-исторического типа (в теории Н. Я. Данилевского) и «православной цивилизации» (в понимании А. С. Панарина). Выявление специфики ценностных концептов русского эпического сознания (таких как «любовь-жалость», сила как бремя, «неупадчивость», бодрствование, свобода как возможность исполнения миссии, честь как право на защиту, хвастовство (молва) как инструмент удержания врагов от нападения) подтверждает, во-первых, выводы Н. Я. Данилевского о том, что характерной мотивацией человека славянской цивилизации является осознание внутренней нравственной необходимости действия в противоположность личной выгоде.

Во-вторых, выявленное в былинах отношение эпического певца и его аудитории к силе (и вообще таланту) как к дару, который необходимо передаривать нуждающимся, подтверждает предположение А. С. Панарина о том, что пассионарное «дарение» является характерным свойством православной цивилизации.

Изучение ценностных концептов русского эпического сознания в свете цивилизационного подхода не только выявляет неадекватность представления о содержании эпоса как о своего рода «культурном слое» разновременных и противоречивых ценностных напластований (связанных либо с древнейшими мифологическими смыслами, либо с воспоминаниями народа об исторических событиях). Оно открывает

также перспективный взгляд на русский эпос как на обладающее внутренней целостностью собрание психологически достоверных сюжетов, показывающих действие законов внутреннего мира человека и духовных законов истории.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. На перекрестке литературных традиций. Византийская литература: истоки и творческие принципы/Религия и литература. Ann Arbor: Эрмитаж, 1981.
2. Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира. «Русская беседа». Т. 4 за 1856 г.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. М., 2002 г. Т. 6.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа./Составление и комментарии Ю. А. Белова/Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
5. Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору. М.: Дрофа, 2004.
6. Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. II. Таллин, 1992.
7. Миллер О. Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.
8. Народная художественная культура: учебник/под ред. Баклановой Т. И., Стрельцовой Е. Ю. М.: МГУКИ, 2000.
9. Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Инст. русск. цивилизации, 2014.
10. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1–4. М., 1860–1862.
11. Пропп В. Я. Русский героический эпос (Собрание трудов В. Я. Проппа). М., Лабиринт. 1997.
12. Ужанков А. Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. Монография. М.: Изд. Лит. института им. А. М. Горького, 2011.
13. Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. Ч. 1. Лекция IV. М., 1840.

PICTURE OF THE WORLD OF RUSSIAN EPIC CONSCIOUSNESS: CIVILIZATION FEATURES

Mironov Arseny Stanislavovich,

PhD, Rector of the Moscow State Institute of culture,
Library Street, 7, Khimki
email: arsenymir@yandex.ru

Abstract

In this article proposes a description of world peculiar to the Russian epic consciousness, its basic values concepts identified through analysis of the structure and «value ratio centers» of the epic hero and the storyteller/audience.

Keywords

Bylina, worldview, Russian epic consciousness, civilizational features.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

RAR
УДК 93
ББК 63.3

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ КАК МЕГАТЕКСТ: ОПЫТ МНОГОУРОВНЕВОГО ПРОЧТЕНИЯ АЛЬБОМА-КАЛЕНДАРЯ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АНАСТАСИИ

Исаченко Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, лауреат Макариевской премии,
ведущий научный сотрудник Центра Исследования проблем развития библиотек,
ФГБУ «Российская государственная библиотека»,
ул. Воздвиженка, д.3/5, г. Москва, Россия, 119019
e-mail: isachenko33@yandex.ru

Аннотация

В данной статье альбом-календарь младшей дочери Императора Николая Второго, Великой Княжны Анастасии, представляющий редкий фактографический источник, анализируется как мегатекст¹.

Альбом хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, важность его изучения и осмысления актуализируется памятной датой — столетием расстрела в июле 1918 года всей Царской Семьи и лиц ближайшего окружения.

Особый научный интерес в раскрытии нюансов событий столетней давности представляется в связи методологическими находками интерпретации исторического источника — многоуровневым прочтением записей альбома-календаря Анастасии, заполнявшегося с июня 1912 по ноябрь 1917 гг.

Ключевые слова

Альбом Великой Княжны Анастасии, собрание Дворцовых библиотек, автографы, мегатекст, быт царской семьи.

1 Данная статья является второй в серии публикаций о разысканиях значения судьбы императора Николая Второго для истории России в связи находкой уникального документа. Начало см.: Исаченко Т. А. Неизвестный альбом Великой Княжны Анастасии. 1912–1917 гг. // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 33–44.



Рис. 1. Альбом Вел. Кнж. Анастасии (ОР РГБ. Ф. 492. № 85). Переплет



Рис. 2. Титульный лист альбома «Дума за думой. Памятная книга на каждый день»

Как уже было сказано нами ранее, альбом-календарь Великой Княжны Анастасии, подаренный ей родителями на одиннадцатилетие, представляет собой прекрасно оформленное издание 1895 г. с подобранными на каждый день годового круга четверостишиями русской поэзии. В книгу включены произведения Г. Р. Державина, А. С. Хомякова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева, А. К. Толстого, К. С. Аксакова, П. А. Вяземского, А. А. Голенищева-Кутузова (стихи которого любил Император Александр III) и многих других авторов, заполняющих все 450 страниц книги-календаря (рис. 1, рис.2).

Согласно эпиграфу страницы альбома заполнены «памятью сердца»: «Книга настольная — жизни страницами, память сердца полна» (л. 4). Чудесная русская поэзия — это каркас, на который нанизаны имена и дорогие сердцу юной Княжны образы. Поэзия отражает настроения души, состояние духа, личные переживания, временами в стихах прочитываются пророчества о судьбах Империи. Открывает альбом стихотворение Алексея Хомякова (1858), помещен-

ное на январском шмуцтитуле первых листов альбома-календаря: Парус поднят; ветра полный, / Он канаты натянул / И на ропщущие волны / Мачту длинную нагнул. / Парус русский. Через волны / Уж корабль несется сам. / И готов всех братьев челны / Прицепить к крутым бокам. / Поднят флаг: на флаге виден / Правды суд и мир любви. / Мчись, корабль: твой путь завиден... / Господи, благослови! (рис. 3, рис. 4).

Образ мчащейся вдаль ладьи, устремленной в будущее под русскими парусами Божьей правды и любви, резко контрастирует с образом кибитки, мчащейся по сколькой крутизне разбитой дороги (стихотворение князя Петра Вяземского «Ухабы. Обозы» из цикла «Зимние карикатуры» помещено на декабрьском шмуцтитуле альбома): Какой враждебный дух, дух зла, дух разрушенья, / Какой свирепый ураган / Стоячей качкою, волнами без движенья / Изрыл сей снежный океан? / Кибитка-ладия шатается, ныряет: / То вглубь ударится со скользкой крутизны, / То дыбом на хребет замёрзнувшей волны / Её насильственно кидает... <> / Покажется декабрь — и тысяча обозов / Из пристаней степ-



Рис. 3. Художественное оформление
шмуцтитула на январь



Рис. 4. Художественное оформление
шмуцтитула на декабрь

ных пойдут за барышом,/И путь, уравниный
от снега и морозов,/Начнут коверкать непутём...

И здесь нельзя не сказать еще о некоторых ассоциациях. Имена, внесенные в альбом Анастасии, напрямую сопряжены с темой, которая несколько лет спустя, в 1924 году прозвучит в «Белой гвардии» М. А. Булгакова и станет лейтмотивом жизни Белой эмиграции на долгие годы — темой предательства. В романе Булгакова был поднят вопрос о дворянской и офицерской чести, о верности долгу, присяге и о предательстве генералов (сцена в гимназии, обращение полковника Мальцева к защитникам Киева). Эпиграфом к роману писатель взял строки А. С. Пушкина, обратившись к исторической повести о русской смуте XVIII века, где схожий образ истории как стихии («бурана») увенчан победой «белых», дворянства. Не «народ», которого заведомо было больше и который мог взять числом, а дворяне одержали верх в старой гражданской войне, описанной Пушкиным. В пушкинском романе дан ясный ответ: у дворянства в целом есть понятие чести, а у «народа» в целом этого понятия нет (хотя есть понятие о милосер-

дии).² Совершенно очевидно, что Булгаков писал свой роман, адресуя его, в первую очередь, Белой эмиграции — тем, кто в 1924-м находился в Берлине, Париже, Белграде, Софии, и где мог оказаться сам Булгаков, доведись ему сесть на паром в Батуме в 1921 году.

Именослов «альбома на каждый день» Великой Княжны Анастасии — один из важнейших мотивов исследуемого мегатекста, он вбирает имена доблестных воинов Великой войны, за которыми ухаживали в Феодоровском Лазарете Великие Княжны, офицеров Императорского Его Величества Конвоя, которым Семья запретила предпринимать попытки своего освобождения — «чтобы не пролилась кровь»³, дорогих сестер, «мама и папа», любимой бабушки (вдовствующей Императрицы Марии Феодоров-

2 Варламов А. Н. Булгаков [Текст]: роман-биография/А. Варламов // Москва. 2008. № 4. С. 66.

3 История Собственного Его Императорского Величества Конвоя в изложении офицера Конвоя Н. В. Галушкина прокомментирована и издана П. Н. Стреляновым: Галушкин Н. В. Собственный Е. И. В. Конвой;/Гвардейский дивизион/Стрелянов П. Н. (Калабухов). М.: Центрполиграф, 2008.

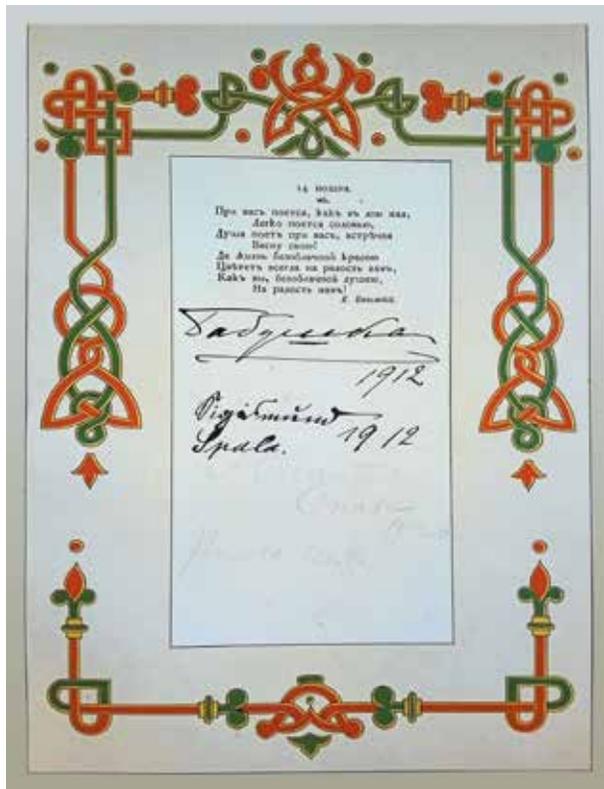


Рис. 5. Автограф Императрицы Марии Феодоровны («Бабушка. 1912»). Следом — автограф принца Сигизмунда Прусского (1896–1972), кузена Анастасии (запись: «Sigismund. Spala. 1912»)



Рис. 6. Бабушка и дедушка (Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна)

ны) (рис. 5, рис. 6), дяди Павла⁴, крестной — тети Ольги⁵, двоюродных братьев (рис. 7)⁶, симпатичных офицеров Императорской яхты «Штандарт», фрейлин, комнатных девушек, домашнего доктора, учителей и подруг — всех тех, кого она берегла в своем сердце и за кого молилась.

За царской семьей в Сибирь последовали 35 человек, многие из них проделали долгий путь в скитаниях по Сибири, пока не добрались до спасительных рубежей белой эмиграции — Харбина, Константинополя, Белграда и Вены, Дании, Швеции, Англии, Парижа, Америки, Канады, Аргентины, Торонто. Судьба некоторых, особо доверенных царской семьи лиц, причастных к тайнам последне-

го завещания Императорской Семьи (генерал-лейтенант И. Л. Татищев) до сих пор неизвестна⁷.

Многие из тех, кто заносил свои записи в альбом Княжны, разделили участь Царской Семьи — были расстреляны, погибли в вихре революции: дядя (Вел. Кн. Павел Александрович; рис.8–9), доктор Боткин (рис.10–11), свитные фрейлины Императрицы Александры Феодоровны графиня Анастасия Гендрикова (Настенька) и графиня Екатерина Шнейдер (Трина), комнатная девушка при Комнатах Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны Анна Демидова (Нюта) и другие⁸.

4 Запись Вел. Кн. Павла Александровича присутствует на с. 327 под датой 21 сентября.

5 Вел. Кн. Ольга Александровна (тетя Ольга), сестра Государя Императора Николая II.

6 Две записи, Дмитрия Павловича и Андрея Александровича Романовых, сделаны на с. 24 и с. 310 альбома Анастасии.

7 Плотников И. Ф. Генерал-адъютант, граф И. Л. Татищев как «источник» в поисках советскими спецорганами сокровищ царской семьи// Екатеринбургская трагедия и современность: Материалы науч.-богослов. конф., 19–21 июля 1999 г./Сост. М. В. Смелянская. Екатеринбург: Академкнига. 2000. С. 47–58.

8 С царем и за царя: мученический венец царских слуг/[сост.: О. Т. Ковалевская]. М.: «Русский Хронографъ». 2008; Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М.: «Русский Хронографъ». 2010.



Рис. 7. Принц Сигизмунд Прусский (справа) с братом Вальдемаром



Рис.8. Автограф Вел. Кн. Павла Александровича («дядя Павел»)



Рис.9. Вел. Кн. Павел Александрович Романов (21.09.1860–29.01.1919)

За именами, внесенными в альбом Анастасии, просматриваются биографии тех, чьи записи заполняют страницы, помеченные временем 1914–1917 гг. Всего этих записей 114. Иногда на одном листе можно видеть не один, а три и даже четыре автографа. Например, страница альбома на день 6 марта заполнена несколькими записями, и одному из писавших на листе места не хватило, поэтому его запись вынесена на соседней лист — красочный шмуцтитул мартовской главы.

В процессе изучения альбома удалось выявить так называемые «двойные» записи, указывавшие дату внесения записи в альбом, но, кроме того, еще одну дату — год, сопряженный с днем рождения писавшего. Поначалу «двойные» даты вызвали определенную трудность, ибо они сбивали толку: исследователю начинало казаться, что альбом существует в двух системах координат — первая «привязана» в периоду, когда книга принадлежала Царской Чете (1895–1912), вторая — когда она стала собственностью Анастасии. Одной из первых дат, помеченной



Рис. 10. Запись доктора Е.С. Боткина, сделанная 12.01.1913 в Царском Селе



Рис. 11. Портрет Е.С. Боткина (27.05 1865–17.07.1918)

1898 годом, была обнаружена запись с автографом Екатерины Зборовской⁹ (рис.12).

Это наводит на мысль о том, что альбом был подарен Царской Чете на пятую годовщину бракосочетания кем-то из приближенных (как вариант — приближенной фрейлиной), отчего Е. Зборовская рассматривалась нами поначалу в качестве дарителя. Впоследствии, однако, были выявлены еще пять «двойных» дат, помеченные автографами особо доверенных и близких Царской Семье лиц: конвойца Виктора Збо-

ровского¹⁰ (рис.13, рис. 14), Павла Воронова (любимца всей Императорской Семьи) (рис.15–18), флигель-адъютанта Свиты Его Императорского Величества, полковника А. А. Мордвинова¹¹, Александра Шведова (оба офицера — близкие

9 Зборовская Екатерина Эрастовна (Катя; 24.11.1898–1927?), дочь генерал-майора Эраста Григорьевича Зборовского (01.11.1840 –?), фрейлина, с которой Анастасия постоянно поддерживала переписку в ссылке, подруга Великих Княжон. Через Катю офицерам Конвоя передавались записки Царицы и Вел. Княжон в первом и втором заточениях. После революции Зборовская вернулась на Кубань, проживала в Краснодаре и работала медсестрой-регистратором тубинститута. Арестована 12.06.1927 г. по ст. 58/10 УК РСФСР. Приговорена тройкой при ПП ОГПУ СКК и ДССР 18.08.1927 г. к ссылке в Среднюю Азию сроком на 3 года (БД: «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Краснодарского края — т.3. Архивное дело: 18105).

10 Зборовский Виктор Эрастович (Виктор; 1888–1944), сын генерала Э.Г. Зборовского, брат Е. Зборовской. Казак ст. Ладожской ККВ. В Собственном Е. И. В. Конвое (1912). В Великой войне Георгиевское оружие. В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул (26.01.1919), командир Кубанского Гвардейского Дивизиона, полковник, командир Гвардейского Дивизиона (03.1920), о. Лемнос. В эмиграции — начальник Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (1921). Умер от ран в Граце (Австрия) 9 октября 1944 г. Запись в альбоме на 374 на день 31 октября.

11 Мордвинов Анатолий Александрович (Тото), полковник, флигель-адъютант Свиты Е. И. В. Присутствовал при отречении. Воспоминания Мордвинова опубликованы: Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II [Текст]: [в 2 т.]/А. А. Мордвинов; Российское историческое о-во, Федеральное архивное агентство, Гос. архив Российской Федерации Т. 1/[вступ. ст., коммент. О. И. Барковец], 2014–574 с.; Т. 2/[коммент. О. И. Барковец], 2014–717 с..



Рис.15. Автограф офицера яхты «Штандарт» П. А. Воронова (1886—1964), любимца Царской семьи



Рис.16. Ливадия. Ок. 1912–1913 гг. (офицер яхты «Штандарт» Павел Воронов слева)

и год рождения фрейлины — 24 ноября. Е. Зборовская была почти ровесницей царских дочерей, она была старше Анастасии на 3 года, поэтому предположение о подарке, сделанном ею в 1898 году, оказалось несостоятельным. И хотя начало заполнения альбома действительно относится не к 1912, а к 1909 году, это связано, одна-



Рис.17 (слева). Массандра. 1913 г. Наследник Цесаревич на руках старшего лейтенанта Воронова (фото из семейного архива Вороновых-Клейнмихелей. Дар Е. В. Хазовой, племянницы П. А. Воронова, Париж)

Рис.18. Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария Николаевны (в центре Павел Воронов)



Рис.19. Автограф офицера казачьего
 Конвоя А. К. Шведова
 (25.07.1888 — умер в тюрьме)

ко, с другой записью и другим лицом, о чем мы скажем ниже. Итак, «двойные» записи, по сути, подсказали нам «ключ» к главной загадке альбома — принципу его заполнения. Прочтение записей на дни 24 ноября, 31 октября, 25 июля и 27 августа помогли увидеть связь между датами календаря-ежедневника и днем рождения писавших: «Е. Зборовская» (с добавлением даты — «24 ноября 1898»), «В. Зборовский» (с добавлением даты — «1888 г.») «А. К. Шведов» (с добавлением даты — 25 июля 1888 от 19 апреля 1915), «А. Мордвинов (Тото)» (с добавлением «1870 от 27 августа 1916»), «Лили» (с датой «1887» от 27 февраля 1917»). Прочтение всех остальных записей под данным углом зрения, позволило обнаружить ту же взаимосвязь: в альбоме присутствуют записи Цесаревича Алексея на 30 июля (с.139), всех Великих Княжон — Ольги на 3 ноября (с.379), Татьяны на 29 мая (с.189), Марии на 14 июня (с.126) и Анастасии на 5 июня (с. 199). Загадкой остаются, правда, несколько дат, среди которых — запись на с. 14, подписанная 1909 го-

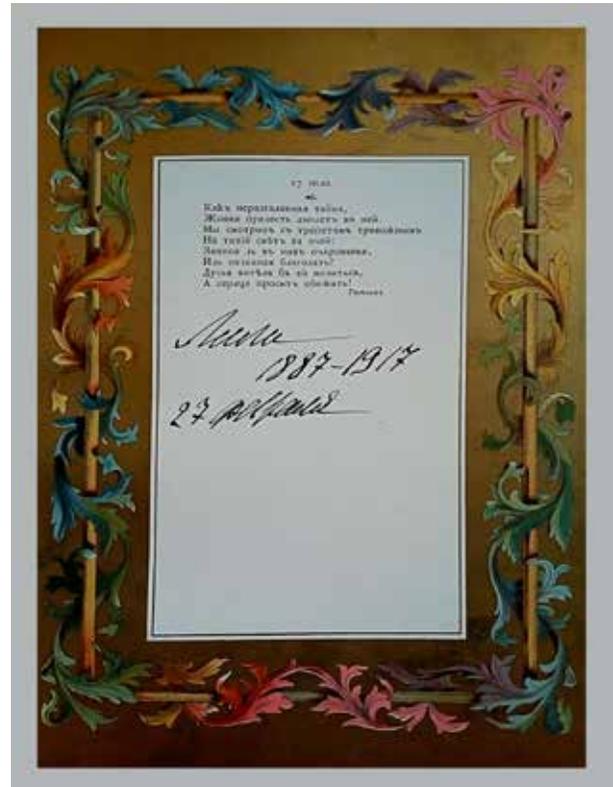


Рис. 20. Автограф Лили Ден на день 27 июля.
 На данном листе — посвящение Ф. И. Тютчева
 Императрице Марии Александровне,
 поднесенное в день Ее рождения (27.07.1824;
 «Как неразгаданная тайна...»)

дом — временем, когда альбом еще не принадлежал Анастасии. Запись внесена «поручиком Измайловского Конно-гвардейского полка» Христиничем на день 4 января.

Она повторяется с добавлением фамилии в латинской транскрипции (Hillenbrand) на с. 315, в записи 1913 года (сделана той же рукою, карандашом). Вопрос о том, каким образом пехотинец — измайловец мог одновременно быть офицером конно-гвардейского подразделения, мы оставляем открытым. Можно только догадываться, что со стороны Княжны Анастасии и ее друзей была осуществлена шуточная запись с фамилией одного из театральных (книжных) персонажей, ибо известно, что маленькая Княжна была любительницей розыгрышей, постановок и всякого рода каверз (сохранилось много фотографий (рис.21–22), изображающих Анастасию в момент «представлений», а также отзывы ее воспитателей, весьма сдержанно относившихся к шалостям неугомонной Анаста-



Рис.21. Анастасия с ракеткой

сии¹⁴. Не исключено, что рассматриваемый альбом имеет еще один, шуточный уровень прочтения с подменой имен, и некоторые из загадок настольного календаря Великой Княжны могут лежать в плоскости ее остроумной натуры (рис.23–24).

Итак, как удалось установить, автографы, заполняющие альбом, встроены в его календарную систему и приурочены к индивидуальному дню каждого из писавших — дню рождения. Это один пласт прочтения. Второй связан с приуроченностью записей к важнейшим событиям первого десятилетия XX века — открытие памятника Александру III (май 1909 г.), закладка военного форта Императора Петра Великого в Ревеле

14 Наставник. Учитель цесаревича Алексея Романова: дневники и воспоминания/Печатается по изд.: Tutor to the Tsarevich: An Intimate Portrait of the Last Days of the Russian Imperial Family/Compiled from the papers of Charles Sydney Gibbes, by J. C. Trewin. London, 1975/Пер. с англ.: И. В. Воронин, Т. Г. Курепина; под ред. В. М. Лукиной; The Romanovs & Mr. Gibbes: The story of the Englishman who taught the children of the last Tsar, by Frances Welch. London, 2002/Пер. с англ. В. М. Лукина; под ред. И. В. Федосенок, К. А. Выборновой; отв. ред. и сост. коммент.: Т. Б. Манакова, А. А. Мановцев (предисл., примеч.). М.: Изд-во Патриаршего подворья храма-домового мц. Татианы при МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013.



Рис.22. Великая Княжна Анастасия в Крыму.
1912 г.: подпись: «Швыбз»

(рис.25) и торжества по случаю 100-летия Бородинского сражения (июль и август 1912 года)¹⁵, всероссийское празднование 300-летия Дома Романовых (весна 1913 года), празднование чтимых Богородичных икон — Федоровской (7 июня), Владимирской (23 июня), Смоленской (28 июля), Праздник Собственного Е. И. В. Конвоя (день св. Иерофея, 4 октября)¹⁶, другие события. Правда, позднее, в 1916–17 гг., принцип заполнения альбома изменится, и записи, вносимые в него офицерами, будут чаще приурочены к особо чтимым торжествам — празднествам общенациональным и церковным, не связанным с личным рождением писавшего.

Третий уровень прочтения лежащего перед нами мегатекста — его поэтическое наполнение. Многие стихотворения посвящены непосредственно Царской Семье, отдельным ее представителям: вдохновенные строки Тютчева, Вяземского, Голенищева-Кутузова... Так, Го-

15 Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. Л., 1926.

16 Высочайше установленный в 1861 г., в память битвы под Лейпцигом, этот праздник всегда отмечался 4 октября (см.: Галушкин Н. В. Собственный Е. И. В. Конвой;/Гвардейский дивизион/Стрелянов П. Н. (Калабухов). М.: Центрполиграф, 2008. С.242).



Рис.23. Анастасия отдыхает

сударыне Императрице Марии Александровне посвящено упомянутое нами выше стихотворение Ф. И. Тютчева «Как неразгаданная тайна...».

ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Кто б ни был ты, но, встретясь с ней, // Душою чистой иль греховной, // Ты вдруг почувствуешь живей, // Что есть мир лучший, мир духовный. // Как неразгаданная тайна, // Живая прелесть дышет в ней; // Мы смотрим с трепетом тревожным // На тихий свет ея очей. // Земное ль в ней очарованье // Иль неземная благодать? // Душа хотела б ей молиться, // А сердце рвется обожать.

Ф. И. Тютчев. Императрице Марии Александровне. 3 ноября 1864 г/

Как мы уже заметили выше, поэтические тексты отражают и личные настроения, и характер эпохи. Порою они звучат как пророчества о судьбах Империи и Династии. Вот запись доктора Боткина: «Евгений Боткин. 12.1.1913. Царское



Рис.25. Морская крепость «Император Петр Великий» на острове Нарген (Балтика). 1916 год



Рис. 24. «Anastasia, a sharp and clever child, was a very monkey for jokes, some of them at times almost too practical for the enjoyment of other» (Anna Vryubova)

село». Она стоит на день его рождения — 27 мая — под стихотворениями Хомякова и Державина:

Взгляни на ниву: пашни много, // А дня немного впереди // Вставай же, раб ленивый Бога, // Господь велит: иди, иди! <Хомяков>

Вся мысль его, слова, деянья // Должны быть польза, слава, честь <Державин>

24 апреля 1914 г., в Ливадии, на свой день 3 мая сделал запись Пьер Жильяр (рис.26–27): Много смертных полудиких // Много малых, горсть великих.

Нельзя не сказать о стихотворении Н. С. Гумилева, история появления которого также связана с днем 5 июня — «днем Анастасии». У нас не остается сомнения в том, что бережно сохраненной Анастасией листок с посвящением, который сегодня хранится в ГАРФ (Ф. 683), по неизвестной причине не оказался среди записей альбома, он, по-видимому, не попал в его «фор-



Рис. 26. Пьер Жильяр с Великими Княжнами.
Ливадия. 1911 г.

мат» был «обречен», так сказать, на самостоятельную архивную жизнь за пределами ежедневника Анастасии. Подобно прекрасным посвящениям Сергея Бехтеева, посвящение Николая Гумилева, расстрелянного Успенским постом 1921 года по обвинению в контрреволюционном заговоре¹⁷, прочно ассоциируется с образом Великой Княжны, народной любовью к дочерям русского Императора. Оба поэта общались с Великими Княжнами в Феодоровском Лазарете, где офицеры проходили лечение. Под стихотворением Гумилева поставили свои подписи еще 15 офицеров Лазарета (рис. 28–29).

Её Императорскому Высочеству великой княжне Анастасии Николаевне ко дню рождения

Сегодня день Анастасии,/И мы хотим, чтоб
через нас/Любовь и ласка всей России/К Вам
благодарно донеслась./Какая радость нам по-
здравить/Вас, лучший образ наших снов,/И под-
пись скромную поставить/Внизу приветствен-
ных стихов. // Забыв о том, что накануне/Мы
были в яростных боях,/Мы праздник пято-
го июня/В своих отпразднуем сердцах./И мы
уносим к новой сече/Восторгом полные серд-

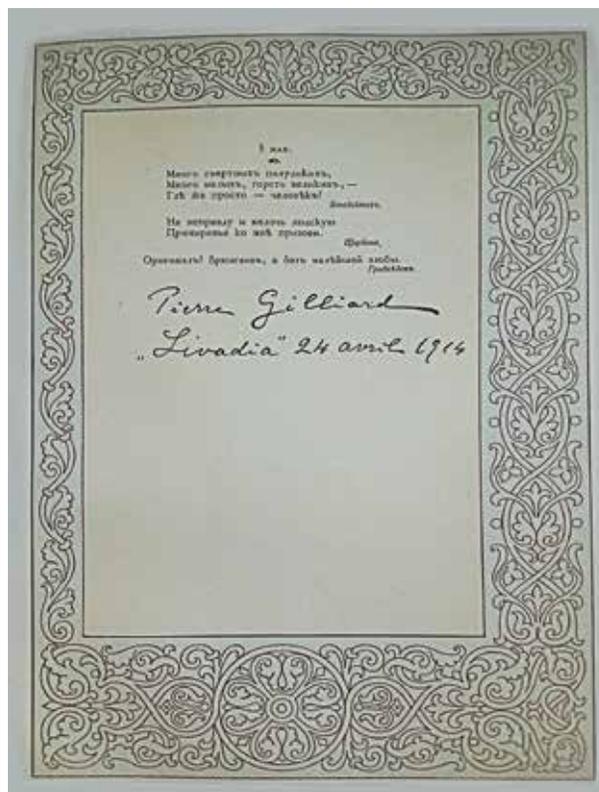


Рис. 27. Автограф Пьера Жильяра
на день 3 мая

ца,/Припоминая наши встречи/Средь царско-
сельского дворца.

*Прапорищик Н. Гумилев, 5 июня 1916 года.
Царкосельский лазарет, Большой Дворец.*

С разрывом в два дня, 7 июня 1916 г., на день св. Феодора Стратилата и Феодоровской иконы Божией Матери, Н. С. Гумилев составил еще одно посвящение — Государыне Императрице Александре Федоровне, которое было занесено в ее дневник¹⁸.

Её Императорскому Величеству Императрице Александре Федоровне

Пока бросает ураганами /Державный
Вождь свои полки,/Вы наклоняетесь над ра-
нами/С глазами полными тоски./И имя Ваше-
го Величества/Не позабудется доколь/Смирят
смерть любви владычество/И ласка утешает
боль./Несчастных кроткая заступница,/России
милая сестра,/Где Вы проходите как путни-
ца,/Там от цветов земля пестра./Мы молим:
сделай Бог Вас радостной,/А в трудный час

17 Петербургские историки установили дату гибели Николая Гумилева — Газета.Ru, 2014; Дарья Вараксина. В XX веке с нами произошло нечто ужасное (рус.). Rosbalt.ru (06.12.2014).

18 ГАРФ.Ф.640. Оп.1. Д.18.

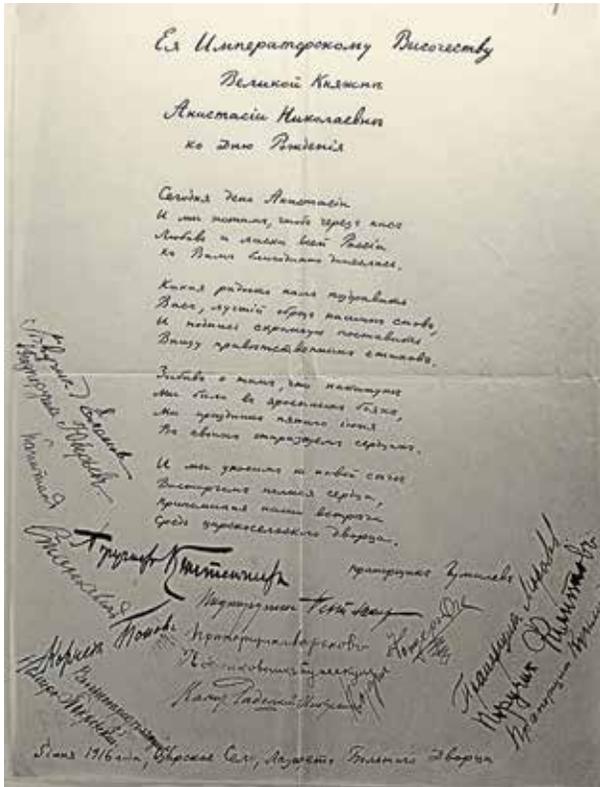


Рис.28. Посвящение Анастасии на день ее рождения, 5 июня 1916 г. Автограф Н. С. Гумилева. Феодоровский Лазарет



Рис.29. Георгиевский кавалер Н. С. Гумилев в форме офицера уланского полка

и скорбный час/Да снизойдет к Вам Ангел благостный,/Как Вы нисходите до нас¹⁹.

5-го гусарского Александрийского Вашего Величества полка прапорщик Николай Гумилев 7 июня 1916 г.

Белая гвардия и Белый Крест — важные и актуальные сегодня темы, которые прочитываются в мегатекстовом пространстве рассматриваемого источника. Возвращаясь к роману М. А. Булгакова, вспомним замечательную картину в начале повествования — взгляд автора, брошенный из космоса, звездного бездонного неба, сфокусирован на маленькой точке — киевском доме с осиротевшей семьей из трех человек. Киевский дом в романе Булгакова — средоточие и осознание глубины того разлома, который прошел через русский народ в 18-м году. Этот разлом явственно ощущается в именах,

представленных автографами в альбоме Великой Княжны Анастасии.

Из протоколов следователя Н. А. Соколова, опросившего в 1919 году непосредственных свидетелей событий 1917–1918 гг.²⁰, мы знаем, что «многие изменили Им»²¹. Августейшая Семья не могла не испытывать чувства горечи от измены со стороны ближайшего окружения. «В эти тяжелые для Них дни около Них были граф Бенкендорф, князь Долгорукий и доктор Боткин. Затем еще были жена Бенкендорфа, мать Долгорукого и старуха Нарышкина. Многие другие повели себя недостойно. Ни разу к Ним не явился

19 Стихотворение Н. С. Гумилева, посвященное Императрице, вписанное в ее альбом (ГАРФ). См.: Степанов Е. Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918 [Текст]/Евгений Степанов М.: Прогресс-Плеяда. 2014.

20 Показания А. А. Теглевой и Е. Н. Эрсберг изданы. Обе состояли на службе при Августейшей Семье в качестве помощниц по уходу за детьми.

21 Протокол допроса А. А. Теглевой, 5–6 июля 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. [Сб. материалов]/Сост. Л. А. Лыкова. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив. 1998. С. 118–135. (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; [Т.] VIII).



Рис. 30. Царская Семья в окружении офицеров Собственного Е. И. В. Конвоя. 4 октября 1916 г. (В. Зборовский — третий, А. Шведов — второй справа)

сын Нарышкиной свитный генерал Нарышкин. Убежал от Них начальник конвоя граф Граббе. Ушел граф Апраксин. Ушел командир сводного Его Величества полка Рессин. Я думаю, Им неприятно было поведение гвардейского экипажа. Когда экипаж уходил, многие матросы, считавшиеся преданными Семье, те самые матросы, которые находились при «Штандарте» и «Полярной Звезде», грозили оставшемуся при Семье Нагорному. Ни разу к Ним не пришел и ушел от Них старший офицер гвардейского экипажа флигель-адъютант Николай Павлович Саблин²². Изменил Им считавшийся преданным дядька Алексея Николаевича Деревенько. Он оказался

вором и после переворота проявил даже злобные чувства к Алексею Николаевичу».²³ Изменили Алексеев, Корнилов, Мордвинов. В критическую минуту русский Император оказался лицом к лицу с «изменой, трусостью и обманом».

На фоне дивизиона предателей, окружавших Николая II в первый год русской смуты, возвышаются фигуры тех, что в исключительно трудном положении до конца проявит преданность Царю.

В августе 1917 г. по распоряжению Керенского, вся Царская Семья сослана в Сибирь. Расследование, проводимое Временным Правительством, не дало желаемых результатов — следственная комиссия не смогла найти ничего компрометирующего Государя Императора и Его Семью. Между тем, расследование сопровождалось выемкой всех бумаг, включая личную переписку. Послед-

22 Саблин Николай Павлович (16.04. 1880—21 августа 1937, Париж), участник Цусимского сражения, офицер императорской яхты Штандарт (1906—1908), (1909—1911), с 25 марта 1912 — флигель-адъютант. Доверенное лицо царской Семьи и лично Государя Императора. Отказался следовать за Государем в Тобольск. В эмиграции в Германии, член союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине. Затем во Франции, председатель объединения Гвардейского Экипажа. Незадолго до смерти Романом Гулем были записаны его воспоминания: Гуль Р. Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. М.: Б. С. Г.-ПРЕСС. 2001.

23 Протокол допроса Е. Н. Эрсберг, 6 июля 1919 г // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов]/Сост. Л. А. Лыкова. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. С. 135—148. (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

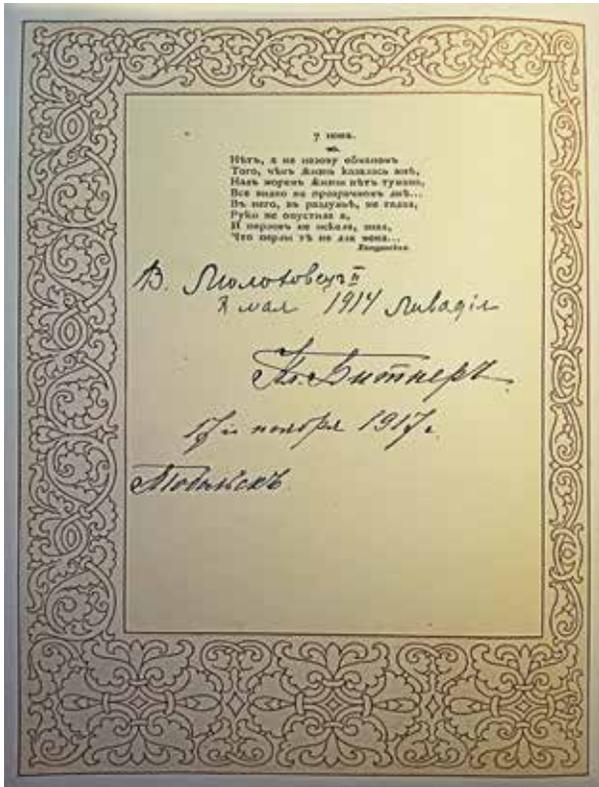


Рис. 31. Последняя запись альбома, сделанная в Тобольске, 17 ноября 1917 г., рукою К. М. Битнер

ние письма Великих Княжон из Тобольска, адресованные офицерам Е. И. В. Конвоя, сохранились чудом²⁴. Эти письма очень значительны по своему содержанию, они провозглашают правду об Императорском Конвое, а сердечные интонации не оставляют места распространяемой клевете о его предательстве. «Уже одна дата благословения Императрицы офицеров Конвоя образками (26 марта 1917) показывает, насколько были ложны сведения о Конвое, якобы уже 1 марта перешедшим на сторону новой власти»²⁵.

Список имен из альбома Анастасии сегодня отчасти можно назвать поминальным, ибо известно то, что без предъявления обвинений, суда и соответствующего оформления реше-

- 24 Сохранились также многие письма Императрицы к Юлии Ден, написанные из Тобольска: Ден Ю. А. Подлинная царица [Текст]: [16+]/Юлия Ден М., 2009. С.212–213.
- 25 Галушкин Н. В. Собственный Е. И. В. Конвой/Гвардейский дивизион/Стрелянов П. Н. (Калабухов). М.: Центрполиграф, 2008. С.364. Книга основана на воспоминаниях конвойцев, она вышла в Сан-Франциско в 1961 г. и в России впервые увидела свет в 2004 г. (М.: Рейтар). На основе публикаций библиотеки фонда «Русское Зарубежье» и дополнительных проведенных исследований не опубликованные ранее архивные материалы были позднее включены в издание «Собственный Е. И. В. Конвой/Гвардейский Дивизион» (2008).



Рис.32. Дом инженера Ипатьева, место последнего заключения и расстрела Царской Семьи. Фотография нач. XX в.



Рис. 33. 1916 год. Великие Княжны Ольга, Мария, Анастасия (Татьяна фотографирует)

ний в Петрограде, Екатеринбурге, Алапаевске, Перми, других городах были расстреляны, репрессированы и подвергались преследованиям близкие царской семье люди, оказавшиеся в положении арестованных: Боткин Евгений Сергеевич — лейб-медик, Буксгевден София Карловна — личная фрейлина императрицы, Верещагин Иван — повар, Волков Алексей Андреевич — камердинер, Гендрикова Анастасия Васильевна — фрейлина, Гиббс Сидней Иванович — преподаватель английского языка, гражданин Великобритании, Гусев Ермолай — лакей, Демидова Анна Степановна — комнатная девушка, Деревенко Владимир Николаевич — доктор медицины, Дмитриев Алексей Николаевич — парикмахер, Долгоруков Василий Александрович — гофмаршал, Дормидонтов — лакей, Живая Екатерина — прислуга при Шнейдер Е. А., Жильяр Петр Андреевич — воспитатель Наследника Цесаревича, гражданин Швейцарии, Журавский Франц — офицер, Занотти Магдалина Францевна — камер-капфера, Иванов Сергей Иванович — лакей, Карпов Михаил — служитель, Киселев — лакей, Кирпичников Александр — писец, Кокичев — повар, Макаров Степан — помощник Чемодурова, Мария (фамилия неизвестна) — прислуга при Шнейдер, Шнейдер Елизавета Адольфовна — гофлектрисса императрицы, Межанц Паулина

Касперовна — прислуга при Гендриковой, Михайлов Сергей — кухонный служитель²⁶. Сразу после перемещения из Тобольска в Екатеринбург большой группы лиц из ближайшего окружения царской семьи, многие были арестованы и помещены в тюрьму: Вел. Кн. Елена Петровна Сербская, которой чудом удалось спастись, И. Л. Татищев, А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер, К. Г. Нагорный, А. А. Волков. Волкову удалось бежать, остальные были расстреляны²⁷.

Календарные записи, упоминание имен из ближайшего окружения Великой Княжны Анастасии в совокупности представляют собой смысловой контент уникального фактографического источника, обладающего несколькими уровнями прочтения, актуализированного в связи с трагическими событиями июля 1918 г., произошедшими в Екатеринбурге сто лет назад. Прошлое, связанное с Царской Семьей, запечатленное в альбоме, описаниях очевидцев, встает перед глазами галереей образов микроистории, малоизвестными гранями повседневности, обыденности частной жизни царской семьи, усиливая «человеческим» измерением трагические интонации в осмыслении её судьбы и беспощадности революционного права, напоминая современному российскому обществу о пагубности исторического беспамятства.

В дни чёрного «юбилея» альбом Анастасии побуждает искать ответы на вопросы не только связанные с расстрелом Императорской семьи, но и с историей России, крушением её исторической государственности.

26 Аксютин В. В. О реабилитации Императора Николая II и его семьи // Портал Православие. Ру (2008; <http://www.pravoslavie.ru/4501.html>. Дата обращения 11.06.2018); Он же. Реабилитация и захоронение останков Семьи Николая II — это наш гражданский долг (2015; <http://www.rodina.ru/novosti/statii/Aksyuchic-Reabilitaciya-i-zaxoronenie-ostankov-semi-Nikolaya-II-ehto-nash-grazhdanskij-dolg>)

27 Первая версия белогвардейского расследования обнародована Робертом Вильтоном: Вильтон Р. А. Последние дни Романовых/Пер. с англ. кн. А. М. Волконского. Берлин: Книж. маг. «Град Китеж», 1923; последующие публ.: Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале Ч. 1 Ч. 1, 1922; Российский архив: История Отечества в свидетельствах и док. XVIII–XX вв. [Вып.] 8 Н. А. Соколов. Предварительное следствие, 1919–1922 гг.: [об убийстве императора Николая II и его семьи]/сост. Л. А. Лыкова; [редкол.: А. Л. Налепин (гл. ред.) и др.], 1998; Павлова Л. А. По велению закона [Текст]. Екатеринбург: Банк культурной информ., 2011.

Список литературы

1. Августейшие сестры милосердия. Сост. Н. К. Зверева. М: Вече, 2006.
2. Аксючиц В. В. К грядущей 100-летней годовщине национально-государственной катастрофы (2016-11-1219:53; <http://www.belrussia.ru/page-id-8815.html>).
3. Аксючиц В. В. О реабилитации Императора Николая II и его семьи // Портал Православие. Ру (<http://www.pravoslavie.ru/4501.html>). Дата обращения 11.06.2018).
4. Варакина Д. В XX веке с нами произошло нечто ужасное (рус.). Rosbalt.ru (06.12.2014).
5. Варламов, А. Булгаков [Текст]: роман-биография/А. Варламов // Москва. 2008. № 4. С. 3–69.
6. Галушкин Н. В. Собственный Е. И. В. Конвой;/Гвардейский дивизион/Стрелянов П. Н. (Калабухов) М.: Центрполиграф, 2008.
7. Ден Ю. А. Подлинная царица [Текст]: [16+]/Юлия Ден М., 2009.
8. Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. Л., 1926.
9. Мордвинов А. А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II [Текст]: [в 2 т.]/А. А. Мордвинов; Российское историческое о-во, Федеральное архивное агентство, Гос. архив Российской Федерации Т. 1/[вступ. ст., коммент. О. И. Барковец], 2014.; Т. 2/[коммент. О. И. Барковец], 2014.
10. Плотников И. Ф. Генерал-адъютант, граф И. Л. Татищев как «источник» в поисках советскими спецорганами сокровищ царской семьи // Екатеринбургская трагедия и современность: Материалы науч.-богослов. конф., 19–21 июля 1999 г./Сост. М. В. Смелянская. Екатеринбург, 2000. С.47–58.
11. Степанов Е. Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918 [Текст]/Евгений Степанов Москва: Прогресс-Плеяда, 2014.

MEMORABLE RECORDINGS AS MEGATEXT: EXPERIENCE OF A MULTILEVEL READING ALBUM-CALENDAR OF GRAND DUCHESS ANASTASIA

Isachenko Tatiana Alexandrovna,

DSc in Philology, leading researcher The center for the study
problems of development of libraries in the information society
Russian State Library,
3/5 Vozdvizhenka St., Moscow, 119019,
e-mail: isachenko33@yandex.ru

Abstract

In this article the album-calendar of youngest daughter of Tsar Nicholas II, Grand Duchess Anastasia, represents a rare factual source is parsed as megatext.

The album is kept in the manuscript Department of the Russian State Library, the importance of study and reflection on updated commemorative date-century shooting in July 1918 years the whole Royal family and people Entourage.

Special scientific interest in discovering the nuances of the century-old event is submitted in the context of methodological findings interpretations of historical source — a multi-level reading records album-calendar Anastasia, filled from June 1912 by November 1917 gg.

Keywords

Album Grand Duchess Anastasia, the Palace library collection, autographs, megatext, life of the Royal family.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR
УДК 008
ББК71

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТЕЛЕСНОСТИ В СВЕТЕ ИДЕИ ПОСТЧЕЛОВЕКА

Баниже Олег Николаевич,
независимый исследователь,
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063
e-mail: banigeon@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается идея постчеловека, которая в философии тесно связана с идеологией и культурой современных социумов, с практиками телесности и перспективами развития человека.

Ключевые слова

Тело, телесные практики, постиндустриальный социум, трансгуманизм.

Основная задача статьи — рассмотреть практическую проекцию идей неклассической антропологии. Прогресс индустриализма, а с середины XX в. и постиндустриализма способствовал усилению тенденций массового, материалистического мировоззрения в различных вариантах — гедонистических, технократических, аскетических, прагматических. Этому способствовал как материальный прогресс жизни, так и стремительное развитие биологии, медицины, психологии, демографии, социологии, этнологии, кибернетики, информатики. Мировые катаклизмы XX в. подорвали доминирование мировоззрения духовности и способствовали утверждения соматической доминанты культуры, которая утвердилась в массовой культуре.

В различных культурных практиках и повседневности эти тенденции проявлялись по-разному. Назовем некоторые из них.

В XX-XXI вв. стремительно развивается такая зрелищная и силовая практика как спорт. Она хорошо сочетается как с тенденциями к экономическому прогрессу, так и с ценностями милитаризации как маскулинной, так и феминной культуры. Развитию спорта способствует Олимпийское движение, а также возникновение все новых и новых форм мировых состязаний. Искусство становится все более зрелищным с эротической точки зрения, пропагандирует раскованное поведение и общение. В начале XX в. в стране Советов рождается сексуальная революция, которая потом находит свое продолжение в сексуальной революции 60-х годов XX в. на Западе и в гендерной революции конца XX начала XXI в.

В философии и идеологическом процессе вообще это нашло выражение в антропологическом повороте, в победе антропоцентрического

мировоззрения, которая трактовалась как небывалый прогресс и возврат к утраченной идее человека. «Философия» такого рода нашла свое выражение в массовом искусстве, в кино, эстраде. В социалистической идеологии СССР эта тенденция развивалась под эгидой идеи народности, народного благосостояния, на Западе — под эгидой массового общества и общества потребления и сверх потребления.

Однако идеи модернизации в обществе XX–XXI в. настолько велики, что начинается обнаруживаться «хрупкость», «непрочность» человеческого тела¹, получает развитие идея деконструкции телесности в виде ее преодоления в образе постчеловека. Даже ассимиляция идей восточных духовных практик осуществляется сквозь фильтр развития телесности, холистических идей о неразрывности духа и тела, и их неотрывности от бесконечного Универсума.

Различные виды искусства, — театр, эстрада, изобразительное искусство и пр., — эволюционируют в сторону синтеза искусств и ассимиляции телесности через танец, гимнастику, перфоманс и пр. Все это также интегрируется с техническими достижениями, приспособлениями, устройствами и в связи с усиливающимися тенденциями либерализма и эгоизма приобретает направленность на модернизацию человеческого тела: техники ухода за телом (диета, гигиена), техники строительства тела в бодибилдинге, фитнесе, медицинское вмешательство и переконструирование телесности, медикаментозные практики, идеи козволюции человека и биоорганической и технической проекций человека — киборги и пр. Все эти разнообразные практики уживаются в общественном сознании вместе благодаря тому, что беспрецедентный рост семиозиса², и рекламных практик имиджевого манипулирования способствуют формированию технократического мифа, в котором наука, миф, религия, искусство, реальное и виртуальное, рациональное и иррациональное дружно уживаются в знаковом синкретизме постмодернистского неомифологизма. Этот неклассический культурно-

идеологический дискурс синкретически-миксерного сознания, с доминированием на телесность получил название постмодернизма. Подготовка нового антропологизма была осуществлена в философии иррационализма, в философии Ницше, фрейдизме, экзистенциализме.

Идея постчеловека и сопутствующая ей идеология трансгуманизма воспринимается в современном мире как руководство к практическому воплощению образа сверхчеловека. Современные крупнейшие в мире предприниматели и инициаторы многих стартапов С. Альтман, И. Маск готовы инвестировать сотни тысяч и миллионы долларов в проекты, которые будут способствовать как преодолению физических недостатков, болезней, так и достижению долгой здоровой жизни и даже бессмертия. Идеология трансгуманизма является как бы промежуточной формой идеологии от человека к более совершенному постчеловеку. Организация Humanity+ определяет трансгуманизм так: переход между нынешним человеком и «человеком 2.0». В лабораториях И. Маска идет работа над созданием нейрокомпьютера, общение с которым человек будет достигать без посредства каких-либо приборов, непосредственно.

В России локомотивом в области реализации программы «электронный город» является Москва. Уже сейчас 90% её жителей использует Интернет. Здесь разрабатываются и внедряются инфраструктуры «умных» домов и городов на основе «глобальных мегатрендов». Так, в медицине к 2030 году намечается внедрение в практику экзоскелетов и нанороботов, искусственного интеллекта, больших данных и предиктивной аналитики, технологии виртуальной и смешанной реальности. Естественно, что эта модель будет задавать в России тренд для «Умного города» в России. Модель сопрягает город уже не просто с человеком, как жителем города, а с постчеловеком, поскольку речь идет об индивидуальном носителе достижений новых технологий.

Юваль Харрари в своих футурологических книгах пишет о том, что современники могут быть одним из последних поколений Homo sapiens. Через 50–100 лет облик человека и животных кардинальным образом изменится. Это произойдет благодаря технологиям, которые уже есть сейчас (генная модификация) и которые появятся в будущем. Современные технологии

- 1 Москва-2030: как столица планирует развивать цифровую инфраструктуру. (2018) [Электронный ресурс] // URL: [https:// bloomchain.ru/blockchain-fintech/moskva-2030-kak-stolitsa-planiruet-razvivat-tsifrovuyu-infrastrukturu/](https://bloomchain.ru/blockchain-fintech/moskva-2030-kak-stolitsa-planiruet-razvivat-tsifrovuyu-infrastrukturu/) (дата обращения 09.09.2018)
- 2 Харрари Ю. Н. НОМО ДЕУС: Краткая история будущего. М.: Издательство «Синдбад», 2018. 580 с.

уже дошли до той точки, когда научились, в какой-то мере, считывать информационные коды организмов. Параллельное развитие компьютеризации и биологии (нейробиология и пр.) ведет к тому, что будет создан высокосоввершенный биометрический сенсор, который будет декодировать электрохимические сигналы и переводить их в знание и алгоритмы. Человек будущего конструируется на пути биоинженерии, на пути комбинирования человека и компьютерных технологий, а также на пути создания принципиально новой неорганической модели интеллектуального существа. Но даже без этого, уже сейчас явно продвижение развитых стран в эру роботов: на 10000 рабочих мест в Корее 631 робот, в Турции 23, в Греции, которая фигурирует как отсталая страна Евросоюза — 17 роботов, в России — 3.

Государства, ориентированные на будущее в контексте трансгуманизма, активно используют робототехнику. Проблему «лишней» рабочей силы они склонны решать путем выплаты дополнительных пособий за то, чтобы люди не трудились.

Таким образом, неклассические идеи телесности оказались тесно связаны с технократическими идеями и практиками «усовершенствования» человека, его телесности, интенсивного развития роботов, идеологии трансгуманизма и практик конструирования постчеловека. Адепты трансгуманизма полагают, что в идеологии

усовершенствования человеческой телесности содержится большой потенциал для развития человека в целом, что его реализация будет способствовать прогрессу человека, как на социальном, так и на индивидуальном уровне при наличии гуманистических ценностей. Но это последнее, важнейшее обстоятельство — сохранение приверженности гуманистическим ценностям в условиях внедрения трансгуманистических технологий, является мало вероятным, как противоречащее роботоориентированному целеполаганию трансгуманизма, что делает сомнительным представление об эффективности практики трансгуманизма в деле совершенствования человека и человеческого общества. Некоторые прогнозы небезосновательно допускают порабощение человека новым технократическим тоталитаризмом.

Список литературы

1. Москва-2030: как столица планирует развивать цифровую инфраструктуру. (2018) [Электронный ресурс] // URL.<https://bloomchain.ru/blockchain-fintech/moskva-2030-kak-stolitsa-planiruet-razvivat-tsifrovuyu-infrastrukturu/> (дата обращения 09.09.2018)
2. Харрари Ю. Н. НОМО ДЕУС: Краткая история будущего/Ю. Н. Харрари. М.: Издательство «Синдбад», 2018. 580 с.

NONCLASSICAL DISCOURSE OF CORPORALITY IN THE LIGHT OF THE IDEA OF THE POST-PERSON

Banizhe Oleg Nikolaevich,

Independent researcher.

Krasnay st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,

e-mail: banigeon@mail.ru

Abstract

The article discusses the idea of a postman, which in philosophy is closely connected with the ideology and culture of modern societies, with the practices of corporality and the prospects for human development.

Keywords

Body, bodily practices, post-industrial society, transhumanism.

RAR
УДК 7.01
ББК 85

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МНОГОФИГУРНЫХ СЮЖЕТНЫХ КОМПОЗИЦИЙ В ДЕКОРАТИВНОМ ОФОРМЛЕНИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ТКАНЕЙ XVIII ВЕКА

Кортович Андрей Владимирович,
доцент кафедры Графического дизайна института Бизнеса и дизайна.
Протопоповский переулок, дом 9, город Москва, Россия, 129010
e-mail: kortovich@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция сюжетно-композиционного пространства ручного декорирования русских тканей XVIII века. Особое внимание уделено композиционным связям и параллелям в оформлении русских и западноевропейских набивных и вышитых тканей. Подробно рассматриваются основные принципы построения сюжетных композиций, основанных на традиционных и новаторских изобразительных приемах XVIII века.

Ключевые слова

Декоративно-прикладное искусство, народное творчество, традиции ручного декорирования, орнамент, текстиль, лубок, набойка, вышивка.

Многие исследователи русского народного искусства отмечали его сложную природу и содержание. Это явление настолько обширное, пронизывающее абсолютно все социальные слои, что до сих пор не было четко сформулировано его определение, которое удовлетворяло бы ученых различных областей современной науки. Народное искусство творили живые люди согласно своим эстетическим идеалам. В прикладные произведения, создававшиеся для повседневных нужд, мастер вкладывал часть своей собственной жизни — свои чувства, желания, отношение к окружающей природе, наблюдательность, память. Поэтому любое произведение народного искусства является полноценным образом, наполненным жизненной энергией. В каждом произведении ощущается живой след руки мастера-художника, что создает уникальность. Можно сравнить народное искусство с живым организмом. Оно никогда не находится в статичном состоянии, поскольку сердцем его является соединение индивидуальных импровизаций художника с ве-

ковыми традициями социума. «Народное искусство, будучи одним из проявлений духовной жизни, является отражением сознания определенной социальной среды и обязывает рассматривать и изучать его не изолированно, а в разрезе определенной исторической эпохи, в связи с известными формами развития, т. е. на основе определенного бытия, определяющего сознание и понимание данной среды»¹.

Изучая художественные произведения народного искусства XVIII века, следует учитывать их происхождение — городское (посадское, крупных торговых сел и слобод) и деревенское (крестьянское). Города возникали, как правило, на территориях с благоприятными условиями для занятий ремеслами и рельефом местности, обеспечивающим жителям относительную безопасность и выход к водным путям. Это создавало появление важных торгово-экономических связей и развитие коммуникации между

1 Темерин С. М. Русское народное искусство узорного ткачества. М., 1946. С. 34.

городами, а позже и странами. Население городов отличалось разнообразными социальными группами, внутри которых развивались рыночные отношения. Горожане XVIII в. были грамотными, они могли приобретать тиражную печатную продукцию (книги, эстампы). Деревня имела совсем другое первоначальное происхождение и население. «В русском языке термин «деревня», в смысле поселения без церкви, встречался уже в XI в. и был широко распространен в обиходе летописного и актового языка в XIV в. Первоначально под деревней понималась ячейка волостной общины — однодворный или двух-трехдворный поселок, вместе с пашней, покосами, лесом и рыбными ловлями; в XV–XVI вв. деревня — это поселок или двор на господской земле. На Севере деревня очень долго — до XVII–XVIII вв. — представляла собой малодворный, даже однодворный поселок, в котором обитала, видимо, обычно патронимическая группа. В Заонежском крае среднее число дворов на одну деревню составляло 3,5–5, в некоторых погостах даже менее двух дворов. По мере заселения Севера шло укрупнение среднего размера деревень. Лишь постепенно появилось общеизвестное значение слова «деревня» — многодворное крестьянское поселение без церкви, владеющее известным количеством земельных угодий»². С развитием торговых отношений между городом, деревней и стремительно появляющимися в XVIII столетии дворянскими усадьбами, в народном изобразительном искусстве синтезируются художественные течения и направления разных бытовых укладов. Наряду с этим в народное искусство стала проникать общеевропейская художественная эстетика.

Почти столетие назад В. С. Воронов писал о крестьянском искусстве, что оно «содержит в себе ряды последовательных наслоений. Одни из них характеризуют древнейшую языческую культуру, резко и глубоко запечатлевшуюся на истоках этого искусства, другие — определяют ряд более поздних влияний. Эти наслоения проникали через воздействия иноземцев или постоянно ассимилируемых инородческих племен, отлагались от общения с культурой городов, возникали из подражания вышестоящим социальным классам, приходили вместе с бытовыми и хо-

зяйственными заимствованиями»³. На городское народное творчество деревня тоже оказывала сильное влияние, так как в ремесленную среду приходили естественные носители деревенской культуры — крестьяне. Возвращаясь домой, они «способствовали развитию городских «мод» в деревне, в отдаленных провинциальных селениях, где неожиданно вдруг появлялись элементы, не свойственные привычным, устоявшимся формам местного художественного творчества»⁴.

Народное творчество вбирало в себя характерные черты основных исторических периодов изобразительного искусства, в нем нашли выражение эстетические принципы многих эпох. Оно развивалось под воздействием исторических, социальных, культурных и экономических факторов. Рассматриваемый в статье период времени характерен глобальными изменениями жизненного уклада России, ее национальной культуры. Основой народного художественного творчества XVIII века являлось наследие древнерусской культуры, элементы архаического мифопоэтического сознания и новые тенденции эпохи Просвещения. «Глубинная общая сущность народного искусства в каждую эпоху находила свое претворение в содержании искусства данного конкретного времени»⁵.

Развитие искусства русской ручной набойки происходило в тесной связи с восточными и западными тенденциями украшения текстильной продукции. С расширением торговых отношений в Россию проникали всевозможные товары из разных стран, в том числе и узорные ткани. Набойщики часто брали за основу орнаменты дорогих импортных тканей и, творчески интерпретируя их, создавали новые, самобытные формы. В этих формах, характерных для русской набойки, отразилась богатая выдумка мастеров, их отношение к окружающей природе. Немногочисленные экземпляры русских набивных тканей XVII–XVIII вв. (периода до мануфактурного производства), находящиеся сегодня в музейных собраниях, были изготовлены в городских и мона-

2 Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Издательство Академии наук СССР. 1956. С. 34.

3 Воронов В. С. Крестьянское искусство. М.: Госиздат. 1924. С. 30.

4 Уханова И. Н. Народное декоративно-прикладное искусство городов и посадов русского севера конца XVII–XIX веков. С.-Пб.: Изд. Дмитрий Буланин. 2001. С. 281.

5 Богуславская И. Я. Историческая обусловленность содержания. // Декоративное искусство СССР. № 6. 1974. С. 36.

стырских ремесленных мастерских. В XVIII веке с развитием в городах фабрик и мануфактур, прикладное искусство разделилось на традиционное народное и промышленное. В первой половине XIX века ручное набоечное производство перемещается из городов на периферию, не справившись с конкуренцией фабричных тканей. Ручной труд в больших городах оказался не выгодным и набоечным промыслом кустарные мастера вынуждены были заниматься в основном для крестьянских нужд. Поэтому большинство музейных экспонатов «крестьянской набойки» относятся к XIX веку.

Традиция украшать ткани жанровыми фигуративными композициями пришла в Россию из стран Западной Европы. Италия и Германия раньше других европейских стран стали производить ткани с набивным рисунком. «Узор самых ранних немецких набоек, датируемых XII–XIV веками, имеет аналогии с византийскими, сицилийскими и итальянскими тканями позднероманского периода. На сохранившихся фрагментах видны плоскостно трактованные геральдические парные изображения фантастических животных и птиц, помещенных часто по сторонам стилизованного дерева. Эти орнаментальные мотивы заключены в расположенные в шахматном порядке круги или заостренные овалы. Кроме того, на тканях рейнского производства часто встречаются изображения отдельных животных и птиц и даже человеческих фигур без обрамления и скомпонованных рядами. К концу XIV века узоры несколько меняют свой характер, становятся гораздо сложнее. Животные и птицы, фантастические чудовища, архитектурные мотивы и элементы растительного орнамента заполняют всю поверхность ткани, составляя сложный, тонко разработанный рисунок»⁶. В отличие от древнерусской набойки, в которой преобладали геометрические и растительные мотивы, во многом основанные на фресковой живописи и каменной резьбе, в западноевропейской средневековой набойке были распространены сюжетные композиции. Набойку на тканях с библейскими и евангельскими сюжетами производили, по-видимому, в монастырских мастерских. Гравированные печатные клише обладали большими размерами и вырезались из твердых пород древесины. В кон-



Рис. 1. «Доска Прота»

це XIX века на востоке Франции был обнаружен фрагмент деревянной формы, предназначенной для печати по текстилю, названной по имени коллекционера «доской Прота» (рис. 1). Ее размеры 600x230 мм, толщина 25 мм. Датируется 70-ми годами XIV века⁷.

На доске изображены воины в римских доспехах, стоящие возле Распятия. Трактовка фигур контурно-линейная, лишенная пласечных элементов и мелко проработанных фактур, которая легла в основу пластических особенностей средневековой книжной гравюры и деревянного лубка. На гравированной доске изображена лента с текстом. «Сюжетные набойки были предшественниками печатной деревянной гравюры на пергаменте и бумаге, которая начала развиваться в Европе в середине XV века»⁸. Примечательно, что народные гравированные иконы,

6 Бирюкова Н. Ю. Западноевропейские набивные ткани XVI–XVIII века. Собрание государственного Эрмитажа. М.: Искусство. 1973. С. 17.

7 Лешинский А. А. Основы графики. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы, 2003. С. 73.

8 Бирюкова Н. Ю. Указ. соч. С. 18.



Рис. 2. Русские набивные ткани XVI–XVII вв.

традиционные в странах Западной Европы, где католическая религия допускала синтез игры и культа, в России не прижились. В 1680-х годах вышла окружная грамота патриарха Иоакима, которая являлась своего рода цензурой лубочных изданий. Она запрещала торговым людям продавать самодельные иконы, отпечатанные на бумаге с деревянных досок. «О подобных образах известно чрезвычайно мало: бумажные листы не только отличались недолговечностью, но и преследовались церковными властями»⁹.

Многофигурные композиции встречаются в русской народной набойке довольно редко. Это были своеобразные гравированные иллюстрации на ткани, многократно оттиснутые на поверхности текстильного изделия. Художественные приемы, свойственные деревянной гравюре, применялись и в набойках XVIII в. Большой декоративной силой обладали силуэты фигур, контурные линии, фактурное заполнение фона, контрформы. Крупные печатные формы для набойки, изображающие сюжетные сцены, иногда включающие в себя текстовые элементы, могли вырезать мастера, изготовлявшие лубочные деревянные формы или пряничные доски. Подписывать форму, ставить на ней авторскую монограмму или клеймо не было принято. «Часто набойку одного типа делали и посадские ремесленники, и крестьянские кустари, и мелкие заве-

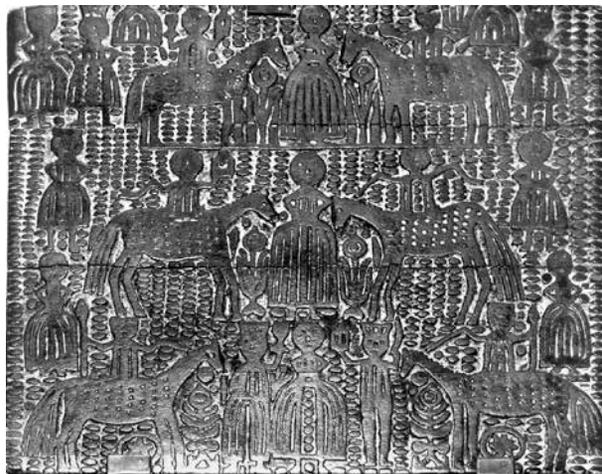


Рис. 3. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве

дения фабричного типа»¹⁰. Поэтому практически невозможно точно установить местности, где производились печатные формы набойки конца XVII — первой половины XVIII веков, за исключением мастерских московского Кремля, где было производство изделий, в том числе тканей, для царского двора.

Первые русские многофигурные набойки были основаны на архаических сюжетных схемах, относящихся к дохристианским культовым представлениям о природе и мироздании. Интересны в этом отношении две северные набойные доски из собрания ГИМ. Первая опубликована в книге Л. И. Якуниной «Русские набивные ткани XVI–XVII вв.»¹¹. Изображение представляет собой плотный орнамент из чередующихся женских и мужских фигур, над головами которых расположены розетты в виде солнечного диска с лучами (рис. 2). Фигуры окружены пышной верообразной растительностью, некоторые из них держат птиц.

Изображение выполнено в плоскостной трактовке, напоминающей каменную резьбу. Фон вырезан, а основной узор остался выпуклым. И. А. Алпатова отмечает, что «в самом решении этой сцены гораздо меньше условности, чем в подобном изображении в вышивке или ткачестве. В ее характере чувствуются элементы более свободного и живого взгляда на мир, заметна связь

9 Соколов Б. М. Художественный язык русского лубка. М.: РГГУ. 1999. С. 10.

10 Алпатова И. А. Художественные особенности русской набойки. М., 1972. С. 60.

11 Якунина Л. И. Русские набивные ткани XVI–XVII вв. М., 1954. С. 9.



Рис. 4. Старинная русская набойка

с бытовым лубком»¹². Вторая набойная доска конца XVII века, находящаяся в постоянной экспозиции ГИМ и опубликованная в 1926 году в статье В. А. Городцова «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве»¹³, представляет собой многофигурную композицию, состоящую из трех ярусов (рис. 3).

В центре каждого яруса находится по одной женской фигуре. Все три центральные фигуры в своих позах (расположение в фас, «руки в боки») и масштабе абсолютно идентичны. Исключение составляет декоративная проработка юбок. По флангам от средней и верхней фигур расположены растения в виде цветов, за ними — мужские фигуры на конях. По обе стороны к нижней фигуре примыкают две мужские фигуры в разных одеждах, по краям от них — цветы, далее расположены всадники на конях. Справа и слева композицию замыкают фигуры людей, в левом верхнем углу фигуры парные. В самом низу расположены два круглых медальона со звездами внутри. По одной вертикали с медальонами в самом верху находятся две формы, напоминающие парковые беседки. Вся композиция исполнена торжественности, всадники и две нижние фигуры держат в руках различные предметы. Фон покрыт вертикальными колонками из мелких овалов. В основе рисунка печатной формы лежит переработанный архаический мотив трех-

частной композиции. В. А. Городцов истолковал орнаментику печатной формы как целый сюжет, посвященный культу древней славянской богини, разглядев даже языческие храмы и символы власти. Но печатную доску, скорее всего, изготовили в городе или посаде, так как персонажи одеты в костюмы городской моды, а набойный промысел в конце XVII века в деревнях, где могла сохраняться память о древних традициях, не был развит. Вероятно, доску вырезал городской ремесленник, выходец из деревни. Архаическую композицию, часто встречающуюся в народной вышивке, он взял за основу в качестве декоративного элемента орнаментации ткани и интерпретировал его как праздничный мотив.

К сюжетным композициям набойки можно отнести сцены охоты, пользовавшиеся большой популярностью. В альбоме Н. Н. Соболева «Старинная русская набойка»¹⁴ репродуцирован оттиск с печатной формы для сарафанов по небеленому льняному полотну, где изображена встреча в лесу всадника с медведями, поднявшимися на задние лапы (рис. 4).

Автор отмечает, что печатные элементы доски сильно деформированы в результате многократного использования в производстве. В окружении растительного орнамента изображен в профиль скачущий на коне всадник. Прямого конфликта в этой сцене не наблюдается, медведи обращены к всаднику спинами. Если всадник — центральная фигура раппорта, то движение композиции идет от центра, создавая впечатление того, что медведи убегают. Н. Н. Соболев увидел в композиции глухарей (судя по характерным хвостам), но вполне возможно, что это не птицы, а лесная растительность, трактованная веерообразно. Фон заполнен ромбовидными элементами, характерными для набойки XVII–XVIII вв. Сцены охоты можно обнаружить на многих текстильных изделиях, вплоть до начала XX века.

Из набивных тканей шили не только мужские и женские одежды. Их использовали в качестве разнообразных функциональных бытовых предметов, предназначенных и для украшения интерьеров. Занавеси, скатерти, пологи, одеяла имели достаточно большие площади для декорирования. Иногда их украшали печатным рисунком по сюжетам лубочных гравюр и книжных иллюстраций. Для народного художника важна

12 Алпатова И. А. Указ. соч. С. 130.

13 Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 1. М., 1926. С. 32.

14 Соболев Н. Н. Старинная русская набойка. Альбом таблиц с аннотациями. М., 1948. Таблица 4.

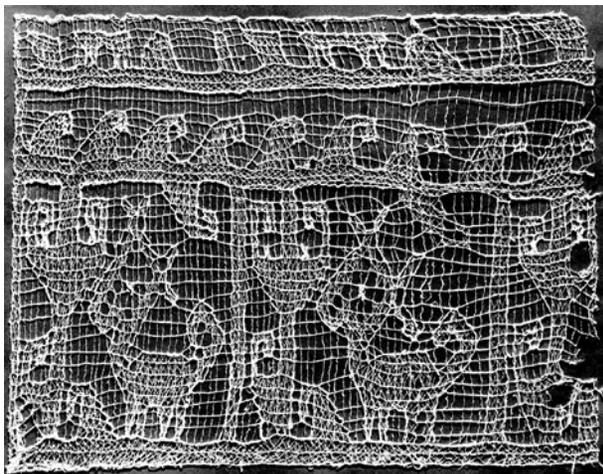


Рис. 5. Вышивка на сетчатой основе.
Из собрания The Metropolitan Museum of Art.
Accession Number: 1979.206.936

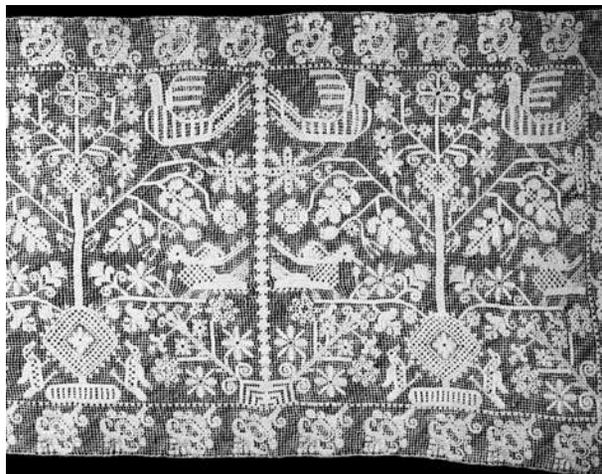


Рис. 6. Вышивка в технике «buratto».
Из собрания The Metropolitan Museum of Art.
Accession Number: 33.90.1

отправная точка, повод для создания исходного мотива композиции. Заимствование происходило не «вслепую». Народные мастера по-своему перерабатывали иллюстрации из тиражных печатных изданий, живописных и графических произведений «высокого», профессионального искусства. Свойства материалов подсказывали художнику особенности композиции сюжетной набойки. Большую роль играли сопротивление волокон дерева при вырезании печатной формы для набойки, ее площадь, фактура и цвет ткани. Иллюстрацию в книге человек видит с малого расстояния, а изделие из набивной ткани в интерьере дома или на улице — с большого. Чтобы рисунок не был дробным и измельченным, резчики крупных печатных форм для набойки, старались переработать книжную иллюстрацию в сторону обобщения и лапидарности, игнорируя малозначительные детали. Многофигурное оформление интерьерных текстильных изделий производилось путем оттискивания изображений с разных печатных форм. На одном пологе сюжеты могли быть не связаны по смыслу друг с другом, набойка печаталась по принципу шпалерной картинной развески, популярной в XVIII веке. Например, сцена гуляния в парке, заимствованная из оформления западной мануфактурной ткани, могла соседствовать с лубочной композицией, изображающей Полкана-Богатыря, вошедшего в русский фольклор из рыцарского романа Андреа да Барберино «Французские короли». Часто каждая сцена была обособленной и заключалась

в свою прямоугольную рамку. По внешнему краю печатного занавеса многофигурные композиции могли быть орнаментированы растительными мотивами, взятыми из гравированных книжных заставок.

В сюжетных набойках XVIII в. древние символы и предметы домашнего обихода, композиции из книжных иллюстраций и сцены повседневной жизни, сказочные предания и реальные впечатления от окружающей природы и мира органически слились в один сложный ритмичный сплав, в котором нашлось место реальности и вымыслу. Синтезируя в набойке жизненно-конкретные образы с воображаемыми, народные мастера творили произведения, напоминающие людям о радости жизни. Это была своего рода сказка-быль, воплощенная в материале.

Музейные коллекции многих стран хранят экспонаты-вышивки на сетчатой основе. Ручное плетение сеток и вышивание по ним известно с глубокой древности. В материальных культурах народов, которые имели выход к морю и занимались рыболовным промыслом, можно найти фрагменты текстильных изделий, вышитых по грубым сеткам. «Техника плетения филейных сеток заимствована из древних видов плетения рыболовных сетей»¹⁵. На центральном побережье Перу в 1200–1470 годах существовала Чанкайская культура. Она имела широкие торговые связи и поддерживала отношения с разными на-

15 Тазова Н. А. Ручное филейное плетение и филейно-гибюрная вышивка. М.: Гизлегпром. 1958. С. 5.

родами. От Чанкайской культуры сохранилось немало текстильных артефактов и инструментов, предназначенных для вышивания. В вышивке по сетке использовались толстые нити для основы, тонкими нитями зигзагообразно шили узор. Наиболее распространенными в чанкайской вышивке были морские мотивы, изображения животных и геометрические узоры. Расположение композиций фризовое, один изобразительный мотив повторяется несколько раз (рис. 5).

В Европе XVI–XVII вв. белое шитье по сетке было распространено в Италии. Техника игольной штопки по тканой сетке получила название «buratto» (рис. 6).

Фризовые сюжетные композиции в совокупности с орнаментальными элементами чередовались 2–3 раза. Характерной особенностью вышивки по сетке являлась умышленная разномасштабность фигур, композиционная иерархичность. Главные персонажи композиции были крупными, на них внимание зрителя направлено в первую очередь. Второстепенные персонажи были намного меньше основных героев и находились в подчинении общему композиционному ритму. Такая иерархия персонажей напоминает композиционное построение западноевропейских средневековых печатных икон. В вышивке по сетке создавалось очень условное не иллюзорное пространство, в основе которого лежали приемы построения древнего геометрического орнамента. В таком пространстве отсутствовала линейная перспектива, и разные масштабы повторяющихся композиционных элементов выглядели убедительно. Пространство фризовых вышивок очень похоже на сказочное, ирреальное, где одно и то же действие может быть повторено во времени несколько раз. В основу композиционных ритмов заложена классическая трехчастная геральдическая симметрия со статичным центром и динамичными центростремительными флангами. Такими повторяющимися ритмами пронизаны все элементы композиции, что создает впечатление бесконечной симметрии в симметрии. «В замесе» пластического организма первостепенную роль играют силы не центробежные, а центростремительные. <...> Все собирается к центру, рождаясь из него же»¹⁶. Считывание зрителем общего сюжета композиционного фриза происходит сразу целиком, где композиционными до-

минантами являются повторенные крупные центральные фигуры, к которым симметрично подчинены второстепенные детали. Далее зритель погружается в сюжеты, помещенные в каждом элементе (клейме), которые могут быть композиционно связаны между собой или обособлены.

Темы сюжетов были совершенно разными: бытовые сцены, мифологические и геральдические образы, христианские мотивы. Композиции могли содержать растительные орнаменты. Как правило, это были вышивки-рассказы. Перед зрителем развивались повествовательные сюжеты с символическими изобразительными элементами. Вышивались белыми нитками фигуры, фон оставался не заполненным, прозрачным, что придавало изделию особую легкость и воздушность. Очень гармонично выглядели подобные изделия в городском интерьере.

С начала XVIII века в домашний быт (чаще всего северных губерний России) входит мода украшать покрывала свадебных постелей расшитыми оборками — подзорами. Одно из ранних упоминаний о подзорах, вышитых по сетке относится к 1701 году. В рядной писанной города Пензы речь идет о том, что Иван Юматов сговорил свою родную сестру Авдотью замуж за Василия Яковлева. Среди прочего приданого за нее давал «две простыни штыты по сетки»¹⁷. Различают способы подобного шитья: строчка «по письму» («по вырези»), строчка «по перевити», по плетеной сетке. Последний способ лег в основу современного шитья по сетке — филейно-гипюрного (*фран.* «filet» — «сеть», «guipure» — «тонкое кружево»).

Белые строчевые подзоры достигали двух метров в длину и 50–70 см. в высоту, иногда были дополнены кружевом. В России вышивка по перевити с использованием застила белыми нитями изготавливалась в городах и помещичьих усадьбах для собственных нужд и на продажу. «Строчевая вышивка явление оригинальное, более всего связанное с художественным творчеством посадских и городских мастериц. В крестьянскую среду она не вышла»¹⁸. Композиционное построение городских и усадебных подзоров, как правило, основано на общечеловеческой трехчастной схеме, встречающейся в культурах многих народов. «Композиция устойчива, действие боковых сцен

16 Семенова Т. С. Народное искусство и его проблемы. Очерки. М.: Советский художник. 1977. С. 35.

17 Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н. Качалова. СПб.: Археографическая комиссия. 1884. Т. III. № IX. С. 300.

18 Уханова И. Н. Там же. С. 257–258.



Рис. 7. Вышитый подзор. Из собрания The Metropolitan Museum of Art. Accession Number: 2009.300.3449

направлено к центру. В привязанности мастериц XVIII — нач. XIX вв. к трехчастному построению и симметрии сказывается традиция древней вышивки¹⁹. Если в орнаментах набивных тканей мерой композиции является площадь деревянной печатной формы, то в вышивке модулем служит перпендикулярная структура основы (сетки, канвы). Вышивка по сетке, также, как и вышивка крестом, подчинена исходному материалу. Поэтому рисунок вышитых подзоров обладает ярко выраженным геометризмом. Если в геометрическом орнаменте конкретный образ эволюционирует в символ, то в многофигурных композициях, вышитых по сетке, образ стремится к конкретике. Орнаментальный принцип построения композиций вышитых подзоров часто связан с действительностью. Сцены из жизни выражены в специфическом пластическом воплощении. Подробно перечисляя частное, уделяя внимание характерным деталям, народные мастерицы интуитивно выстраивали общее. Каждая деталь изображения содержит в своей основе базовую геометрическую форму, один из первоэлементов пластических искусств — квадрат. «Составные элементы орнамента и орнамент в целом — два разных понятия»²⁰. Элементом орнамента часто служат геометрические примитивы в чистом виде, тогда как орнаментальная композиция, сложенная из них, решается в той пространственной

структуре, которой является поверхность изделия. Единица орнамента организует единое целое. «Целое очень часто складывается из откровенно прямых поверхностей, из прямоугольных или тяготеющих к прямоугольным объемам»²¹. В руках народного художника многократное повторение геометрических форм и высокое техническое мастерство давало широкие возможности для создания самых разных образов. Возможности техники подсказывали мастерицам пластические решения вышитых композиций, степень обобщения персонажей (рис. 7).

Плоскостная трактовка многофигурных вышивок и отсутствие полихромности подчеркивают форму предмета (покрывала, полотенца, подола) и утверждают изобразительную поверхность. С другой стороны, отсутствие иллюзорных объемов в композициях не нарушает естественную неровность и динамику самой ткани. Изображение гармонично взаимодействует с образующимися складками и не подчиняет себе форму и практическое назначение текстильного изделия. Фактура сетки, как основы вышивки, играла роль пространственной поверхности композиции. Преобладание белых силуэтов на белом фоне давало в филейных вышивках эффект воздушной вибрации. Несмотря на то, что изображения лишены объемных поворотов форм, структура подобных вышивок тяготеет к многослойно-пространственной. Многофигурные плоскостные композиции содержат в себе синтез

19 Разина Т. М. Русское народное декоративное искусство и проблемы народного творчества. М.: 1968. С. 99.

20 Темерин С. М. Там же. С. 55.

21 Семенова Т. С. Там же. С. 137.



Рис. 8. Вышитый подзор. Из собрания The Metropolitan Museum of Art. Accession Number: 2009.300.3448

декоративно-сюжетного и орнаментального направлений. При этом изделие всегда пронизано нарративным содержанием. Повествовательные композиции, усиленные обобщенной геометрической стилистикой, превращаются в раппортный орнамент, наделенный своими сложными, и вместе с тем цельными внутренними ритмами. Вышитые подзоры отличаются большой степенью иллюстративности. Это своеобразные композиционные многофигурные комплексы, созданные по фризовому принципу, где могут быть показаны одновременно все эпизоды того или иного события (рис. 8.).

С помощью ассоциативной изобразительной связи в вышитых подзорах слились жизненно-конкретные и воображаемые образы. Ассоциация помогает транслировать через сюжетные вышивки явления и события жизни, а их условный изобразительный язык вызывает у зрителей творчески-активное отношение к эстетическому преобразению действительности в реально-предметном мире. Ведь красивые вещи, созданные народными мастерами, делают жизнь людей лучше. Так, в композициях вышитых строчевых подзоров, украшавших постели молодоженов, воплотилась мечта о прекрасном, собирательный образ счастливой жизни, сказка, воплощенная в реальность. Вышитые края к простыням, созданные в XVIII веке в дворянских усадьбах руками крепостных крестьянок, представляют целые комплексы образов и сюжетов. «Большинство подзоров XVIII века решены по гравюрным образцам, которые условно трансформировались согласно

законам вышивального искусства. Жанровые композиции посвящены сказочно-романтическим сюжетам, как, например, подзор с эпизодами из сказки о семи Симеонах (ГРМ), различным дворянским праздникам, на которые съезжаются в каретах гости, светским беседам в покоях-теремах, охоте и даже праздничным фейерверкам»²². Подобные композиции, вобравшие в себя внешние стороны дворянского быта и сказочные сюжеты, служили для крепостных крестьян отражением счастливой и беззаботной жизни, жизни-сказки.

Помимо мотивов, взятых из жизни, в вышивках было распространено «заимствование из других изобразительных источников — гравюр, лубочных картинок. Особенно широко пользовались вышивальщицы лубочными картинками. Их содержание не копировалось, а по-своему перерабатывалось и исполнялось присущими вышивке средствами»²³. Традиция заимствования сюжетов для вышивки из печатных источников была развита и в странах Западной Европы. В коллекции музея Искусства и дизайна, расположенном в Копенгагене, находятся текстильные экспонаты «Navneklud» XVIII–XIX вв. Это вышитые перекрестным стежком по льняной, шерстяной или хлопковой ткани панно примерно 40x50 см. Обязательными атрибутами композиций были алфавиты и числовые последователь-

22 Уханова И. Н. Там же. С. 257.

23 Богуславская И. Я. Вышитые подзоры. Конец XVIII — начало XIX века. Альманах. СПб.: Palace editions. 2012. С. 18.

ности. Они могли идти фризом сверху или заполнять собою фон. Помимо букв и чисел композиции были наполнены религиозными и светскими символами, которые были скопированы из печатных книг. Такие панно вышивали молодые девушки из высших слоев общества на уроках рукоделия. В вышивках часто встречается имя автора и семейная монограмма.

«Эпоха XVIII–XIX вв. была временем смелого переосмысления древнейшего содержания и отражения в народном творчестве принципиально нового мировоззрения народа, более активного и широкого отражения в нем действительности. В этот период формируются и формально-стилистические черты русского народного искусства, как мы его видим по основной массе памятников, дошедших до нас»²⁴. В период возвышения монархической власти в начале XVIII века формировался пышный и торжественный стиль русского барокко. Его характерные особенности — приверженность к символам, эмблемам, аллегориям, его максимальная рационалистическая направленность на человека светского — вошли и в народное искусство и соединились в нем с архаической символикой. Между тем, в XVIII веке в русской культуре происходит ярко выраженная дифференциация на светское «высокое» искусство, ориентированное на правящие классы, и на традиционное народное. В своей книге «Самое близкое искусство»²⁵ А. Б. Салтыков отмечал два способа отображения действительности в изобразительном искусстве — иллюзорность и декоративность. Декоративность, свойственная народному искусству, характерна тем, что она дает возможность мастеру в одном предмете показать множественность места, времени и действия, при этом сам предмет всегда отмечен спецификой времени и местом его изготовления. «Художник легко может в одном произведении искусства дать изображение ряда мест, не охватываемых в действительности одним взглядом, представить целую страну или даже ряд стран, показать связь их между собой, с прошлым и с будущим, показать историческую преемственность и многое другое, совершенно не достижимое при сохра-

нении принципа иллюзорности»²⁶. Такое декоративное изобразительное повествование можно достичь лишь условным лаконичным языком, основанном на значительном обобщении предметно-пространственной среды композиции. Этому способствует тот или иной материал (ткань, дерево, глина и т. д.), который подчиняет себе народный мастер, работая и мысля в нем над созданием образа и текст, часто включенный в композицию как важный смысловой и художественный элемент. «Простой образ чувственных восприятий превращается в художественный при условии качественного изменения, состоящего в том, что образ начинает выражать собой более широкое, глубокое, значительное содержание»²⁷. Декоративность народного искусства, выраженная в многофигурных композициях украшения тканей, сюжетной росписи филенок шкафов, сундуков, прялок и особенно в лубочных картинках, близка театру. В театральных образах, мизансценах и декорациях присутствует очень большая степень выразительного обобщения, за счет которого у зрителя возникает работа воображения и происходит домысливание сюжета. Таким образом, зритель выступает не просто в роли потребителя информационного послания, а становится непосредственным участником действия. Многофигурные композиции народного искусства являются своеобразными рассказами в картинках, на основе которых у человека, их рассматривающего, складываются различные зрительные ситуации, чуждые непосредственному созерцанию. По такому принципу мы воспринимаем устный фольклор — сказки, песни, частушки, вовлекающие слушателя в занимательную образную игру, основанную на соединении вымысла и конкретики. В сочетании изобразительного и литературного начал в народном искусстве выражается ясная пластичность народного мышления, приводящая к лаконизму и обобщениям широкого плана. Выразительность, присутствующая в художественном произведении, и одновременно обобщенность конкретного образа, выступают в народном изобразительном искусстве и фольклоре в качестве катализаторов воображения. Через некое действие, игру, тактильность, происходит коммуникация между автором произ-

24 Разина Т. М. Там же. С. 10.

25 Салтыков А. Б. Самое близкое искусство. М.: Просвещение. 1968.

26 Салтыков А. Б. Там же. С. 59.

27 Салтыков А. Б. Там же. С. 61.

ведения, самим произведением, часто являющимся функциональным бытовым предметом, и зрителем (пользователем). Нередко такая коммуникация продолжается на протяжении многих поколений людей, для которых служит художественно оформленная вещь. Игровую природу народного искусства, в частности, лубочных изображений, провоцирующих у зрителя активные эмоциональные процессы и синкретическое восприятие произведения, отмечал Ю. М. Лотман. В многофигурных текстильных композициях, как и в лубочных изображениях, художественное пространство напоминает сцену, на которой происходит действие. Оно «организовано особым образом, ориентируя зрителей на пространственные переживания не живописно-графического, а театрального типа. <...> Изображение сцены создает принципиально иной художественный эффект, чем рисунок, который зритель относит непосредственно к какой-либо действительности. Являясь изображением изображения, оно создает повышенную меру условности. Изображение, делаясь знаком знака, переносит зрителя в особую, игровую «действительность»²⁸.

Универсальный обобщенный язык художественной декоративности необычайно динамичен. Художественные образы прошлого не утратили своей значимости и сегодня. Они близки и понятны по своей сути и выразительности современному человеку любого возраста и социальной группы, что делает произведения народного искусства актуальными в любую эпоху.

Список литературы

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н. Качалова. С-Пб.: Археографическая комиссия. 1884. Т. III, № IX.
2. Алпатова И. А. Художественные особенности русской набойки. Диссертация. М.: 1972.
3. Бирюкова Н. Ю. Западноевропейские набивные ткани XVI–XVIII века. Собрание государственного Эрмитажа. М.: Искусство. 1973.
4. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Издательство Академии наук СССР. 1956.
5. Богуславская И. Я. Вышитые подзоры. Конец XVIII — начало XIX века. Альманах. С-Пб.: Palace editions. 2012.
6. Богуславская И. Я. Историческая обусловленность содержания. // Декоративное искусство СССР, №6. 1974.
7. Воронов В. С. Крестьянское искусство. М.: Гозиздат. 1924.
8. Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 1. М.: 1926.
9. Лецинский А. А. Основы графики. Гродно.: ГрГУ имени Янки Купалы. 2003.
10. Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок. // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX в. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). М.: Советский художник, 1976.
11. Разина Т. М. Русское народное декоративное искусство и проблемы народного творчества. Диссертация. М.: 1968.
12. Салтыков А. Б. Самое близкое искусство. М.: Просвещение. 1968.
13. Семенова Т. С. Народное искусство и его проблемы. Очерки. М.: Советский художник. 1977.
14. Соболев Н. Н. Старинная русская набойка. Альбом таблиц с аннотациями. М.: 1948.
15. Соколов Б. М. Художественный язык русского лубка. М.: РГГУ, 1999.
16. Тазова Н. А. Ручное филейное плетение и филейно-гипюрная вышивка. М.: Гизлегпром. 1958.
17. Темерин С. М. Русское народное искусство узорного ткачества. Диссертация. М.: 1946.
18. Уханова И. Н. Народное декоративно-прикладное искусство городов и посадов русского севера конца XVII–XIX веков. С.-Пб.: Изд. Дмитрий Буланин. 2001.
19. Якунина Л. И. Русские набивные ткани XVI–XVII вв. М.: 1954.

28 Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок. // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX в. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). М.: Советский художник, 1976. С. 249.

ARTISTIC PECULIARITIES OF MULTI-FIGURE SUBJECT COMPOSITIONS IN DECORATION OF RUSSIAN FOLK TEXTILES OF THE XVIII CENTURY

Kortovich Andrey Vladimirovich,

Docent in Department of Graphic Design, Institute of Business and Design.

Protopopovsky Pereulok, 9, Moscow, Russia, 129010

e-mail: kortovich@inbox.ru

Abstract

The article discusses the evolution of the plot and compositional space of manual decoration of Russian fabrics of the XVIII century. Particular attention is paid to the compositional links and parallels in the design of Russian and Western European printed and embroidered fabrics. The author examines in detail the basic principles of plot composition, based on traditional and innovative graphic techniques of the XVIII century.

Keywords

Arts and crafts, folk art, traditions, culture, ornament, textiles, cheap popular print, printed cloth, embroidery.

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

RAR
ББК 63.3
УДК 93

«ШАТО РЮСС»: ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ (1920–1930-е гг.)

Ипполитов Сергей Сергеевич,
кандидат исторических наук, проректор по развитию Московского государственного института культуры,
декан факультета Государственной культурной политики.
Библиотечная ул., 7, Химки.
e-mail: nivestnik@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты повседневного быта русских беженцев в Турции, Европе и Латинской Америке, стремление сохранить национальную идентичность и культуру в условиях инокультурной среды.

Ключевые слова

Русская эмиграция, культура повседневности, национальная идентичность.

История российской эмиграции на протяжении последних десятилетий остается в центре внимания историков и культурологов по целому ряду причин. Трудно отыскать в истории человеческой цивилизации другой подобный исход сотен тысяч людей со своей родины, ставший не только одной из самых драматических страниц российской истории, но и оказавший столь сильное влияние на многие страны мира, что следы его прослеживаются до сих пор. Это наследие Русского Зарубежья на протяжении всего XX века будоражило умы европейских интеллектуалов, находило воплощение в искусстве, литературе, архитектуре, науке, общественной жизни. В веке текущем культурное, гуманитарное наследие Русского Зарубе-

жья приобрело новый смысл. Возродившееся стремление многих народов воссоздавать и сохранять свою культурную, национальную идентичность, которая, казалось бы, обречена на тихое угасание в унифицированном обществе мультикультурализма; насущная потребность народов России отстаивать своё собственное видение и понимание исторических, культурных и общественных процессов, вступающее зачастую в острый конфликт с навязываемыми внешними игроками нормами и правилами; осмысление места и роли русской культуры в стране и в мире — эти и целый ряд иных причин вновь вызывают сегодня обостренный интерес к наследию российской эмиграции, и, особенно, — к способности наших соотечественников сохра-

нять в условиях враждебной среды собственную идентичность, мироощущение, культуру и традиции. Культурное наследие эмиграции дает для изучения этого комплекса гуманитарных вопросов прекрасную возможность. И нигде это стремление русских людей к созданию собственного, обособленного культурного пространства не проявлялось так осязательно, как в культуре повседневности, в культуре быта и жилища.

Жилище, среда повседневного быта, повседневность в ее культурном измерении всегда предоставляли историку богатую возможность для изучения общественных и культурных процессов через призму бытия конкретного человека, семьи, коллектива. Персонализация исторического процесса позволяет взглянуть на него глазами непосредственных участников; окунуться и почувствовать ту социокультурную среду, в которой проходил процесс адаптации наших соотечественников в чуждом и зачастую враждебном обществе.

После исхода остатков Русской армии из Крыма и эвакуации гражданских беженцев, положение российских эмигрантов на берегах Босфора оказалось катастрофическим. Голод, непривычный климат, холод, болезни, нищета и острая тоска по родине сопровождали беженцев на всем протяжении их «константинопольского сидения». Осложнял положение и жилищный кризис, спровоцированный массовым притоком в Константинополь и его окрестности обездоленных людей, многим из которых приходилось ночевать прямо на улице из-за непосильных цен на жилье. Отчасти спасала ночлежка, обустроенная в бывших турецких казармах Мак-Магон и представлявшая собой «огромный зал, освещенный тремя пятисвечевыми электрическими лампами. Грязное, десятки лет не ремонтировавшееся помещение, кое-где с потолка льется вода, выбитые и заклеенные картоном окна, грязный и изъеденный крысами с зияющими дырами пол. Наконец, посередине и вдоль стен сплошные деревянные нары с тучами клопов и вшей» [1].

Лагерь Чаталджа находился в окрестностях Константинополя и представлял собой голое открытое место. По периметру лагеря были установлены ряды круглых французских палаток — марабу, в которых по восемь человек размеща-

лись солдаты и казаки. Опасаясь бунта голодных русских солдат в непосредственной близости от столицы, французское командование на первых порах снабжало их продовольственными пайками. Но ежедневно и ежечасно французы давали понять, что русские на берегах Босфора — лишь никому ненужные приживальцы.

Жизнь в лагерях была сопряжена с выполнением тяжелых работ по нарядам и моральными унижениями, которым попавшие в лагерь подвергались как со стороны охраны, так и русских комендантов и их помощников. Лагеря были построены наспех и не рассчитаны на длительное использование; в них зачастую не хватало самого необходимого. Например, один из них — Бернадотт — представлял собой «пустынную местность. Кое-как наспех полуотремонтированные деревянные бараки. Свыше тысячи беженцев, скученность в бараках и палатках превосходит всякую возможность, пресной воды нет, за ней надо ходить в город [2]. Такие условия деформировали человеческие отношения. Несмотря на запрещение комендантов, беженцы, назначенные в наряд, нередко посылали вместо себя детей. При этом, если женщины в освободившееся время занимались домашним хозяйством, то мужчины тратили его на карты, выпивку, политические «дискуссии» с мордобоем и обсуждение слухов («пластинок», по местной терминологии).

Не менее драматично складывался быт российских беженцев в лагерях Египта. Их жилищем в первые годы изгнания становились брезентовые палатки в пустыне. Люди были лишены возможности не только достойного существования, но и погребения своих родных по православному обряду. Власти страны и мусульманское в своей массе население страны не позволяли хоронить умерших православных беженцев на своих кладбищах. Невозможность достойно проводить своих близких в последний путь становилась культурным шоком для наших соотечественников. Вот как описывал журналист, писатель и литературный критик Александр Яблоновский жизнь русских беженцев в английском лагере в Египте: «Бедность непокрытая, сиротская, граничащая с совершенной нищетой. Русские деньги, которые мы привезли с собой из России, вызывают здесь только улыбки сожаления, и оттого мы стараемся устроить свою жизнь без всяких денежных затрат, а так сказать, по способу

Робинзона. Например, русская церковь в Тель-эль-Кебаре переделана из старенького камышового сарайчика. Крыша — из тростника, стены — из рогожки, а вместо колокола висит на столбе кусок рельса, и гимназист-пономарь железной палкой «звонит» к вечерне. наших покойников хоронят здесь без гробов и почему-то не на общем кладбище, где цветут олеандры и посажены пальмы, а отдельно. В желтой пустыне, в стороне от наших палаток, огорожен колючей проволокой песчаный квадрат. Это наше кладбище. Сюда на больничных носилках приносят русских покойников, заворачивают в старенькое госпитальное одеяло и зарывают в песок. Родные складывают из белых морских камешков крестики на могилах или пишут имена умерших на жестянках из-под консервов и прибивают эти жестянки к деревянному кресту... Это, без сомнения, самое грустное и самое бедное кладбище из всех, какие я видел на своем веку... Вечный покой и вечное молчание пустыни...» [3].

Расселение российских эмигрантов в страны Европы в середине 1920-х гг. закрыло эту наиболее драматичную страницу в жизни Русского Зарубежья. Нищета первых лет изгнания, когда речь шла о физическом выживании, постепенно уходила в прошлое. Европейский рынок труда предоставил беженцам возможность в той или иной степени обеспечить свой быт и обустроить жилище. Именно на этом отрезке времени — с середины 1920-х до конца 1930-х годов — культурная повседневность русской эмиграции приобретает те уникальные черты, которые позволяют говорить о ней как о составной части понятия «русское культурное наследие в зарубежье». Именно в этот период истории во французской провинции, в рабочих поселках вокруг крупных промышленных предприятий, возникают поселения российских эмигрантов, несущие совершенно особые, национальные, этнические черты русской провинции.

Русская пресса во Франции тех лет часто размещала на своих страницах репортажи из таких поселений. Вот типичная статья в «Последних новостях» на эту тему: «На пригорке хозяйственный казак построил себе домик, завел огород, кур и хрюкающих свиней. В вечерних сумерках дом кажется совсем светлым, словно выбеленная хата на хуторе близ Диканьки. Хо-

зяйка-галичанка говорит с малороссийским акцентом, и только возящиеся у калитки дети напоминают, что хутор на пригорке очень далек и от Диканьки, и от Кубани:

— Papa! Papa! George a crevé mon ballon. Achete-moi un autre! [4].

— Ладно, куплю. А Жоржу уши надрать за баллон надо...»[5].

Обустройство собственного жилья в приютившей их стране, создание упорядоченного, обеспеченного существования позволяло нашим соотечественникам постепенно возвращать и духовную, культурную атмосферу провинциального русского быта, казалось бы, безвозвратно утерянную на эмигрантских дорогах. Строительство православных храмов и русских школ в Европе, создание и развитие национальных общин и гуманитарных общественных организаций, профессиональных клубов и союзов, становившихся центрами общения, сохранения национальных традиций, культуры и языка в середине 1920-х — 1930-х гг. становятся неизменной приметой русских эмигрантских колоний. Вот как описывал журналист «Последних новостей» атмосферу русского поселения во Франции: «Русские люди многое потеряли за эти годы, не утратили только радушного гостеприимства, особенно в провинции и особенно в деревне. В смысле внешней культуры тут даже лучше. В доме паркетные полы, уютная, со вкусом подобранная обстановка, электричество, центральное отопление, ванна, горячая вода в умывальниках, радио. Все эти блага в маленьких хозяйствах в России встречались редко» [6].

Но не всем русским эмигрантам удавалось так уютно обустроить свой быт. На европейском рынке труда иностранцы могли рассчитывать лишь на низкооплачиваемую малоквалифицированную работу. Многочисленные правовые преграды, неопределенность юридического статуса, языковой барьер препятствовали вхождению беженцев в круг высокооплачиваемых работников, за исключением узкой прослойки российских предпринимателей, сумевших вывезти из России свои капиталы и воссоздать бизнес за границей. Поэтому обустройство собственного жилья превращалась для большинства из них в многолетний тяжелый труд,

далеко не всегда увенчавшийся успехом. Так, например, во французской деревушке, носившей пышное название Монжей ле Тур, один русский, которого местные жители называли «месье Димитри», построил на окраине своеобразное жилище, которое местные жители, шутя, называли «шато рюсс». Месье Димитри поступил на службу помощником повара в пансион. Он купил себе клочок бросовой земли за деревней и сам возвел шалаш, в котором и жил. «Шато» представляло собой сплетенную из прутьев хижину, с застекленным окном и настоящей дверью. Никаких запоров, если не считать заржавленного, висящего явно для фасона громадного замка. Дверь открывается свободно. Внутри все в полном порядке, как оставил владелец: железная кровать с матрацем, под нею пара старых сапог, в углу чугунная печурка, у окна стол, на столе керосиновая лампа. Такое имущество можно свободно бросить без запора: его никто не тронет. По мнению местных обитателей, француз, как бы он ни был беден, такой избушки не построит. Это несерьезно. Но хозяин русский, а русские известные чудаки, и о «шато рюсс» обыватели говорят с благодушной улыбкой, а о владельце отзываются с полным уважением. В свое время месье Димитри, прозевав, по русскому обыновению все сроки, не обменял свою рабочую карту и получил за это такой штраф, что об уплате нельзя было и думать. Грозил высылка. Месье Димитри собирался на велосипеде удирать за первую попавшуюся границу, но в дело энергично вмешался деревенский мэр, выхлопотавший ему не только новую карту, но и освобождение от штрафа. «Как можно выселять месье Димитри и облагать его штрафом в восемьсот франков? — писал мэр полицейскому начальству. — Это вполне почтенный иностранец и местный домовладелец, хотя и очень бедный, но отличный работник и честный гражданин...» [7].

Стремление к собственному жилью и собственной земле как основе национальной и культурной идентичности было неотъемлемой чертой российской эмиграции. Неизбывное стремление к земле в душе русского человека в середине 1930-х гг. будет использовано недобросовестными правительствами и кампаниями для очередного обмана русских

фермеров, с огромным трудом обустроивших хозяйство в Европе на арендованных клочках земли — об этом будет сказано далее. А стремление к собственному дому у русских эмигрантов в Европе становилось зачастую смыслом существования. Вот как описывал процесс строительства собственного жилья русский эмигрант во Франции: «Когда-то здесь находился маленький завод. Торчала одна труба, была цистерна для воды, колодец глубиной в сорок метров и каменная ограда. Все это представляло большую ценность, ибо давало мне готовый строительный материал и обеспечивало водой. Материал на аукционах обходится в гроши; таким образом я приобрел железо, дубовые окна, двери, балки, части для сооружения тележки, на которой сам перевожу грузы. Прежде всего, разбираю на кирпичи фабричную трубу и цистерну. Работа сложная, а я один. Приходится выдумывать всевозможные приспособления и усовершенствования. На днях устроил месилку для цемента. Раньше размешивал ручным способом и натер на руках кровавые мозоли» [8].

Стремление к созданию собственной «среды обитания», нежелание полностью раствориться в новой, чуждой, иноязычной и инкультурной реальности, часто воплощалось россиянами в эмиграции в очень нестандартных решениях, таких, например, как покупка и обустройство русскими шоферами такси в Париже собственного дома отдыха в местечке Коломбель. Вот как описывал праздничные мероприятия по поводу его открытия в 1928 году корреспондент газеты «Возрождение»: Объединение русских шоферов и работников автомобильного дела открывают сегодня свой Дом Отдыха. У них — сумасшедшая работа на сумасшедших улицах Парижа. У них только за два года выбыло из строя, скончалось 36 человек. Но сегодня как-то не думаешь ни о трагической работе за рулем русских эмигрантов, ни о трагедии незаметных русских смертей в Париже... Дом Отдыха в 80-ти километрах от Парижа. Это — старая мельница на берегу реки. Веет по ветру над воротами, где надпись «Добро пожаловать», русский трехцветный флаг, а на дворе за наскоро сбитыми столиками — толпа гостей. Что же сказать — молодцы наши шоферы, они раньше всех своими руками устроили то, что так необходимо нам всем [9].

Послевоенная Европа предоставила трудоспособным и активным беженцам из России возможность для мирного труда и обустроенного быта. Бригады русских рабочих, с огромным трудом добравшиеся из голодного Константинополя в Берлин, Париж, другие европейские города и столицы, сразу же включались в жесткую конкуренцию на местных рынках труда, оказываясь зачастую более эффективными и востребованными. Европейские предприниматели с большой охотой принимали их на работу, отдавая предпочтение организованным, сложившимся коллективам. По этой причине полтора десятилетия, вплоть до начала Второй мировой войны, для русских эмигрантов в Европе в материальном смысле оказались вполне благоприятными. Настойчивый труд и стремление к построению в изгнании своей собственной «маленькой России» позволили им на этом отрезке времени обустроить комфортную повседневную жизнь, привнеся в нее национальный культурный колорит. Местная русскоязычная пресса часто публиковала бытовые зарисовки эмигрантского быта, наподобие такого описания жилища русского рабочего в Люксембурге: «Квартирка русского рабочего совсем не производит впечатления «рабочей». Искусство наладить жизнь на заработок металлургического рабочего, за годы тяжелой физической работы не только не опуститься и даже внешне выглядеть, словно семья живет по старым укладом среднего достатка интеллигента, растить и обучать сына, не терять интереса ко всему окружающему и принимать самое деятельное участие в общественной жизни, все это — чрезвычайно важное искусство, которым держится многотрудное беженское существование. Бывает, и опускаются люди, не только внешне, но и духовно. Но таких до невероятия мало» [10].

Бытовые мелочи, повседневные привычки и обычаи, культурные предпочтения и интересы, национальный характер и образ мышления — все это составляло ту социокультурную среду, которая обусловила самобытность и уникальность Русского Зарубежья. Даже кладбище для животных в Париже, устроенное на небольшом островке, у моста Клиши, хранило скромные следы

эмигрантской повседневности: один из лучших на кладбище памятников был увенчан русской княжеской короной. На глыбе гранита были высечены фигуры двух собак «Маркиза и Тонни княгини Лобановой».

Там же в середине 1920-х гг. находилась могила русской собаки-беженца, попавшей в Париж с эмигрантами хозяевами. На каменной плите было написано: «Спи, наш миленький Марсик. Тифлис 1918 г. — Париж 1925 г.» [11].

Середина 1930-х годов ознаменовалась грандиозной аферой, разрушившей устоявшийся быт многих тысяч российских беженцев в Европе. Национальные правительства ряда латиноамериканских стран — Парагвая, Уругвая, Аргентины и ряда других, ради освоения необработанных и пустующих земель, развернули в европейской прессе активную рекламную кампанию по привлечению фермеров на земли своих государств. Обещалось многое: бесплатная земля, кредиты на обустройство, дом, скот, инструменты, организация переезда. И если европейские фермеры отнеслись к этим обещаниям и призывам весьма сдержанно, то на русских вновь возродившаяся надежда получить собственную землю в краях, где в год можно получать четыре урожая, оказала влияние сильнейшее. Тысячи русских фермеров и наемных сельскохозяйственных рабочих бросали налаженный быт и с таким трудом обустроенное жильё, продавали накопленный скарб, и вместе с семьями грузились на пароходы в сторону загадочного и неизвестного Парагвая, о котором они не имели абсолютно никакого представления. Вот какое впечатление оставляла столица Парагвая на прибывающих переселенцев: «Что некрасиво в Асунсьоне? Все некрасиво, начиная с испанских колониального вида построек, и кончая самой природой, какими-то мелколиственными, корявыми, часто очень большими деревьями и запыленными красной пылью пальмами, торчащими словно перевернутые метлы... В городе нет водопровода и канализации. Воду развозят в бочках и добывают из колодцев, но пить ее некипяченой врачи не рекомендуют. Летом, во время случающейся засухи, воды иногда в колодцах не хватает, а на станциях продают стаканами по одному песо» [12].

Жилище русского переселенца в Энкарнасьоне, городе на юго-востоке Парагвая, это небольшой сарайчик в две комнаты, с земляным полом и без потолка. Вместо окон — две дыры с закрывающимися на ночь ставнями. Но свет проходит не только в дыры, но и в довольно большие щели досчатых стен. Обстановка состоит из двух кроватей, — вернее, их идей, — перевернутого ящика, служащего столом, и нераспакованных парижских чемоданов. В небольшом дворике на жаровне готовится обед... [13].

Увы, обещаниям и надеждам не суждено было исполниться. Собственный надел земли предстал в виде нерасчищенных джунглей с огромным количеством москитов, невыносимой жарой и тропическими болезнями; надежды на четыре урожая в год рухнули под нашествием бродячих муравьев, вредителей и обезьян, уничтожавших урожай на корню, а кредиты обернулись кабалой, осилить которую никто так и не смог. Повседневный быт русских эмигрантов в этих странах деградировал до первобытного уровня, превратившись во временный сарай в парагвайских джунглях, где жили страдающие от болезней, жары и паразитов русские семьи.

Трагические события 1917 года в России, Гражданская война и построение нового общества, привели к разрушению не только общественных устоев, формировавшихся в нашей стране столетиями, но и к разрушению той трудноопределимой сущности, которую принято называть «культура повседневности» или «культурой повседневного быта». Трагедия исхода в разные кон-

цы света миллионов российских беженцев по своим масштабам и последствиям не имеет аналогов в истории. Лишения и страдания, выпавшие на их долю, поистине огромны. Но история выживания, самоорганизации этих людей, история сохранения ими даже в самых тяжелых и враждебных условиях собственной национальной и культурной идентичности, в том числе, и в тех малых формах, которые представляют собой повседневный быт и жилище, делают сегодня изучение этого феномена как никогда важным и актуальным.

Список литературы

1. Слободской А. Среди эмиграции. Харьков, 1925. С.119.
2. ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 44. Л. 153.
3. Яблоновский А. А. Письма эмигранта/Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века. М.: Изд. фирма «Вост. Лит-ра» РАН. 2002. С. 9.
4. Папа, папа, Жорж порвал мой мяч. Купи мне другой!
5. Последние новости. 1936. № 5684.
6. Там же. № 5706.
7. Там же. № 1936, № 5679. С. 4.
8. Там же. № 5742.
9. Возрождение. Париж. 1928. № 1136. С. 5.
10. Последние новости. Париж. № 1936, № 5657. С. 4.
11. Там же. 1926. № 1820. С. 4.
12. Парчевский К. К. В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. Париж, 1936. С. 69.
13. Там же. С. 172.

«CHATEAU RUSS»: THE EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN EMIGRANTS (1920-1930)

Ippolitov Sergey Sergeevich,

PhD, the Pro-Rector on development Moscow State Institute of culture,
the Dean of the State cultural policy.

Library Street, 7, Khimki.

e-mail: nivestnik@yandex.ru

Abstract

The article deals with some aspects of the cultural everyday life of Russian emigration in Turkey, Europe and Latin America; the peculiarities of the life of Russian refugees, their desire to preserve national identity and culture in a hostile environment.

Keywords

Russian emigration, culture of everyday life, national identity.

REV
УДК 93
ББК 63.3

ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННОКОВ НА ВОЙНУ И ДУХ РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Павлов Андрей Валерьевич,

преподаватель Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имни
Петра Великого,
ул. Карбышева, д. 8, г. Балашиха, Московская обл., 143900, Россия,
e-mail: zigfrid71@mail.ru

Аннотация

Как на войну смотрело общество из числа военных и интеллигенции на стыке XIX-XX веков? Почему одно настроение сменялось другим? В статье, на основе воспоминаний и мемуаров известных исторических личностей — военачальников конца XIX-начала XX веков, проведен анализ видения ими происходящих событий, сделана попытка определения причин изменения отношений к войне, в том числе, в рамках событий, происходящих в наши дни, и дан относительный прогноз, к чему необходимо быть готовым в будущем.

Ключевые слова

Война, дух, армия, вооруженные силы, Генеральный штаб, мораль, гуманизм, отечество.

Крупномасштабных войн становится все меньше, а число военных конфликтов постоянно растет. По оценкам ряда экспертов их количество (войн и военных конфликтов), на сегодняшний день в мире достигает более сорока. При этом Россия в той или иной степени, явно или косвенно участвует (обеспечивает сдерживание или обвиняется в участии) в ряде из них (Украина, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Таджикистан, Сирия). При этом население России по-разному относится к этим событиям.

Война не адвокат, она не руководствуется уголовным и уголовно-процессуальным кодексом, она выше людской правды, ее проявления не всегда объяснимы и понятны. Но точно понятно одно — она признает только храбрых, цельных умом, душой и телом. И тех, кто верит, верит в победу, счастье, успех, удачу.

Доподлинно не известно, когда началась первая война на Руси. Что считать началом: междоусобные схватки за власть, или набеги кочевников. Но точно понятно, что Россия прошла варварские войны, целью которых было уничтожить все, что есть у нас и самих нас. Россия прошла захватнические войны, целью которыми враги

ставили захватить наши земли, заставить нас работать на себя. Россия была на грани ресурсных войн, когда в начале 90-х годов XX-го столетия за копейки, а порой за бартер или совсем бесплатно ресурсы России перекачивались на Запад. Сейчас мы участвуем в информационной войне, первый бой в которой мы проиграли в начале августа 2008 года, но нашли в себе силы исправить ситуацию и не дали захватить врагу наше сознание, хотя «раненых и покалеченных» в этой войне у нас предостаточно.

XIX век стал веком масштабных преобразований Европы, в первую очередь в социальной, правовой, интеллектуальной, институциональной, экономической сферах. Это время зарождения, становления и развития индустриальных и гражданских обществ, оформления правовых и национальных государств, расцвета и начала разложения европейских империй. В этом веке формируются основные институты современного общества: демократия, гражданское общество, социальные защищенность и равенство, массовая культура. Российская империя не была исключением в этих процессах. Однако специфика ее развития состояла в том, что на них накладывалась политическая

косность самодержавного режима и отдельных социальных институтов. Вместе с тем Россия выступала полноправным членом международной жизни, а после Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 гг. она стала одним из ведущих игроков на международной арене. В то же время, эти успехи, а также интриги внутри императорского двора привели к тому, что постепенно Россия стала отставать в своем развитии. И «лакмусовой бумажкой» стало поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., которое послужило началом проведения Великих реформ 1860-х — 1870-х гг., в том числе и в военной сфере.

Результаты этих реформ были проверены уже скоро, в ходе Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг., где обновленная Россия одержала уверенную победу (можно провести параллели с реформами Вооруженных Сил Российской Федерации 2010-х годов и их действиями за пределами Российской Федерации). Но, как всегда, история повторилась. Самоуспокоенность, самонадеянность, а, порой, безынициативность и безалаберность политического и военного руководства России, привели к тому, что была проиграна русско-японская война 1904–1905 гг. И опять понадобилось поражение, а также десять лет, чтобы изменить взгляды на армию и флот, вновь поднять их на высокий уровень, в первую очередь, за счет массового перевооружения, чтобы показать мощь российской армии в начальный период Первой мировой войны.

Эти «качели» тяжелым эхом отдавались в сердцах и умах большинства российских патриотов и, в первую очередь, военнотружущих. Были и славные победы, были и горькие поражения, одновременно с которыми менялись взгляды на войну в целом и на ее духовную составляющую, особенно на непосредственных участников этих событий.

Безусловно, война несет в себе разруху и лишения, страдания и горе, позор и смерть.

«Черным по белому, с упоминанием божьего имени повелевалось приступить к самому небожескому, что случается на землях и водах», — так относились к приказу о начале войны с Турцией в середине XIX века, — «к убийству массовому, холодно и расчетливо продуманному, награжденному крестами как могильными, так и нагрудными»¹. Как сильно сказано! Как переплелись в этой цитате вся суть войны, черное и белое, добро и зло:

««с упоминанием божьего имени повелевалось приступить к самому небожескому...», совершить самый страшный грех на земле — убийство. И показательное окончание — ««награжденному крестами как могильными, так и нагрудными», которое опять стало в целом, а в первой части, к сожалению, актуальным только в современной России. В Советской России крестами не награждали. Опять, как и сто лет назад, мы одновременно гордимся и с горечью плачем над тем, что происходит в наши дни, на полях сражений современных войн и военных конфликтов.

«Раз начав войну, — утверждал великий русский военачальник Михаил Дмитриевич Скобелев, — нечего уже толковать о гуманности». «Война и гуманность не имеют ничего общего между собой», — говорил «Белый генерал». «На войну идут тогда, когда нет иных способов. Тут должны стоять лицом к лицу враги — и доброты уже бывает неуместна». И, как апогей всей речи: «Или я задушу тебя или ты меня»². Сейчас, когда формально существуют правила войны, это утверждение выглядит жестоко. Но, помилуйте, о каких правилах может идти речь, когда США, без санкции ООН, уничтожает тех, кого только Белый Дом считает виновными?! Вместе с тем, ход истории не раз подтверждал истину, что только мертвый враг не нанесет тебе вреда, не поднимет против тебя меч, не выстрелит в спину. Но кто враг, а кто друг? Сегодня — одни, завтра — другие. Пример отношений современных России и Турции показателен, а в исторической ретроспективе — безоговорочен. Конечно, потом могут быть всевозможные военные трибуналы, суды по правам человека и сопутствующие им события. Но только — для проигравших! Победителей не судят...

И еще о гуманности войны, если в отношении нее так можно говорить. «В войне есть одно правило: не замечать крови и слез. Когда говорят о нарушении правил войны, — писал в своем дневнике участник Первой мировой и Гражданской войн Сергей Иванович Мамонтов, — мне смешно слушать. Война самая аморальная вещь. Правила для аморализма? Рыцарские чувства на войне неприменимы». «Это только пропаганда для дураков», — замечал автор дневника. «Преступление и убийство становятся доблестью, армия из сплошных философов была бы дрянной

1 Давыдов Ю. В. Нахимов. Баку: Ишыг. 1987. С. 97.

2 Немирович-Данченко В. И. Скобелев. М.: Воениздат. 1993. С. 69.

армией, я бы предпочел армию из преступников»³. Все верно сказано. Философствовать, рассуждать, спорить, приводить различные доводы «за» и «против» — нужно до войны, до первого выстрел, до первой жертвы. После — поздно. В «лучшем» случае — модные сегодня санкции или кровная месть, в худшем — истребление целых народов и государств. Но при этом всегда необходимо помнить и понимать, что конец военных катастроф возникает среди пушечного пламени, а начало — при свечах дипломатических канцелярий⁴.

Война обладает ярко выраженными динамическими свойствами — еще вчера тут росли сады, а сегодня рвутся снаряды. Отступление, не по его воле, полка Николая Николаевича Юденича после поражения под Мукденом (сражение в период 6–24 февраля 1905 года — прим. автора) так описывают современники: «По пути из Мукдена часто попадались брошенные людьми селения. Они были совершенно пусты». Очевидцы тех событий утверждали, что между домов нередко бродили солдаты в поисках какого-либо растительного корма для лошадей и любого дерева для розжига костров и походных кухонь. «Таково было лицо войны», — писали свидетели и участники отступления⁵. Все в истории повторяется. Так было до Мукдена, когда Наполеон отступал со своей армией из России по пустынным полям и лесам Московской и Смоленской губерний. Так было и после Мукдена, в годы Великой Отечественной войны, при отступлении по этой же земле войск Гитлера. Война как саранча: налетает, уничтожает все на своем пути: ««пришла саранча, ..., и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо»⁶. Как будто о России сказано в суровые годы войн на ее земле...

Бессердечность, безжалостность и жестокость — вот спутники войны. «Никто не думал о погибших на японских судах, — писал Сергей Николаевич Тимирёв, — но все со злорадством торжествовали (!?) и праздновали (!?) день отм-

щения за «Петропавловск», за Макарова»⁷. Это слова С. Н. Тимирёва, боевого товарища адмирала Александра Васильевича Колчака, супруга которого, впоследствии, на долгие годы стала спутницей жизни Верховного правителя России, были сказаны им после уничтожения японских броненосцев «Хацузе» и «Яшима» в Русско-Японскую войну. Под одним небом, в одном море, в одно мгновение слились кровь и слезы, сплелись смех и ликование, объединились торжество и поминки. Как можно праздновать смерть?! Тем более теми, кто с молоком матери впитал в себя христианские традиции, веру в Бога и человеколюбие. Или не так сильна в нас вера?!

Достаточно ярко демонстрируются взгляды современников на поражения Русской армии и флота, особенно тех, кто сам стоял с оружием в руках, армейцам и морякам, которым «виделось одно: неудовлетворенность таким исходом русско-японской войны». И суть дела состояло даже не в отданном Японии по мирному договору Южном Сахалине. Практически на всех давила мысль о бесполезных трудах, затратах, схватках, боях, сражениях и, самое главное, жертвах, «доставивших русскому оружию вместо славы позор»⁸. И, что характерно, с яростью гиен и шакалов, об этом, в первую очередь, во всю кричали оппозиционные правящему режиму средства массовой информации и политики разного толка. Аналогичным образом поступают и в наше время оппозиционные власти СМИ, их авторы как будто специально ждут любого прокола, промаха или ошибки руководства России.

Позор вместо славы... А был ли позор в этом поражении? И, вообще, возможен ли позор в ходе войн, в ходе поражений и побед? Было ли позором оставление Москвы фельдмаршалом Михаилом Илларионовичем Кутузовым в 1812 году? Или это был триумф Наполеона? Было ли позором для Германии окружение под Сталинградом 22-х дивизий Вермахта в Великую Отечественную войну? Или сдача их в плен стала триумфом разума и понимания бесполезности сопротивления, позволившее сохранить сотни тысяч жизней как советских, так и немецких солдат? Споря о таких категориях нельзя забывать о том, под каким углом на них смотреть. Как сказал ге-

3 Мамонтов С. И. Походы и кони. М.: АСТ. 2018. С. 128–129.

4 Давыдов Ю. В. Нахимов... Баку. 1987. С. 86.

5 Шишов А. В. Юденич: Генерал Юденич. М.: Астрель, АСТ. 2004. С. 79.

6 Мартынов Г. Г. Заметки о топонимии Поволховья в пределах Ленинградской области // Топонимический альманах. 2017. № 2. С. 15–31.

7 Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия. 2009. С. 125.

8 Шишов А. В. Юденич... М., 2004. С. 91.

рой Машкова в фильме «Олигарх»: «Крокодил больше длинный, чем зеленый. Потому, что он длинный и сверху, и снизу, а зеленый — только сверху».

Можно ли о победителе говорить, как о бесспорно доблестном и честном? Сунь-Цзы говорил: война — это путь хитрости⁹. Может ли хитрый человек быть доблестным и честным? На взгляд автора, емко и точно на этот вопрос ответил М. Д. Скобелев: «Знаете, надо всегда уметь пользоваться не только способностями, доблестями и достоинствами людей, но и их пороками, — писал М. Д. Скобелев. — Разумеется, ради честного дела. Не для себя и не в свою пользу. Это в военном деле — необходимость»¹⁰. Цель оправдывает средства. А цель в войне одна — победа. Или, другими словами, — «all's fair in love and war» — «в любви и на войне все средства хороши». Не правда ли, символично, в одной фразе — любовь, как основа жизни и война, как причина смерти!

Поэтому есть и другая сторона войны, другой взгляд на нее, не относящийся к гуманности и не связанный с морально-социальными аспектами. Ведь войну многие ждали, и ждали с нетерпением, видели в ней светлые моменты, гордились и были счастливы ощущать себя участником военных действий или помощником в этом, отстаивать интересы своей страны, уничтожать врагов своей Родины, истреблять богоотступников, быть защитником своего Отечества. И, конечно, нельзя забывать, что слава победителя всегда равна силе побежденного.

О войне с Турцией 1877–1878 гг. генерал Алексей Алексеевич Брусилов говорил: «Никто не задавался вопросом, зачем нужна война, за что будем драться и т. д., считая, — отмечал он, — что дело царю — решать, а наше — лишь исполнять»¹¹. В этих словах вся суть отношения служивого человека к войне, к вере в тех, кто ведет его в голод и холод, лишения и страдания, на штыки и пики, под пули и ядра.

В конце XIX века великие русские писатели А. И. Куприн, А. П. Чехов, М. Горький, Л. Н. Андреев и многие другие неоднократно рисовали образы будней офицеров того времени, их жизнь

и бытие в межвоенный период. При этом ни у кого они, практически, не отличались друг от друга. Офицеров, по их мнению, и фактически, «больше засасывало в некую трясиину обыденщины и беспросветной тоски». Следствием этого становились азартные игры, злоупотребление алкоголем, а также бич того времени — дуэли. «Военные ждали войны как избавления от унылого времяпрепровождения»¹².

Но настал час войны и офицеры, которых «огульно обвиняли в отсутствии совести, пьянстве, разгильдяйстве и лени», без оглядки на жизнь и здоровье отдавали себя, защищая Россию¹³. Это о русско-японской войне, которая по замыслу русского правительства должна была отвлечь общество от участия в антиправительственных выступлениях.

Генерал Сергей Леонидович Марков 26 ноября 1916 года на занятиях по тактике со слушателями Николаевской Академии Генерального штаба говорил: ««ваше счастье в героическом подвиге, военной доблести, ваше счастье в седле, на спине прекрасной боевой лошади!». «Идите туда, — восклицал он, — на фронт! Там, среди рева орудий и свиста пуль, ловите свое счастье! Нет выше блага, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая Отечество»¹⁴. По иронии судьбы эту речь слушал Аполлон Яковлевич Крузе, который в Гражданскую войну в войсках адмирала А. В. Колчака дослужился до генеральского чина, награждался боевыми наградами, попал в плен и перешел на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. В год начала Великой Отечественной войны окончил Военную академию имени Михаила Васильевича Фрунзе, с февраля 1943 года исполнял должность начальника штаба Сталинградской группы войск, осенью того же года командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород, а с ноября 1944 года — 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. Был награжден многими государственными наградами теперь уже СССР, а в 1949 году, через 30 лет после производства в генерал-майоры у А. В. Колчака, получил звание генерал-лейте-

9 Сунь-Цзы. Искусство войны: с комментариями и пояснениями. М.: АСТ. 2018. С. 39.

10 Немирович-Данченко В. И. Скобелев. М., 1993. С. 190.

11 Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат. 1983. С. 19.

12 Кисин С. В. Деникин. Единая и неделимая. Ростов-на-Дону: Феникс. 2012. С. 23–24.

13 Зверев С. В. Генерал Краснов. Как стать генералом. Ростов-на-Дону: Феникс. 2013. С. 121.

14 Кисин С. В. Деникин... Ростов-на-Дону, 2012. С. 265.

нанта Советской армии¹⁵. И кто возьмет на себя смелость утверждать, что генерал Крузе не внял словам Маркова, не отстоял Отечество?! Исчезла Российская Империя, появился СССР. Прошло семьдесят с небольшим лет и исчез СССР, появилась Россия. И те, кто присягая на верность СССР, клялся: «Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами...». Они что, не защитили свою Родину? Все просто: в августе 1991 года приказа не последовало, как и в 1917 году, а сил и смелости взять на себя ответственность и принять решение, на то, к чему призывала Присяга, к чему готовили в военных академиях и училищах не хватило. И Великая страна канула в Лету. Банально, но история не любит сослагательных наклонений. И поэтому сейчас в нашей стране есть люди, которые счастливы, что их дети, мужья, братья и отцы не повторили путь Гражданской войны начала прошлого века, но, при этом, сожалеют, что не осталось той страны, которая гарантировала им уверенность в будущем. Так сказать, своеобразные единство и борьба противоположностей в человеке и социуме, которые никогда не достигнут равновесия.

«Военная и офицерская служба — это прежде всего подвиг, — писал генерал Петр Николаевич Краснов в официальной газете Военного министерства «Русский инвалид», издававшейся в Санкт-Петербурге в 1862–1917 гг. — Это отречение от самого себя, это тернистый путь, часто заканчиваемый терновым венком мученика. Но зато, в ней много поэзии, много такого обаяния, что заставляет служить ей, несмотря на все ее невзгоды¹⁶. Здесь к поэзии военной службы относится своеобразная художественно-историческая летопись судеб военнотружущих, их семей и боевых товарищей, всех тех, кто плечом к плечу отстаивал и защищал Отечество. А в обаянии видится способность военного человека привлекать к себе, располагать к хорошему отношению, очаровывать людей, покоряя их своей высокой

культурой, нравственностью, дисциплиной и самопожертвованием ради «Веры, Царя и Отечества». И при этом общество, светское общество, понимало и принимало, что этот военный человек убивал, может быть и жестоко, может быть и десятки, и сотни.

Без поражений нет побед. И каждая победа, пусть и маленькая, вызывала подъем патриотизма и психологического состояния участников боевых действий. Даже в ходе Мугденского сражения, проигранного русскими войсками, были светлые моменты, когда, объезжая поле боя, тогда еще полковник, Н. Н. Юденич, в окопах своих подчиненных «всюду видел радостные лица солдат, слышал их веселую переключку. Удача в бою бодрила всех, и тяжесть бессонной ночи не сказывалась на настроении бойцов: ведь они одержали победу»¹⁷.

Не только военные, но и сугубо гражданские жители России видели в войне положительные стороны. «Участие России в этой войне (Первой мировой — А. П.) главной своей целью имеет искоренение тлетворного влияния на нее германской традиции милитаризма и германского капитала», — писал родным домом майкопский врач Василий Федорович Соловьев в сентябре 1914 года, — «Германия тянет Россию назад в прошлое, а участие России в этой битве народов в одном лагере с передовыми нациями (Великобританией, Францией, Японией, Сербией, а позднее — США, Италией и Румынией — А. П.) дает надежду на прогрессивное развитие страны в послевоенном мире...»¹⁸. Интеллигенция того времени как могла поддерживала Россию в Первой мировой войне. На фронт уходили добровольцами писатели, художники, поэты. Один из самых известных из них — Николай Степанович Гумилев — служил в кавалерии, воевал умело и бесстрашно. Корреспондентами военных изданий стали Валерий Яковлевич Брюсов, Сергей Митрофанович Городецкий. В санитарных поездах служили Алексей Николаевич Толстой, Сергей Александрович Есенин, Александр Николаевич Вертинский. В Припятских болотах строил военные сооружения Александр Александрович Блок.

15 Ганин А. В. Недоноски? // Родина. 2014. № 8. С. 62–66.

16 Зверев С. В. Генерал Краснов... Ростов-на-Дону, 2013. С. 182.

17 Шишов А. В. Юденич... М., 2004. С. 75.

18 Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России. М.: Центрполиграф. 2017. С. 61.

Несомненно, войны стимулируют промышленность, науку, искусство и, кроме того, убирают из нашей жизни старое и отсталое, изменяют взгляды людей на окружающую действительность. Но, вместе с тем, они уничтожают действительность.

Война является проявлением одной из сторон общественной жизни человечества, говоря об этой жизни в широком смысле этого понятия. Находясь в зависимости от норм и законов, управляющих созданием, развитием и жизнью общества, она, война, остается одной из наиболее частых форм человеческой деятельности, «в которой агенты разрушения и уничтожения переплетаются и сливаются с элементами творчества и развития, с прогрессом, культурой и цивилизацией»¹⁹.

«Война, — говорилось в приказе по Черноморскому флоту, изданному 19 июля 1916 года А. В. Колчаком в качестве командующего оным ко второй годовщине начала Первой мировой войны, — неизменно связана с лишениями и страданиями». По его мнению, главная тяжесть войны заключалась, в первую очередь, в непрерывной напряженной, наполненной драматизмом, работе, не связанной, напрямую, с успехами и или неудачами в боях и битвах, а непосредственно в боевой деятельности, к которой готовятся в мирное время и к которой основная масса людей идет охотно. «Война, — продолжал А. В. Колчак, — должна стать для каждого желанным временем, лучшим периодом нашей жизни, ее главной целью, ибо любовь к войне, по мнению командующего Черноморским флотом, — к военной деятельности и боевой работе заложены в душе каждого человека». Особенно, как утверждал адмирал, «молодого и здорового»²⁰. Так же, как и благородное, беззаветное стремление к славе и подвигу. Как это близко по смыслу и содержанию к словам одного из самых популярных исполнителей конца XX века, рано ушедшего от нас из-за трагической случайности, Виктора Цоя: «Война — дело молодых, лекарство против морщин», и, в продолжении: «смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать».

Два взгляда на войну, людей из одной эпохи, их одной страны, одной веры. Для одних она —

обогащение, для других — разорение. Для одних — горе, для других — радость. И, как итог, для одних она — смерть, для других — начало жизни. И в ходе войны нет правых и виноватых. Они появляются до нее. Таковыми, виноватыми, становятся те, кто зажигает огонь в дипломатических кабинетах, берет в руку перо или накручивает диск телефона, отдавая безумные приказы и распоряжения.

Ученые некоторых стран утверждают, что душа не умирает вместе с телом, а уходит в пространство Вселенной. Впереди нас может ждать самая страшная и жуткая война, предпосылки которой уже проявляются сейчас — война за наши души. В этой войне мы можем остаться с телом, но без души. Предвестником такой войны могут служить события, произошедшие в нашей стране на рубеже XIX–XX столетий, а в дальнейшем повторившиеся (история повторяется!) в период следующего межвекового рубежа.

Список литературы

1. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.
2. Ганин А. В. Недоноски? // Родина. 2014. № 8. С. 62–66.
3. Давыдов Ю. В. Нахимов. Баку: Ишыг, 1987. 160 с.
4. Зверев С. В. Генерал Краснов. Как стать генералом. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 220 с.
5. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия, 2009. 637 с.
6. Кисин С. В. Деникин. Единая и неделимая. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 413 с.
7. Мамонтов С. И. Походы и кони. М.: АСТ, 2018. 448 с.
8. Мартынов Г. Г. Заметки о топонимии Поволжья в пределах Ленинградской области // Топонимический альманах. 2017. № 2. С. 15–31.
9. Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России. М.: Центрполиграф, 2017. 223 с.
10. Немирович-Данченко В. И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. 287 с.
11. Сунь-Цзы. Искусство войны: с комментариями и пояснениями. М.: АСТ, 2018. 190 с.
12. Шишов А. В. Юденич: Генерал Юденич. М.: Астрель, АСТ, 2004. 457 с.

19 Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... М., 2009. С. 212–213.

20 Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... М., 2009. С. 265.

VIEWS OF CONTEMPORARIES ON THE WAR AND SPIRIT OF THE RUSSIAN ARMED FORCES OF THE END OF THE XIX-EARLY XX CENTURIES

Pavlov Andrey Valerevich,

Lecturer Military Academy of the strategic rocket forces, Peter the great,
8, Karbysheva str., Balashikha, Moscow region, 143900, Russian Federation,
e-mail: zigfrid71@mail.ru

Abstract

How did the military and intelligentsia society look at war a century ago? Why did one mood change to another? In the article, on the basis of memoirs of famous historical personalities — military leaders of the late XIX-early XX centuries, an analysis of their vision of the events taking place was carried out. An attempt has been made to determine the causes of a change in attitudes toward war within the framework of events occurring in our days. A relative forecast is presented for what you need to be prepared for in the future.

Keywords

War, spirit, army, armed forces, general staff, morality, humanism, fatherland

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

RAR
УДК 7.01
ББК 85

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ СКУЛЬПТУРЫ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОЙ КРУГЛОЙ СКУЛЬПТУРЫ БАРНАУЛА)

Прядуха Наталия Анатольевна,

кандидат искусствоведения,
преподаватель Алтайского института экономики
e-mail:200803grace@gmail.com

Аннотация

В статье представлена методология формирования культурного ландшафта города в его ассоциативной части. Художественное произведение, обладая необходимой полнотой возможностей отражения культурного ландшафта, признано причиной выделения художественно-ассоциативного ландшафта как отдельного типа культурных ландшафтов. Музыкальность скульптуры города Барнаула представлена в качестве ландшафтообразующего элемента художественно-ассоциативного ландшафта города.

Ключевые слова

Музыкальность, художественное произведение, культурный ландшафт, скульптура, жест.

Исследования культурных ландшафтов имеют разные аспекты актуальности: научный, заключающийся в поиске новых закономерностей, структур, классификаций, определений и т. д., информационный, состоящий из сбора и хранения новой информации, экологический, включающий борьбу за чистоту найденного ландшафта и его сохранение, воспитательный, формирующий особое чувство причастности к обнаружен-

ному или созданному культурному ландшафту и, как следствие, появлению новой характеристики человека — региональной идентичности. Идентичность, в данном случае, предстает как синоним местного самосознания. Культура укорененности может восприниматься как дополнительная к культуре мобильности. Эти культуры одновременно являются равноправными фабулами деятельности человека, предполагающими



Рис. 1. Памятник В. Цюю.
Скульптор С. Кульгачёв

активность и пассивность, интенсивность и экстенсивность¹. На современном этапе развития человечества, когда жизненные реалии меняются чрезвычайно быстро, нам видится необходимой актуализация сдерживающих механизмов, позволяющих сохранять привязанность к традиции, тем самым создавать противостояние процессам маргинализации гуманизма и духовности. Ощущение связи с местом своего пребывания способствует формированию целостности человека, осознанности и комфортности своего бытия, целей собственной деятельности и значимости жизни в целом. Поэтому, с нашей точки зрения, изучение, формирование, моделирование культурного ландшафта города — есть методы воспитания полноценного человека, гражданина, патриота, осознающего и ценящего свою сопричастность с миром и с местом своего проживания.

Традиционная классификация культурных ландшафтов представляет это явление в виде трех типов: природного, рукотворного и ассо-

циативного. В границах города все типы культурного ландшафта тесно взаимодействуют, но масштаб третьего типа неизмеримо больше первых двух. Ассоциативный ландшафт возникает на основе: исторических событий, происходящих на той или иной территории, значимой деятельности личностей, проживающих на той или иной территории и художественных произведений, связанных с той или иной территорией. На наш взгляд, позиция художественного произведения, в данной системе представлений, отличается необходимой полнотой, так как оно либо отражает природный и (или) рукотворный ландшафт (живопись), либо само является частью природного и рукотворного ландшафтов (скульптура и архитектура), либо сочетает все эти возможности (живопись). Художественные произведения, отражающие культурный ландшафт города, демонстрируют все многообразие таких проявлений. Исходя из этого, нам видится возможным, выделить ассоциативный ландшафт, в части его связи с художественными произведениями и назвать его художественно-ассоциативным.

Для достижения теоретической стройности нами выбран набор методов, позволяющий привести художественно-ассоциативный ландшафт города к состоянию целостности системы. Одним из таких стал метод доминантного анализа, так как он позволяет создавать комплексные характеристики, основываясь на установке на отбор информации с целью описания мест по доминантам (символам), субъективно выделенным исследователем и индивидуальным для каждого места. Далее, эти характеристики, по возможности, объединяются на основании внутренних и внешних текстуальных переплетений². Основа их дальнейшей общности определяется, в нашем исследовании, музыкальным подходом, поэтому субъективность автора минимизируется, с одной стороны, универсальностью музыкального языка, с другой стороны, наличием достаточно жестких музыкальных закономерностей, найденных в произведениях изобразительных искусств и архитектуры. Таким образом, в основании ху-

1 Крылов М. П. Исследование региональной идентичности в европейской России // Юбилейная научная конференция «Культурный ландшафт: теория и практика» (3–11 ноября 2003 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kultland2003.narod.ru/3-5.html>. Дата обращения: 14 июня 2017 года

2 Митин И. И. Создание комплексных географических характеристик и внедрение доминантного мышления // Юбилейная научная конференция «Культурный ландшафт: теория и практика» (3–11 ноября 2003 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kultland2003.narod.ru/3-5.html>. Дата обращения: 14 июня 2017 года/

дожественно-ассоциативного ландшафта лежит система искусств, центральным элементом которой является музыка. Музыкальность, в качестве видового признака музыки, имеет возможность перемещаться за пределы своего вида искусства и проявляться в иных сферах. Обнаружение музыкальных характеристик (ритма, темпа, интонации, формы и т. д.), их артикуляция, в произведениях изобразительного искусства, обладающих связью с городской территорией — есть процесс формирования специфического культурного ландшафта местности.

Из всего многообразия произведений искусства, связанных с территорией города нами выбраны лишь те, в которых, на наш взгляд, музыкальность проявляется достаточно ярко. Учитывая тот факт, что художественное произведение есть документальная фиксация любого типа ландшафта, то все характеристики произведения искусства автоматически становятся характеристиками территории, отраженной в нем. В результате, нами выделены отдельные места городского пространства, обладающие высокой степенью музыкальности. Остальные характеристики этих мест оставлены без внимания, так как основная идея доминантного анализа — в разрешённом невнимании к некоторым элементам места. Доминантный анализ превращает реальное пространство города, в специфическое векторное мета-пространство, разрешающее и стимулирующее всевозможные игры с пространством и трансформации доминантных структур описаний мест³.

К основным методическим и прикладным задачам формирования художественно-ассоциативного ландшафта города относится, прежде всего, разработка типового алгоритма. Он сводится нами к последовательности шагов: выделение объекта по функциональной (исторической, эстетической) значимости и насыщенности музыкальными атрибутами; фотофиксация объекта; подробный анализ и описание объекта; структурно-функциональный анализ; поиск системных закономерностей, аналогий; обобщение результатов. Анализ музыкальности художественного произведения видится нам возможным осуществленным в трех направлениях: во-первых, с точки зрения воплощения в нем образа человека, так как любое произведение ис-



Рис. 2. Бюст В. Высоцкому.
Скульптор Н. Звонков

кусства, так или иначе, отражает человеческое; во-вторых, с точки зрения проявления в нем основных (для изобразительных искусств) средств выразительности (точки, линии, плоскости, композиции и т. д.); в-третьих, с точки зрения наличия в нем орнаментальности.

Наглядным примером жизнеспособности описанной методологии могут послужить наши результаты анализа городских скульптурных произведений Барнаула. Определяя степень насыщенности произведения скульптуры музыкальными атрибутами, мы начали с изучения сущностных характеристик скульптуры и поиска их связи с сущностными характеристиками музыки. Нами обнаружено, что язык скульптуры, как и язык тела человека, так или иначе, представлен комбинацией жестов разной природы (интенциональных, натуралистических, вообразаемых и т. д.). Жест — есть осязательный, зрительный и мыслительный аналог интонации, обеспечивающей теснейшие связи скульптуры и музыки. Данный факт позволяет нам признать музыкальность имманентной характеристикой образа любого человека. Подавляющее число скульптурных произведений изображают человека, поэтому анализ жестового набора, его интерпретация, неизбежно приводит к обнаружению различных музыкальных характеристик

3 Митин И. И. Указ. соч.

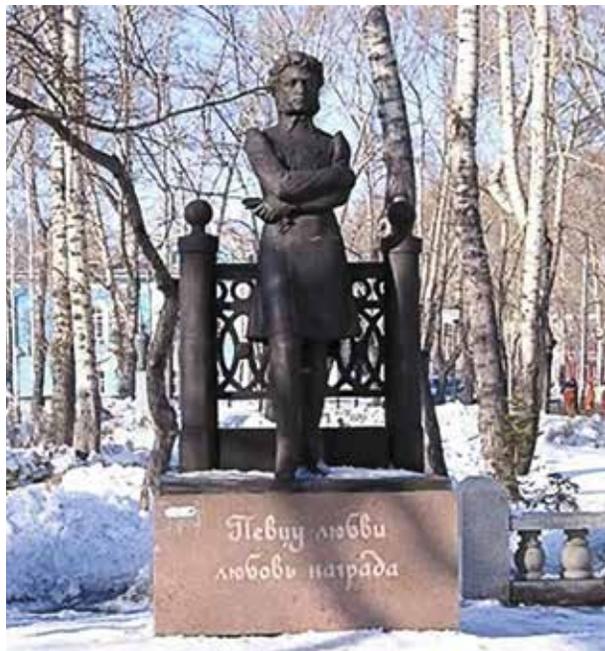


Рис. 3. Памятник А. С. Пушкину.
Скульптор С. Кульгачёв

скульптурного произведения, которые актуализируют архаические основы восприятия человеком мира, восполняют пробел недостающей духовной составляющей познания и оценки окружающей реальности. Методологической основой в случае использования музыкального подхода к интерпретации скульптурного произведения стала философия искусства Ф. В. Й. фон Шеллинга⁴, который в целом описал путь постепенной материализации идеи звучащей Вселенной, от музыки к скульптуре. Данные идеализированные представления имеют подтверждения с точки зрения психофизиологических характеристик человека, обеспечивающих родственность восприятия акустических, зрительных образов и тактильных ощущений, с точки зрения современных научных представлений, актуализирующих представления о Мире, как вибрирующем, звучащем явлении. Кроме этого, имманентная музыкальность образа человека заложена в эталоне пропорций человеческого тела, с которым любое произведение скульптуры, так или иначе, соотносится.

Понимание скульптуры как набора общих, для всех изобразительных искусств, средств выразительности тоже наполняет ее музыкальностью.

4 Шеллинг Ф. В. Й. фон. Философия искусства. М.: Мысль, 2003. 367 с.

ми характеристиками. Музыкальные характеристики различных вариантов точек и линий представлены в теории В. В. Кандинского⁵. Точка, как физическое явление, рождающее звук, наделяет скульптуру звучащим аналогом в любом месте ее проявления. Линия, как след перемещающейся точки, позволяет использовать все временные параметры (метр, темп, ритм и т. д.) к анализу статичной скульптуры, что делает возможной артикуляцию ее родственности с временной музыкой. Общность волновых физических явлений звука и цвета позволяет выделять соответствия между звучанием и цветовым решением произведения скульптуры. Характеристики основных форм (квадрат, круг, треугольник) обладают общими характеристиками, которые проявляют себя в музыке в функциональных взаимодействиях, в характере произведений. Композиционные приемы (симметрия, асимметрия) обладают музыкальными аналогами и универсальными для всех видов искусства общими трактовками, что считается нами, благодатной почвой для их музыкальной интерпретации в скульптуре. Таким образом, средства выразительности скульптуры, на наш взгляд, являются носителями разнообразных музыкальных характеристик скульптурного произведения.

Связь между направлениями анализа музыкальности по направлениям к образу человека и средствам выразительности выявлена нами на основании концепции жестовой природы искусства П. А. Флоренского⁶. Он считал, что любая деятельность человека связана с сотворением жестов. Все жесты философ делил на два типа: осязательные, результатом которых являются точки и двигательные, результатом которых становятся линии. Они отличаются степенью активности и первые называются пассивными, а вторые — активными. Художественные произведения — есть документальное свидетельство жестовой активности их творца, так как любое движение резца, молота, кисти и т. д. связано с нанесением на любую поверхность (холст, камень, глина и т. д.) точек или линий. Воспринятое таким об-

5 Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Л., 1990. 66 с.; Он же. Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука-классика, 2005. 560 с.

6 Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительном произведении // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. 446 с.

разом, художественное произведение предстает как комбинация точек и линий, характеризующая, с одной стороны жестовую активность автора, с другой стороны жестовый посыл самого изображения.

Орнаментальность скульптуры, то есть, тот или иной тип соотношения основных средств выразительности, имеющий музыкальную трактовку в теории орнаментальности Е. В. Синцова¹, позволяет выявить музыкальность скульптуры в ином ракурсе. Все орнаменты исследователь делит по характеру жеста на три типа: сексуально-подобные, рукоподобные, ротоподобные. Соотношение основных типов орнаментов с образом человека, их универсальность очевидны. Кроме этого, каждый тип орнамента обладает своими, определенными музыкальными аналогами, что позволяет использовать музыкальный подход к интерпретации любого художественного произведения. Таким образом, мы видим возможным рассматривать общую музыкальность любого скульптурного произведения с точки зрения трех направлений ее проявлений. Сумма всех возможных музыкальных характеристик скульптуры, устойчивость их проявлений на практике, позволяет признать музыкальность свойством скульптуры.

Помимо общей музыкальности скульптурного произведения в нем возможны частные уровни ее проявлений. Они сводятся к следующему: содержательный уровень (использование в качестве контекста изображенного образов музыкантов, музицирования, музыкальных инструментов, музыкальной символики и т. д.), абстрактный уровень (уменьшение предметности, повышение чувственности изображения), декоративный уровень (орнаментальность, усиление роли цвета), композиционный уровень (использование признаков музыкальных форм).

Анализ музыкальных характеристик памятника В. Цою (скульптор С. Кульгачёв), бюста В. С. Высоцкому (автор — Н. Звонков), памятников А. С. Пушкину (скульптор М. Кульгачёв), И. И. Ползунову, В. М. Шукшину, (скульпторы М. Кульгачёв и Н. Звонков), скульптурного изображения нулевого километра Алтайского края показал, что каждая круглая скульптура,



Рис. 4. Памятник И. И. Ползунову.
Скульптор И. Бродский

благодаря своей специфике, независимо от того абстрактна она или нет, изображает она музыканта или нет, образует вокруг себя смысловое поле, в котором музыкальные характеристики занимают одно из центральных мест.

Таким образом, круглая скульптура стала центрообразующим элементом художественно-ассоциативного ландшафта города. Прочтение этих характеристик и связь всех скульптур-центров воедино создает воображаемую сеть вертикальных осей-связей, разной конфигурации и уплотненности, что приводит к возникновению части художественно-ассоциативного ландшафта города.

Музыкальность анализируемых произведений проявила себя во всех возможных вариантах. Так, музыкальность образа человека наглядно проявляется в изображениях людей. Общая музыкальность изображения нулевого километра Алтайского края тоже содержит комбинацию авторских жестов, поэтому проявляет себя, хотя и не так наглядно. Любое из названных скульптурных произведений представляет свою специфическую комбинацию точек и линий, тяготеющую к какому либо типу орнамента, что предполагает определенный набор музыкальных аналогов и проявление общей музыкальности данного скульптурного произведе-

1 Синцов Е. В. Природа невыразимого в искусстве и культуре: к проблеме жесто-пластических оснований художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке. Казань: Фэн. 2003. 304 с.

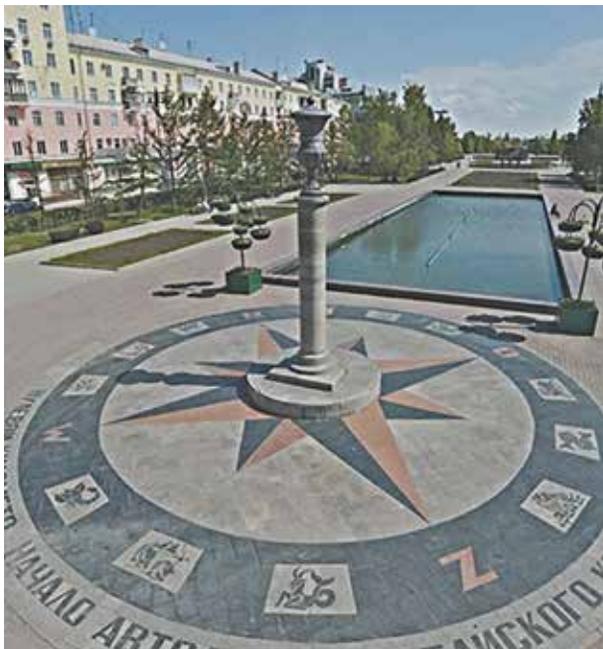


Рис. 5. Скульптурное изображение нулевого километра. Памятник изготовлен мастерами Колыванского камнерезного завода

ния. Содержательный уровень музыкальности проявлен в изображениях В. Цоя, В. Высоцкого, А. С. Пушкина; абстрактный уровень — в изображении нулевого километра, И. И. Ползунова, и В. М. Шукшина; декоративный уровень — в изображении И. И. Ползунова, нулевого километра; композиционный уровень — в изображениях В. Цоя, В. Высоцкого, А. С. Пушкина, нулевого километра.

Музыкальные характеристики проанализированных скульптур позволяют выходить на уровень крупных обобщений, например ассоциации с музыкальным творчеством В. Цоя и В. Высоцкого, ролью музыки в творчестве А. С. Пушкина и В. М. Шукшина, образом дороги, его музыкальностью в русской культуре и т. д. Таким образом, границы художественно-ассоциативного ландшафта Барнаула, могут выходить далеко за пределы Алтайского края, что в перспективе может стать предметом изучения художественно-ассоциативного ландшафта более крупного региона или страны.

Итак, музыкальный подход в организации культурного ландшафта города позволяет соз-

давать специфический вариант ассоциативного ландшафта, что обогащает его восприятие, создает многоаспектный культурный ландшафт. В результате появляются дополнительные связи человека с территорией, идентификация с местом своего проживания или пребывания, как следствие, более трепетное и бережное отношение к нему. Формирование и артикуляция художественно-ассоциативного ландшафта способствует воспитанию рефлексивной позиции человека, его патриотичности. Повышение привлекательности региона, его популяризация, ведет к усилению туристической активности и экономическому росту в конечном итоге.

Список литературы

1. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Л., 1990. 66 с.
2. Он же. Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука-классика, 2005. 560с.
3. Крылов М. П. Исследование региональной идентичности в европейской России // Юбилейная научная конференция «Культурный ландшафт: теория и практика» (3–11 ноября 2003 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kultland2003.narod.ru/3-5.html>. Дата обращения: 14 июня 2017 года
4. Митин И. И. Создание комплексных географических характеристик и внедрение доминантного мышления // Юбилейная научная конференция «Культурный ландшафт: теория и практика» (3–11 ноября 2003 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kultland2003.narod.ru/3-5.html>. Дата обращения: 14 июня 2017 года/
5. Синцов Е. В. Природа невыразимого в искусстве и культуре: к проблеме жестопластических оснований художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке. Казань: Фэн, 2003. 304 с.
6. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительном произведении // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. 446 с.
7. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М.: Мысль, 2003. 367 с.

MUSICAL SCULPTURE AS A COMPONENT OF CULTURAL LANDSCAPE OF THE CITY (ON THE EXAMPLE OF THE CITY ROUND SCULPTURE OF BARNAUL)

Priyduha Natalia Anatolyevna,

PhD in History of Arts, teacher of the Altai Institute of Economics

e-mail: 200803grace@gmail.com

Abstract

The article presents the basic methodology for studying and shaping the cultural landscape of the city in terms of the associative landscape. The artistic work, possessing the necessary fullness of the possibilities to reflect the cultural landscape, is recognized as the reason for the selection of the artistic and associative landscape as a separate type of cultural landscapes. The author, on the example of the sculpture of the city of Barnaul, presents the model of the artistically-associative landscape of the city, the basis of which is the musicality of its landscape-forming elements.

Keywords

Musicality, artwork, cultural landscape, sculpture, gesture.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ 1–4 ЗА 2018 ГОД

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Архангельский Ю. Е. Трансформация моделей подготовки специалистов по организации свободного времени в разные периоды истории Отечества. № 1.

Горлова И. И., Коваленко Т. В., Зорин А. Л. О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох. № 4.

Катасонов В. Н. Святая Русь и русская философия № 2.

Минаев Е. А. Музыка как парадигма, в системе ценностных ориентаций информационного пространства. № 1.

Михеева Л. Н., Джичоная М. А. Модель гармонического мирового порядка: крестьянские ремесла как художественное произведение. № 3.

Соловей Т. Д. «Кряшенская проблема» в зеркале этнологической экспертизы. № 3.

Фесенкова Л. В. Утопизм в современных представлениях о мире: концепция ноосферы № 4.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

Беспалова Т. В. Национальная память и русская культура. № 1.

Катасонов В. Н. Глубины и мели сборника «Из глубины (1918)»: размышления над страницами книги, не вышедшей в свет 99 лет назад. № 4.

Крюков Д. В. Скульптуры апостолов на фасаде храма Рождества Богородицы в селе Подмоклово в контексте культуры Петровской эпохи. №№ 3,4.

Ларионов В. Е. Символика цветов и первоначальный рисунок государственного флага России. № 1.

Ларионов В. Е. Этапы становления самодержавной парадигмы в домонгольской Руси. № 2.

Миронов А. С. Картина мира русского эпического сознания: цивилизационные особенности. № 4.

Поль Д. В. Народы Поволжья в поэме «Пугачев» С. А. Есенина. № 3

Свиридкина Е. В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России. № 2.

Чернов А. В. Религия и экология: Культура отношения к природе в анимизме и Библии. № 2.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

Маслова Ю. В. Н. С. Большаков — достойный внук знаменитого деда. № 1.

Суворкина Е. Н. «Мать не воспитывала — испытывала...»: лирический образ матери в автобиографической прозе М. И Цветаевой в рамках философско-культурологической парадигмы (к 125-летию со дня рождения). № 1.

Огороков А. В., Орехов А. А. Наследие русской эмиграции: «Союз мушкетеров Его Высочества князя Никиты Александровича». № 1.

Кохан А. А. Мусульманские комитеты Крыма в системе немецкой пропаганды № 2.

Исаченко Т. А. Неизвестный альбом великой княжны Анастасии. 1912–1917 гг. № 3.

Исаченко Т. А. Памятные записки как мегатекст: опыт многоуровневого прочтения альбома-календаря великой княжны Анастасии. № 4.

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ипполитов С. С. «Шато рюсс»: повседневный быт русских эмигрантов (1920–1930-е гг.). № 4.

Павлов А. В. Взгляды современников на войну и дух российских вооруженных сил конца XIX- начала XX веков. № 4.

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

Березин А. А. Перспективы изучения подводного культурного наследия на примере функционирования музейного комплекса Кыргызско — Российского славянского университета имени Б. Н. Ельцина № 1.

Кузнецова-Бондаренко Е. С. Символ как основа орнаментальной композиции в крымском витражном искусстве. № 1.

Петренко А. П. Синтез архитектуры и пластических искусств в городском пространстве Крыма. № 2.

Прядуха Н. А. Музыкальность скульптуры как компонент культурного ландшафта города (на примере городской круглой скульптуры Барнаула). № 4.

Тимофеева В. В. Традиционная культура северных коневодов в современном искусстве Якутии (на примере живописных произведений А. Н. Осипова). № 2.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

Баниже О. Н. Неклассический дискурс телесности в свете идеи постчеловека. № 4.

Белов А. В. Учебные заведения Москвы в период становления в городе системы народного просвещения (1785–1790 гг.): качество преподавания, контингент, трудности. № 2.

Васильева А. В. Жилой массив как самостоятельный вид жилой застройки первой трети XX века. № 2.

Кортович А. В. Художественные особенности многофигурных сюжетных композиций в декоративном оформлении русских народных тканей XVIII века. № 4.

Устюгова А. В. Гудошники по дворцовым записям Петровской эпохи (начало XVIII века). № 2.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Гронский А. Д. Культурно-историческое наследие России в Ближнем Зарубежье. № 3.

Гуров М. Б. Государственная мемориальная культурная политика: к вопросу о сакральной коммеморации. № 1.

Наземцева К. Н. Культурно-образовательная деятельность музыкальных музеев России № 3.

Николаенко Н. В., Резник О. В., Швецова А. В. К проблеме музейной сети Крыма: приоритет литературно-художественной экспозиции (проект «писатели-путешественники в Тавриде XIX — начала XX вв.»). № 3.

Пархоменко Т. А. Русское послереволюционное зарубежье о политике СССР в отношении культурного наследия России. № 3.

Поляков Т. П. Музей былины: две модели государства. № 1.

Резник О. В., Стельмах И. Ф., Швецова А. В. Сохранение и популяризация культурного наследия как направление деятельности музеев Крыма. № 3.

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. Этнокультурный брендинг территории как ресурс влияния региональной культурной политики. № 3.

Гуцалов А. А. Русское Зарубежье как часть культурного пространства русского мира и как ресурс внешней культурной политики. № 1.

Гуцалов А. А. Культурный бренд и брендинг территории. № 3.

Закунов Ю. А. Система и иерархия ценностей российской цивилизации (к построению «ценностной модели государственной культурной политики»). № 1.

Путрик Ю. С. Геокультурная матрица Российской цивилизации как ресурс пространственного развития России. № 3.

Публикация в научно-информационном журнале «Культурное наследие России»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объёмом до 10-12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: **knaros@yandex.ru**.
- Формат текстовых файлов — **DOC, DOCX**.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. Тип статьи (*выбрать из списка на следующей странице*).
2. УДК (*определить самостоятельно в соответствии с темой статьи*).
3. ББК (*определить самостоятельно в соответствии с темой статьи*).
4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. Аннотация на русском языке (5-8 строк).
8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегель — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. **Сноски — постраничные (внизу страницы)**.
10. Список использованной литературы.
11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. Аннотация на английском языке (5-8 строк).
15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «Культурное наследие России»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....
Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
- 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2.
3. 8. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4.

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;	SCO — краткое сообщение;	COR- переписка;
EDI — редакционная заметка;	REV- обзорная статья;	PER — персоналии;
BRV- рецензия;	ABS- аннотация;	MIS — разное;
CNF — материалы конференции;	REP- научный отчет;	UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.

Издатель: МОО «Русский культурный центр».

Подписано в печать: 20.12.2018. Формат 60x90/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

<http://ркцентр.рф/культурное-наследие-россии/>

E-mail: knaros@yandex.ru